ББК 63.3
В 67

ISBN 5-9533-0271-1

1. ОТКРЫТИЕ ФИНИКИИ

1.1. Что было до «Жизни Иисуса»?

Современные историки довольно поздно открыли для себя Финикию. Ее письменность была непонятна до середины XVIII века, пока не удалось прочесть двуязычную греко-финикийскую надпись, найденную на Мальте. Археологическое же открытие Финикии началось почти через столетие, и заслуга в нем отчасти принадлежит... французскому императору Наполеону III.

В 1860 году секта мусульман-друзов учинила резню в турецкой Сирии. Жертвами ее стали тысячи христиан-маронитов. Когда известие об этом достигло Европы, всюду поднялось возмущение. Турецкий султан и сам не потерпел беспорядков, направив войска, чтобы усмирить ревнителей веры. Но уже французский император Наполеон III, любитель военных авантюр, решил, что подвернулся удобный повод, чтобы немедленно, в бонапартистском стиле, утвердить позиции Франции в Леванте — на ближневосточном побережье Средиземного моря. Он тоже направил экспедиционный корпус в зону боевых действий. Затевая эту вылазку, Наполеон III наверняка вспоминал египетский поход своего великого предшественника и, по его примеру, пожелал, чтобы войска «сопровождал» ученый — ориенталист Жозеф Эрнест Ренан.

Впоследствии он прославится своей книгой «Жизнь Иисуса». Однако в то время Ренан, — хотя ему было уже 37 лет, — лишь начинал свою научную карьеру. Он занимался сравнительным исследованием семитских языков и историей раннего христианства. В Леванте его интересовал один-единственный город: Библ.

Подоплека выбора была очевидна. Библ, Byblos — так назывался не только могущественный древний азиатский город. Byblos — по-гречески именуется и папирус, «писчая бумага» древности. Отсюда происходит и слово biblion — «книга» и, наконец, «Библия», «Книга книг», изучением которой занимался Ренан. Кроме того, Библ — под семитским названием Гевал (Гебал) — упоминался и на страницах Библии, например, в Книге Иезекииля: «Старшие из Гевала и знатоки его были у тебя» (Иез 27, 9). Ренан надеялся, что его исследования прольют свет на некоторые библейские проблемы.

Такой застал гавань в Библе Эрнест Ренан

Остатки крепости крестоносцев в Библе

Он ошибался; его ждало разочарование. В нескольких десятках километров к северу от Бейрута — там, где когда-то процветал Библ, — лежало бедное арабское селение Джубейль. Рядом возвышались крепости крестоносцев. Однако никаких следов древней финикийской твердыни, на первый взгляд, не было.

Тем не менее Ренан, в помощь которому были приданы французские и турецкие солдаты, не пал духом. Он метр за метром, му-

чимый зноем и духотой, — в те недели в Сирии дул суховей-хамсин, пригонявший пыль и песок, — обследовал окрестные поля, сады и дворы. Жители Джубейля со страхом и недоверием поглядывали на странного чужеземца.

Старания Ренана, наконец, вознаградились. В крепости крестоносцев он обнаружил загадочные гранитные столпы. В стены некоторых домов в селении были вмурованы каменные блоки с высеченными на них египетскими иероглифами. Важнейшей же находкой Ренана стал барельеф, изображавший богиню с рогами на голове, между которыми помещался солнечный диск.

Ренан принял ее за египетскую богиню Хатхор, но он опять ошибался. Сегодня известно, что это — изображение Баалат-Гебал, финикийской богини неба и любви. Она правила Библом — была верховной богиней этого города. Сегодня барельеф, найденный Ренаном, можно увидеть в Лувре.

Не считая этой находки, Ренан не сделал никаких особенных открытий в Джубейле и тем более не нашел ничего, что помогло бы ему в библейских изысканиях. Да и как он мог что-либо найти, ведь древний город был погребен как раз под Джубейлем, и жители селения испокон веку хозяйничали в античных руинах, используя их как каменоломни. Так, когда им была нужна известь, они бросали в печь мраморные колонны — ведь сколько их валялось в округе! Если же, обустраивая колодец, находили что-нибудь древнее, то по обыкновению отправлялись с находкой к ближайшему антиквару, который немедленно покупал у них этот памятник. Ренан мог лишь с горечью заявить: «Редко видишь столь явственно, как косное любопытство какого-нибудь любителя древностей так сильно вредит страстному любопытству ученого». Наконец, — к тому времени восстание друзов было жестоко подавлено, — Ренан отправился назад, в Париж. Его работы, продолжавшиеся около года, хоть и были важны для науки, но принесли меньше результатов, чем раскопки в Ассирии или Египте.

Впрочем, Ренан не преминул составить отчет об исследованиях — «Mission de Phenicie», и таким образом Наполеон III, под патро-

Раскопки в Библе начались по распоряжению Наполеона III

нажем которого проходила эта экспедиция, невольно стал основоположником науки о древностях Финикии. Позднее Эрнест Ренан начал выпускать многотомный «Корпус семитских надписей» и первую часть этого издания посвятил финикийским текстам, сделанным на камне и бронзе. За свои заслуги в исследовании древневосточной страны Ренан был прозван «финикийским Моммзеном».

1.2. Дождь открывает все следы

Исследования, начатые Ренаном, были продолжены лишь через полвека. К ним вновь приложил руку французский ученый.

В 1919 году египтолог Пьер Монтэ прибыл в Джубейль и был поражен обилием встречавшихся здесь камней с иероглифами, о

которых упоминал и Ренан в своей «Финикийской экспедиции». Через два года Монтэ вернулся сюда, чтобы поближе познакомиться с местными памятниками прошлого. В Библе, наконец, начались раскопки.

В течение трех лет помощники Монтэ и нанятые им рабочие методично раскапывали все пустыри. Им попадались алебастровые обломки с печатями египетских фараонов разных династий. Эти находки доказывали, что между Египтом и Библом существовали тесные экономические и культурные связи.

Впрочем, открытие древнего торгового города только начиналось. Главная находка была сделана совершенно случайно. В один из весенних дней 1923 года арабские рабочие спозаранку разбудили археологов и повели их к берегу моря — к обрыву, что лежал южнее гавани Джубейля. Там после ночного ливня обрушился склон. Громадный кусок земли сполз на 12 метров вниз. Показалась пещера. Ее, несомненно, прорыл человек. Это была старинная гробница.

Особенно археологов порадовало то, что она была вовсе не пустой. В ней находился большой каменный саркофаг, вокруг которого были разложены погребальные дары. Виднелся и коридор; он вел к другому, похожему захоронению. В ближайшие дни Монтэ и его помощники открыли здесь девять крупных захоронений, два из которых были связаны между собой подземным ходом. Внешне все гробницы казались схожими. Крутые шахты, заполненные землей и пеплом, вели вертикально вниз, а затем расширялись вбок, образуя камеру, в которой находились саркофаги.

Это открытие вызвало интерес археологов всего мира. Найденные захоронения назвали «царскими гробницами из Библа». Впрочем, четыре гробницы были разграблены еще в древности. В пятой ученые обнаружили клочок бумаги с надписями на английском языке и датой «1851 год».

Однако это не слишком омрачило радость исследователей. Они извлекли из остальных захоронений немалые сокровища: обсиди-

Так выглядит сейчас древний Библ

ановые вазы в золотой оправе, серебряные сандалии и серебряные сосуды, прозванные за свою форму «чайниками», серебряное зеркало, золотой щит с отчеканенными на нем изображением сокола и двумя портретами фараона, а также бронзовые и глиняные кувшины, медные трезубцы...

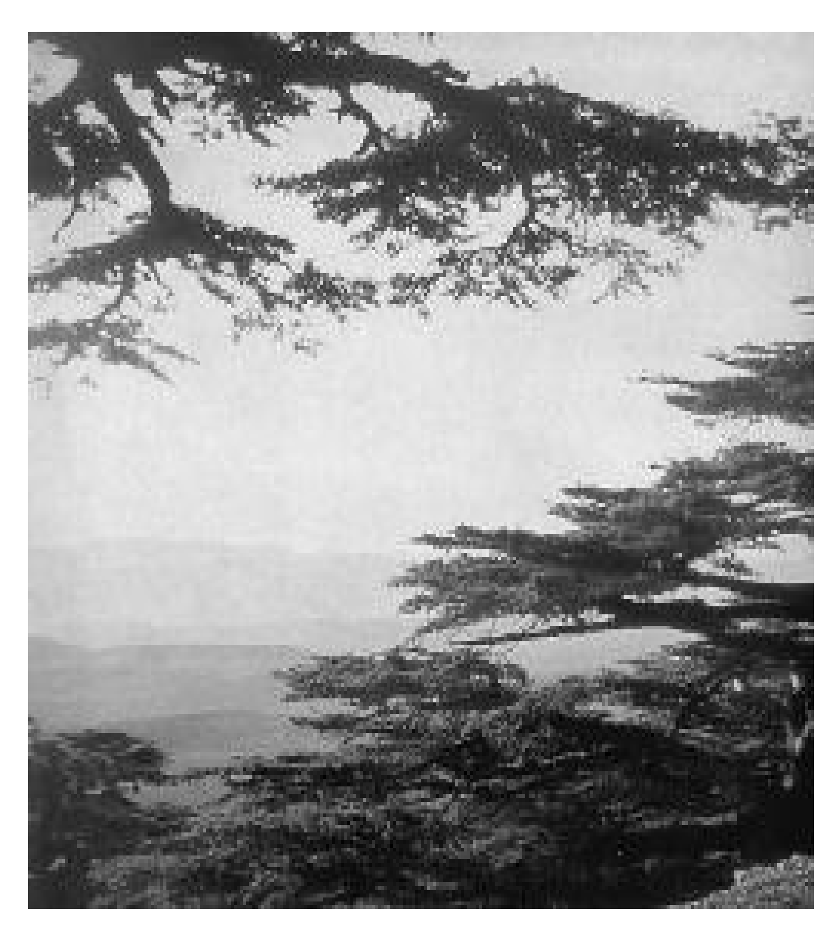
Были найдены также различные мелкие украшения из благородных металлов, бронзы и драгоценных камней. Они казались очень похожими на те, что находили в египетских гробницах того времени. Впрочем, лишь несколько вещей, — например, обсидиановый футляр, в котором хранились украшения, — являлись подлинным даром фараонов. Все прочие предметы оказались копиями, выполненными мастерами Библа. В этом легко было убедить-

ся по различным грамматическим ошибкам в якобы «египетских» надписях. Кроме того, в царских гробницах обнаружились изделия, напоминавшие работы эгейских и месопотамских мастеров.

По сделанным находкам было видно, какие вещи составляли церемониальный наряд местных царей. Это были кольца, браслеты, серьги, нагрудные подвески. А вот предметов обихода оказалось мало. В основном попадались зеркала, кинжалы, светильники и сосуды с благовониями. Отсутствовала утварь, которой египтяне снабжали умерших. Погребальные обряды также отличались от египетских: жители Библа не мумифицировали своих царей.

Самой примечательной находкой был один из трех саркофагов, обнаруженных в пятой гробнице. Он отличался от других не только своими размерами, но и формой. Если большинство саркофагов выглядели весьма незатейливо и их поверхность была гладкой, то этот саркофаг, достигавший в длину 2,3 метра, со всех сторон украшали искусные рельефы, изображавшие ритуальную процессию, которая приносила жертву некоему человеку на троне. Возможно, это и был сам царь Ахирам, вознесшийся теперь к богам. Рядом стояли женщины, оплакивавшие покойного, — в древности на Ближнем Востоке плакальщицы были привычными гостьями на похоронах. Саркофаг был украшен также орнаментом из листьев лотоса и покоился на четырех львах, чьи фигуры были исполнены в хеттском стиле. Сам же саркофаг напоминал лучшие работы египетских и сирийских мастеров. Все это свидетельствовало о высоком мастерстве древних библских камнерезов.

Любопытна была и техника погребения. В скале вырубили шахту глубиной около одиннадцати метров, и на дне ее устроили погребальную камеру. По окончании работы шахту засыпали доверху песком. Затем придвинули многотонный каменный саркофаг, поставив его точно по центру шахты. Понемногу песок выгребали, и саркофаг сам собой погружался на дно шахты. Наконец, на канатах опустили двухтонную крышку.

Украшение Ливана — кедр

Когда же саркофаг, — впоследствии его датировали 1300—1000 годами до нашей эры, — очистили от налипшей на него грязи, то на его крышке обнаружилась знаменитая надпись в одну строку, выполненная на финикийском языке: «Это саркофаг, что сделал Этбаал, сын Ахирама, царь Гебала, для Ахирама, отца своего, который произвел его на свет. А если какой-нибудь царь из царей, или правитель из правителей, или военачальник вступит в Библ и откроет этот саркофаг, — сокрушен будет жезл судейской власти его, опрокинут будет трон царства его и мир покинет Библ. А он — изглажена будет надпись его перед лицом всего мира» (пер. И.Н. Винникова).

Любопытно, что в этой надписи, вопреки обыкновению, отсутствовало имя отца Ахирама. Вероятно, тот не был царем и пришел к власти, свергнув прежнего правителя. Сделана была надпись

Библ. Саркофаг царя Ахирама

алфавитным письмом из 22 согласных, которые, как отмечал французский историк Жорж Контено, «превосходно передает звуки языка». Сейчас саркофаг хранится в Национальном музее в Бейруте.

Так, из-под египетских культурных наслоений внезапно выступили подлинные хозяева здешних мест: финикийцы. Их появление было пышным и величавым. К археологам взывали не скромные, безвестные горожане, а могучие цари. Так могли говорить египетские фараоны. Так говорил царь финикийского города.

2. В ТЕНИ ЕГИПТА

2.1. История с географией

Левантийское побережье Средиземного моря представляет собой узкую полоску земли, огражденную горной грядой, что тянется вдоль моря. Эта полоска поделена сейчас между Сирией и Ливаном. Она простерлась на несколько сотен километров. В некоторых местах ее перерезают горные хребты, подступая прямо к морю. Кое-где едва остается место для узкой тропы.

Именно здесь и располагалась Финикия — могущественная страна, покорившая большую часть побережья Средиземного моря. Вся Финикия разместилась на клочке земли длиной две сотни километров и шириной от 15 до 50 километров — примерно от Арвада на севере до Тира и мыса Кармел на юге. В современной Европе с Финикией по занимаемой территории можно сравнить разве что Люксембург. Вы можете представить себе этого карлика «владыкой морей»?

Левантийское побережье изобиловало маленькими заливами, укрытыми скалами. По всему побережью с незапамятных времен строились города. Располагались они там, где горные хребты были прорезаны речушками, открывавшими путь во внутренние районы Передней Азии.

Важнейшие финикийские города находились в средней части этой полосы. К ним относились Арвад, Библ, Сидон и Тир. Уже во

II тысячелетии до нашей эры это были пусть и маленькие, но процветающие города. Другие финикийские поселения, в том числе Берута (Бейрут), Ирката, Уллаза, Ардата, Цумур, были порой чуть больше деревни.

Положение прибрежных городов казалось довольно выгодным. Здесь легко было защититься от нападения с суши. С тыла их прикрывала стена Ливанских гор, преодолеть которую чужеземным завоевателям было трудно. Тем не менее к богатым финикийцам регулярно подступали иноземные войска: египтяне и хетты, вавило-

Горная гряда окружает Левантийское побережье

няне и ассирийцы, персы, греки и римляне. В крайнем случае можно было спастись от врагов морем, ведь в гавани наготове стояли корабли.

Да, этот клочок земли меньше всего напоминал «медвежий угол». Здесь скрещивались важнейшие торговые пути древности. Во все времена местные гавани были центрами обмена товарами между Передней Азией, Эгеидой и Египтом. Кроме того, эти города стали «воротами» в Месопотамию для Крита, Микенской Греции и островов Эгейского моря. Через них в Европу притекали материальные и культурные богатства Древнего Востока, ведь добраться туда по суше, через Малую Азию, было чрезвычайно трудно из-за лежавших на пути гор.

Древние греки и дали этой стране привычное нам название — Финикия. Предполагается, что оно происходит от слова «фойникес», что означает «красноватые», «смуглые». Местные жители называли свою родину — Ханаан, ведь она славилась пурпурными тканями, а слово Kena'an буквально означает «страна пурпура». Позднее это название стали относить также к Палестине и значительной части Сирии. Именно в таком смысле оно упоминается в Библии.

В здешней топонимике отразились особенности природных условий Финикии. Так, название города Библ означает «гора», а города Тир — «скала». В Ливане горы достигают высоты 2—3 тысячи метров. Самая большая вершина — Курнет-эс-Сауда. Ее высота — 3088 метров. На юге Ливана высота гор становится ниже 2000 метров. Горы сложены из песчаника и известняка и отличаются крутизной, поэтому передвигаться по ним трудно.

Высокогорную часть Ливана местные жители довольно метко окрестили эд-Джурд, «голая земля». На высоте более 1600 метров над уровнем моря здесь практически нет никаких поселений. Лишь коегде, в небольших котловинах, встречаются посевы пшеницы и огороды. Нередко в горах пасут стада овец и коз. Пастбищное животноводство — одно из основных занятий сельских жителей Ливана.

На склонах гор можно увидеть руины крепостей, возведенных когда-то крестоносцами. В наши дни эти холмы, как и прибрежная равнина, густо населены.

Западная сторона Ливанских гор образует широкие уступы, на которых издавна занимались земледелием. Местный климат благоприятствует этому.

Облака, плывущие со стороны моря, проливаются дождем на западный склон гор. На их хребтах выпадает большое количество осадков — в среднем свыше 1500 миллиметров. Таких обильных дождей нет нигде в Передней Азии. В прибрежной полосе среднегодовое их количество составляет около 800—1000 миллиметров в год. В основном они выпадают в зимнее время года — с конца ноября по середину апреля. Снег идет редко. В наши дни минимальная средняя температура в Ливане составляет + 5—7, а максимальная — + 27—31 градус. Летом случаются ливни, хотя в соседних странах в эту пору не бывает дождей.

Снег, покрывающий вершины гор, тает весной, питая реки и ручьи. В Ливанских горах берут начало три крупнейшие реки сиропалестинского региона: Эль-Аси (Оронт), Литани (Леонт) и Иордан.

Восточный склон Ливанских гор, в отличие от западного, обрывается стеной. Лишь отдельные перевалы и речные долины прорезают горную гряду. Здесь пролегают тропы, по которым передвигались еще в древности. В сухие летние месяцы можно пешком перебраться через горный хребет всего за несколько часов. Лишь зимой, в сильное ненастье, тропы становятся непроходимыми.

Изредка горы отступают от моря, образуя просторные долины. Но пахотной земли здесь все равно слишком мало, и урожаи на полях были не высокими. В поле обычно работали сам хозяин, его взрослые сыновья и рабы. Своего хлеба в Финикии не хватало, и его приходилось ввозить из соседних стран.

В основном же в прибрежной равнине и на небольших террасах, спускавшихся уступами к морю, выращивали плодовые дере-

Ливанский пейзаж

Ливан с высоты птичьего полета

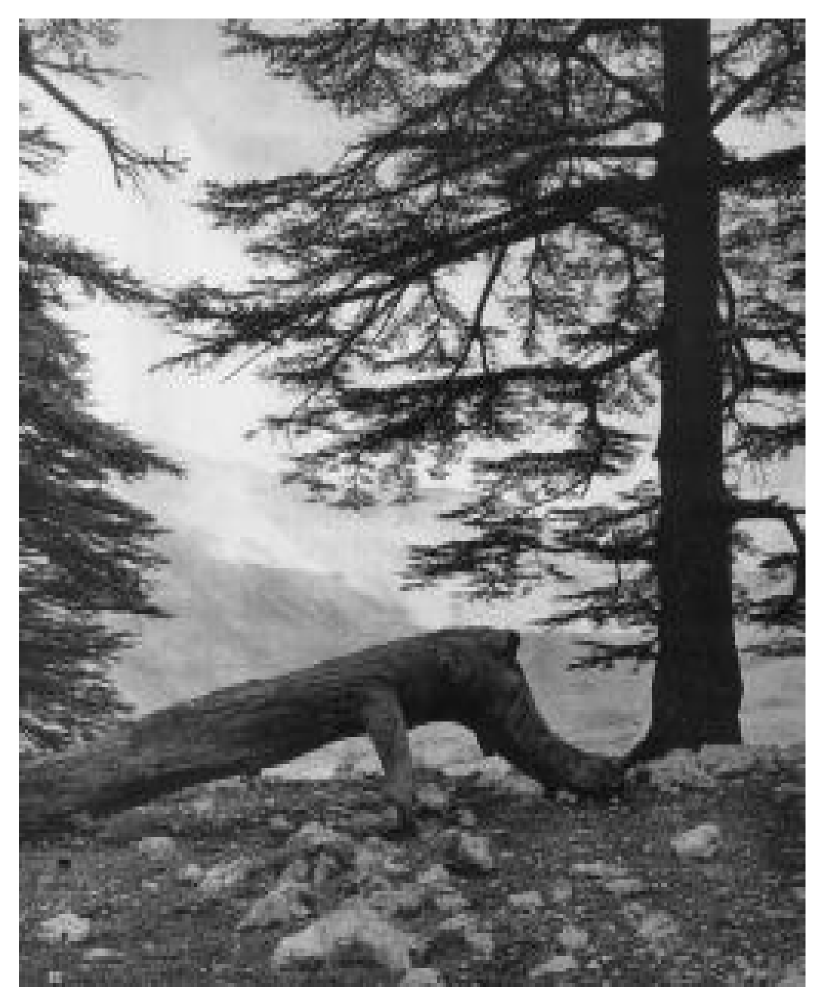
вья. Так, с незапамятных времен пользуются славой апельсиновые сады Триполи и Сайды (Сидона). Фруктам позволяют вызревать мягкий субтропический климат и обилие осадков. Дождливая зима и долгое сухое лето способствуют высоким урожаям. Здесь произрастают виноград, оливковые деревья, финиковые пальмы, яблони, персики, абрикосы, груши и орехи. Нередко встречаются тутовые деревья, напоминающие о том, что прежде здесь занимались шелководством. В верхней части склонов разбиты виноградники, причем ягоды нередко бывают величиной со сливу. Бананы здесь выращивают столетиями.

Конечно, с помощью дополнительного орошения можно было бы увеличить урожаи зерновых, однако сама география страны мешает этому. Здесь нельзя было построить крупные ирригационные сооружения. А ведь в некоторых странах Востока именно забота о поддержании подобных сооружений сплачивала разнородные области в единый хозяйственный организм.

Финикия не отличалась обилием полезных ископаемых, зато склоны Ливанских гор в древности были сплошь покрыты густыми кедровыми лесами. Ценная древесина считалась здесь главным богатством; ее вывозили и в другие страны.

Во многих районах Ливана и поныне сохранились кедровые рощи. Однако их осталось немного. Непрерывная вырубка кедра на протяжении последних тысячелетий привела к почти полному исчезновению многих лесов. Как следствие, стали осыпаться горные склоны; началась сильная эрозия почвы. На месте древних лесов встречаются лишь заросли кустарника и невысоких деревьев.

Некогда склоны гор покрывала богатая субтропическая растительность. Еще сто лет назад в труднодоступных северных районах встречались бурые медведи и волки. Теперь о них напоминают лишь местные топонимы, например, Айн эд-Диаб («Волчий источник»), Айн эд-Дубб («Медвежий источник»). Повсеместно встречаются полевки, ящерицы, саранча; они служат пищей пустельгам и орлам, подолгу парящим над ущельями и плато.

Ливанский пейзаж

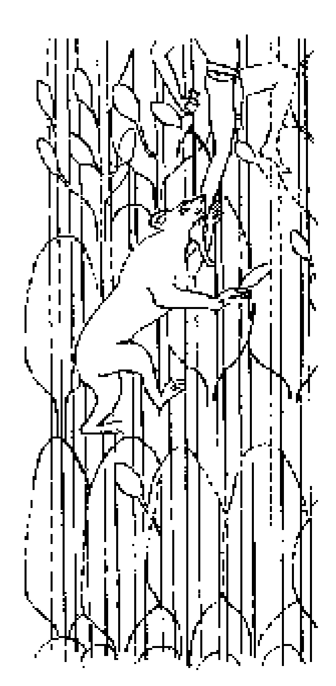

Пейзажи Ливана полны величия

Небольшие горные реки, естественные источники и колодцы с незапамятных времен обильно снабжали жителей Финикии водой.

Море и реки богаты рыбой, являвшейся и в древности одним из важных продуктов питания. Ее ловили сетями с небольших плоскодонных лодок. Особенно славился рыбой Тир. «Богат он рыбой более, чем песком», — сказано в одном египетском папирусе.

Морской берег был в основном скалистым и во время зимних бурь регулярно осыпался. В древности Финикия, очевидно, не раз подвергалась разрушительным землетрясениям, хотя свидетельств об этом почти не сохранилось. Известно лишь, что в античную эпоху Финикия трижды испытывала сильные удары стихии — в 138 и 70 году до нашей эры, а также в 551 году нашей эры. В последнем случае только в Бейруте погибло около 30 тысяч человек.

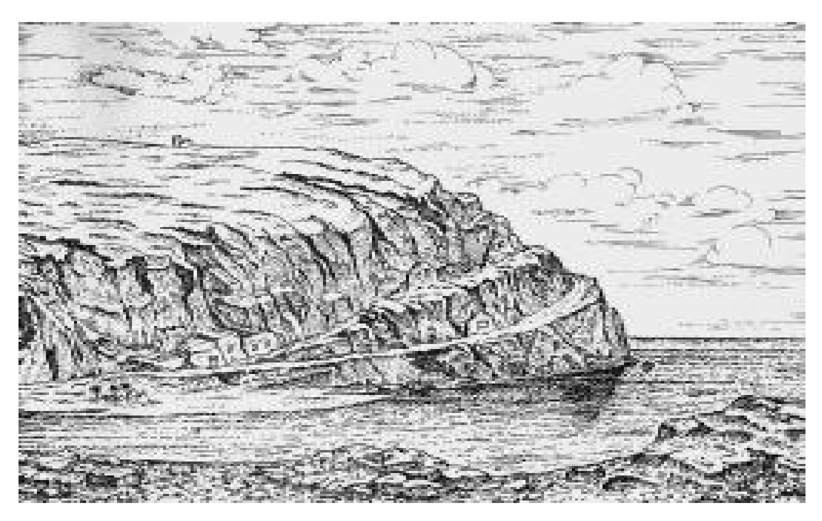
По представлениям египтян, леса Передней Азии были опасны. На рельефе Луксорского храма (XIII в. до н.э.) изображен медведь, напавший на охотника

Территория Финикии примерно совпадала с границами современного Ливана, разве что города Акко и Арвад оказались теперь в соседних государствах — в современных Израиле и Сирии. На автомобиле всю Финикию можно пересечь за один день.

Впрочем, тот, кто сегодня пересекает Ливан, совсем не испытывает тех затруднений, которые претерпевали древние путешественники. Так, караван

или крупное войско могли преодолеть в древности массив Рас эль-Кельб лишь с немалым трудом. Он надолго задерживал их передвижение, а для транспорта с тяжелым грузом был вовсе непреодолим.

Обычно старались миновать его, свернув вглубь гор, на равнину Бекаа, что пролегла между хребтами Ливана и Антиливана. Ее ширина составляет от 8 до 14 километров, а длина — 120. Ее название не случайно переводится как «Низина», ведь Бекаа лежит на высоте всего 900 метров над уровнем моря и окружена горами высотой до 2000 метров. На севере из этой котловины вытекает Оронт, а на юге — Леонт. С глубокой древности равнина Бекаа считалась житницей Финикии. Большая ее часть покрыта плодородным красноземом.

В древности лишь с немалым трудом караван мог миновать горный массив Рас-эль-Кельб

Вплоть до эллинистической эпохи равнина Бекаа была для жителей Финикии важнейшим транспортным путем, связывавшим прибрежные города с Северной Сирией и Египтом. По нему в бронзовом и железном веке нередко маршировали армии, передвигаясь с севера на юг или в обратном направлении. Равнина Бекаа не раз подвергалась нападению соседних держав. Всякий раз ее жители страдали от поборов и грабежей.

Лишь в пору римского владычества вдоль побережья Финикии была проложена сухопутная дорога, связавшая воедино все финикийские города. Теперь добираться из города в город стало значительно легче.

Отсутствие нормальных транспортных путей в Финикии во многом объясняет, почему ее города так и не образовали конфедерацию. Их связывали лишь морские дороги. Хотя города лежали на небольшом расстоянии друг от друга — даже в древности его можно было преодолеть всего за день пути, — но передвигаться между ними по суше было очень трудно. Гораздо легче было пуститься в путь на корабле. Так что предпосылки для образования единой державы здесь отсутствовали. «Карлик» был составлен из разрозненных частей, которые никак не желали срастаться в одно целое.

В XIX веке модно было подчеркивать психологическую подоплеку раздробленности Финикии. Ее жители, спешили отметить историки, были наделены многими талантами, но, — следовало bonmot, — лишь таланта государственного строительства они были лишены. «Они не хотели или не умели нести те тяжелые труды, которые должен исполнить народ, чтобы создать и обеспечить себе великие блага самостоятельного существования, — писал немецкий историк Теодор Моммзен на страницах «Римской истории». — Финикияне охотно сносили подчинение чужой власти и покупали себе право спокойно вести свои торговые дела там, где эллины с несравненно ничтожнейшими силами начинали борьбу за самостоятельность и отвоевывали себе свободу». Недаром

самым спокойным периодом финикийской истории являлись, пожалуй, XIV—XIII века до нашей эры, когда Финикия была египетской провинцией — далекой окраиной Египта.

Итак, Финикия была эфемерным образованием. В ней соседствовали, но не соединялись многочисленные города и городки, лежавшие на береговых скалах или прибрежных островках и владевшие полосками окрестной земли. Они соперничали друг с другом и рьяно оберегали свою независимость. Каждое из этих крохотных государств представляло собой портовый город с прилегающими к нему землями. Даже если бы финикийские города-государства образовали союз, в нем все равно преобладали бы сепаратистские настроения, делавшие этот союз нежизнеспособным.

В древности такие же города-государства существовали и в Месопотамии, и в Египте (номы). Позднее они объединялись в территориальные государства, а те превращались в империи. Их единство сплачивала единая ирригационная система, работу которой обеспечивал весь народ. Здесь же все было иначе.

История Финикии складывалась совершенно не так, как других восточных государств, а потому на фоне великих империй древности — Египта, Ассирии, Персии — Финикия была забыта. Как точно заметил советский историк Г.М. Бауэр, Финикия как-то терялась «в блеске могучих империй и царств, служивших издавна, да и служащих поныне излюбленной темой научно-популярных работ по ранней истории человечества».

Скалы, клочки, островки — скудные осколки одной небольшой страны. Словно тюрьма, из которой не вырваться! Вся жизнь финикийцев была бы сосредоточена на узкой полоске земли между берегом моря и горным склоном, где они бы томились как в заключении, если бы не... море. Оно занимало умы местных жителей; оно уносило их вдаль. Восторженные стихи, посвященные испанским поэтом Рафаэлем Альберти древнему Гадесу — финикийскому городу на испанской земле, с таким же успехом можно отнести к метрополии — славному Тиру:

Над седым океаном растаяла мглистая дымка,
и, простершись под жарким безоблачным небом,
ты влюбленно глядел на свое отраженье,
что дрожало на зеркале синей воды.
Ты раздвинул рукой океана пределы,
и твои корабли рассекали носами
голубые дороги далеких морей,
и вели тебя к цели созвездья востока,
и сгибал твои мачты полуночный бриз...
И вздохнула пучина под тяжестью новых судов,
Зашумел в парусах жаркий ветер востока...

(Пер. Г.Г. Шмакова)

Море стало для финикийцев средством к существованию. Не будь его, они вряд ли сумели бы торговать с отдаленными странами — со всем миром от Аравии до Испании. Море превратило «карлика» в исполина. Когда же люди вздумали поселиться у моря?

2.2. Семь тысяч лет Библа

История Финикии нам относительно мало известна. До наших дней дошел лишь ряд финикийских надписей. В основном они носят посвятительный характер и с исторической точки зрения малосодержательны. Сведения об истории Финикии приходится черпать из египетских и ассирийских хроник, книг Ветхого Завета, а также текстов античных авторов. Многое помогают понять и археологические раскопки.

Библ — единственный город на территории Финикии, об истории которого в III тысячелетии до нашей эры мы хотя бы что-то знаем.

После находки саркофага Ахирама Библского в селении Джубейль начались тщательные раскопки. В 1930 году французские власти, управлявшие Ливаном по мандату Лиги Наций, выкупили

все дома в Джубейле, мешавшие работе археологов. Постройки были немедленно снесены. Территория раскопок все расширялась.

Впрочем, современные историки неодобрительно относятся к работе французского археолога Пьера Монтэ. Так, в академическом издании «Истории Древнего Востока», выпущенном под редакцией Г.М. Бонгард-Левина в 1988 году, отмечено: «К сожалению, раскопки французской экспедиции Монтэ в Библе проводились настолько безобразно, что дата протобиблских надписей неизвестна даже с точностью до тысячелетия (!)».

Однако преемник П. Монтэ М. Дюнан, пробившись сквозь различные культурные слои, убедился, что место, названное впоследствии Библом и Джубейлем, было заселено около семи тысяч лет назад. Тогда здесь появился небольшой рыбацкий поселок. Он был застроен скромными, однокомнатными хижинами овальной формы. Их стены и крыши были сооружены из нестойких материалов — ветвей и шкур — и обмазаны глиной, а пол усыпан известняковой крошкой. Площадь подобного жилища составляла не более 4—5 квадратных метров; оно напоминало, скорее, убежище, где прятались от непогоды и диких зверей, чем настоящее жилье.

В IV тысячелетии до н.э. жители Библа погребали останки умерших в керамических сосудах

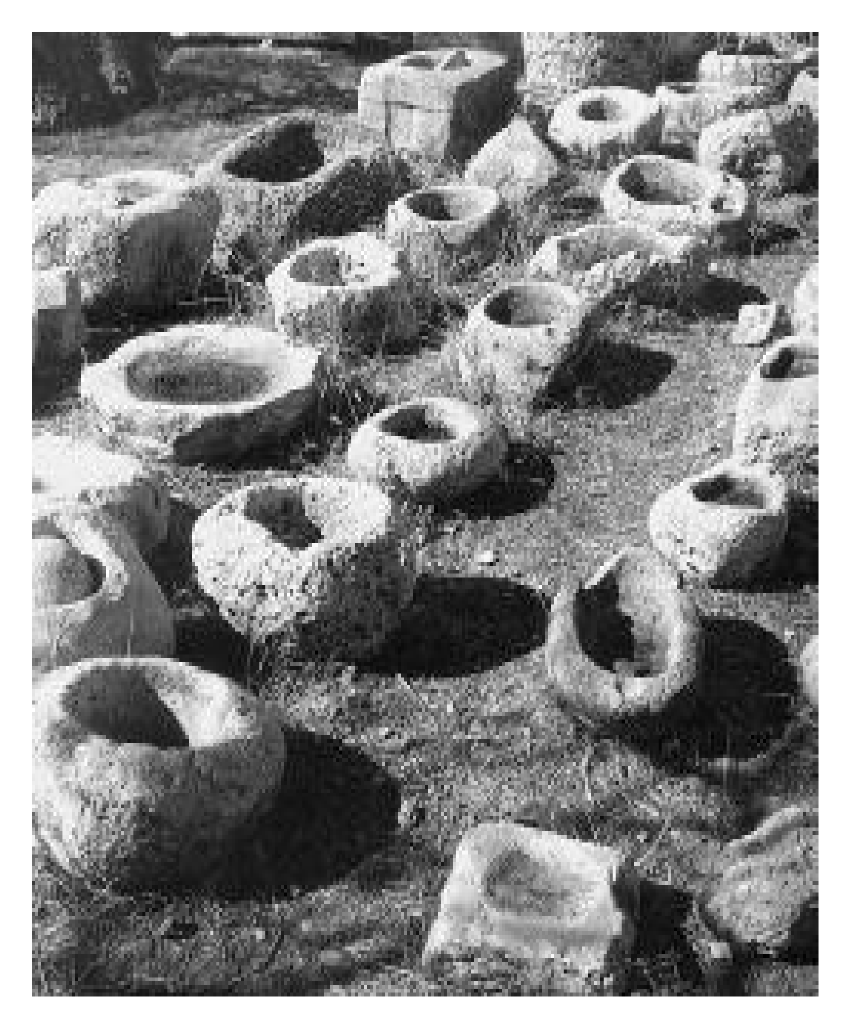
Прямо под полом хижины хоронили умерших: рыли канаву и усаживали туда покойника. Возможно, это делалось, чтобы уберечь его от зверей или соблюсти некий непонятный нам ритуал.

Стоит заметить, что племена, населявшие Ливан, довольно поздно перешли к оседлому образу жизни. В то время как в Иерихоне, — там же, на Ближнем Востоке, — уже возникло первое поселение городского типа, обнесенное стенами, в горном Ливане, как и тысячи лет назад, бродили охотники и собиратели пищи. Так что не права была местная традиция, считавшая Библ самым древним городом мира (по финикийскому преданию, его возвел бог Эл).

Лишь в позднем неолите, когда люди уже научились изготавливать сосуды из глины, на территории Ливана появились первые поселения. Основу их экономики составляли выращивание ячменя и пшеницы, разведение коз, овец, коров и свиней. Остатки такой деревни обнаружены в нижнем слое Библа.

Долгое время первые жители Библа — рыбаки — вели скромный образ жизни. Лишь пять с половиной тысяч лет назад что-то стало меняться. В IV тысячелетии до нашей эры Библ был обнесен стеной и превратился в большой поселок, где проживали ремесленники и торговцы, а затем и в город.

Дома стали строить крупнее и основательнее; теперь они были правильной прямоугольной формы (встречались также круглые постройки), а их плоскую крышу украшал конек. Саму крышу настилали из тонких стволов хвойных деревьев и обмазывали глиной. Часть найденной здесь керамики, по замечанию известного российского археолога Н.Я. Мерперта, «близка находкам керамического Иерихона».

Каменные ступы, найденные в Библе

Дома, как и прежде, были однокомнатными. Нередко, когда семья расширялась, дома пристраивали друг к другу; так возникали целые жилые комплексы, иногда обнесенные валом. Это чрезвычайно запутывало планировку города, — а к середине IV тысячелетия до нашей эры здесь появились многочисленные переулки и тупики, в которых легко мог заплутать чужеземец. В отношение Библа, как и других подобных городов древности, вполне справедливы слова протоиерея Александра Меня: «Город — это скопление жилищ, как бы в страхе жмущихся друг к другу, обычно обнесенных стеной».

В конце того же IV тысячелетия до нашей эры местные жители все чаще пользуются металлическими орудиями. Очевидно, Библ поддерживает отношения с одним из тогдашних центров производства меди. К этому времени медные орудия труда и оружие получили широкое распространение в Библе. Здесь встречаются также остатки золотых и серебряных украшений.

Горожане хоронят своих покойников по-прежнему под полом жилых домов, но теперь их тела перед погребением помещают в большие керамические сосуды. При раскопках в Библе обнаружено более 1800 подобных захоронений. Там же лежали кубки и кувшины, в которых хранились еда и питье; ими снабжали покойных, веруя, что съестное понадобится в загробной жизни.

Местная керамика напоминает, кстати, сирийскую и месопотамскую. Очевидно, жители Библа еще пять тысяч лет назад поддерживали торговые отношения с этими регионами.

Однако свой подлинный расцвет Библ переживает в III тысячелетии до нашей эры. Он превращается в благоустроенный город. Деревянные дома сменяются каменными зданиями с покатой крышей, по которой стекала вода после сильных дождей. Посреди здания высился деревянный столб, подпиравший крышу. Вдоль стен тоже вкапывали столбы; они поддерживали потолочные балки.

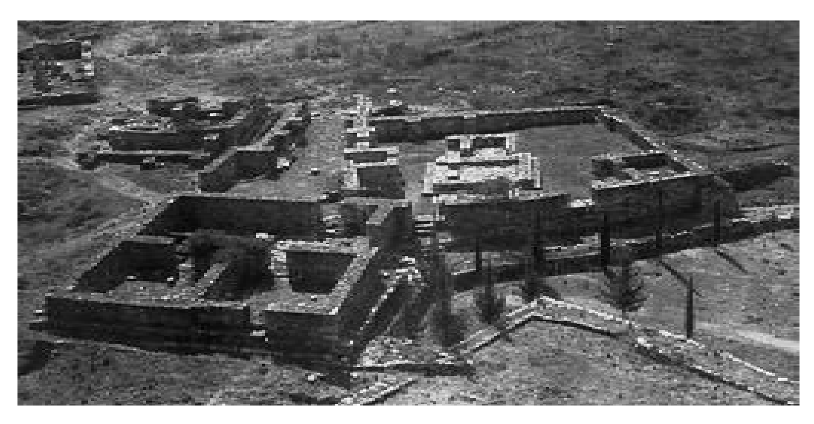
Городские улицы, мощенные булыжником, были достаточно широки даже для проезда повозок. Улицы концентрически сходились

к центру города. Система сточных каналов помогала отводить дождевые воды и нечистоты.

В городе развернулось оживленное строительство. Появились монументальные постройки: например, был возведен храм на каменном фундаменте. Однако точная датировка отдельных археологических слоев пока вызывает споры. В центре города лежало «священное озеро», питаемое ключами. По его сторонам располагались два крупных святилища.

К северо-западу от озера находился храм Баалат-Гебал, «хозяйки» Библа, — самый древний финикийский храм, раскопанный М. Дюнаном. Это святилище состояло из нескольких комнат, пристроенных одна к другой и расположенных вокруг просторного двора.

По легенде, Библ был любимым городом богини. Ведь именно здесь она (ее отождествляли также с египетской богиней Исидой) нашла останки своего мужа — Осириса — и, возвращаясь с ними в Египет, воскресила его. Вот что говорит египетский миф, пересказанный Пьером Монте: «Во времена, когда боги еще жили на земле, гроб Осириса, брошенный Сетхом в Нил, поплыл вниз по Танисско-

Библ. Руины храма Решефа. Около 2800 г. до н.э.

му рукаву. Море выбросило его близ Библа, и здесь огромное дерево поглотило его. Вскоре к этому волшебному дереву пришла Исида. Она села подле воды, и когда служанки царицы Библа пришли с кувшинами за водой, она причесала им волосы и пропитала их чудным ароматом, исходившим от нее. Тронутая такой добротой, царица подарила Исиде священное дерево, в котором было заключено тело ее супруга» (пер. Ф.Л. Мендельсона).

“Храм обелисков” в Библе. Монета римской эпохи. Надпись: (монета) “Священного Библа”

Библ. Ритуальный топор из «храма обелисков»

Почти одновременно с храмом Баалат было сооружено и другое святилище — храм Решефа, бога войны и бури. Здесь, несмотря на поздние пристройки, хорошо выделяется исконная структура храма: просторная целла, к которой примыкал двор с несколькими строениями. В центре святилища находился высокий каменный обелиск (сохранилась лишь часть его). В углах храма стояли другие священные камни. Много их было и во дворе. Недаром археологи назвали это святилище «храмом обелисков». Здесь же найдено роскошное бронзовое оружие. Ведь Решеф изображался обычно в виде бога, вооруженного луком.

Снаружи город опоясывала мощная каменная стена с двумя воротами: одни из них

Библ. Городская стена. Около 2500 г. до н.э.

выходили к морю; через другие можно было попасть в город по суше. Стена просуществовала вплоть до эллинистической эпохи.

Захоронения, относящиеся к концу III тысячелетия до нашей эры, — а теперь людей погребали за пределами поселения, — выглядят довольно пышно. Очевидно, жители Библа были людьми богатыми и не случайно окружили свой город массивной стеной, оберегая себя от вторжения кочевников. Ведь скотоводческие племена, населявшие степные и пустынные области, с незапамятных времен стремились захватить подобные оазисы и разграбить их.

Но почему жители Библа так быстро разбогатели? Что ценного отыскали они в окрестности города? Месторождения меди? Россыпи золота? Нет, лес! Расцвет города связан с торговлей лесом. Отныне его вывозят в Египет.

2.3. Корабельные кедры Ливана

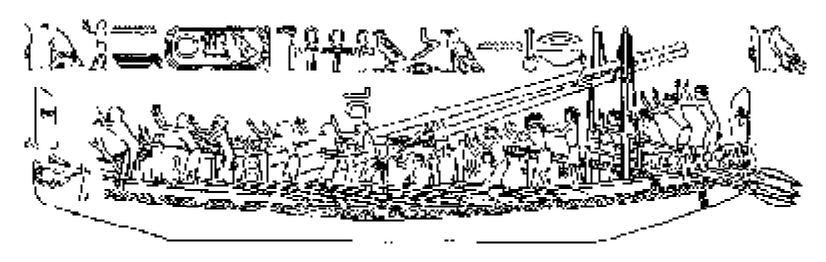
Что могли увидеть кочевники, оказавшись в окрестности Библа? Совершенно непривычные им пейзажи. Вместо голых равнин — крутые склоны, густо поросшие елями, кипарисами и кедрами, а также видневшиеся вдали заснеженные вершины. Вместо пересыхающих ручьев — бурные горные реки. Вместо скудных пастбищ — плодородные поля и рощи, в которых произрастали смоковницы и оливковые деревья. А каким благодатным был здешний климат! Здесь хлеб родился уже в мае. Здесь бродило множество зверей: пантеры, медведи, дикие овцы. А рядом катились морские волны; их вид пугал и завораживал.

Именно лес, наряду с морем, сыграл главную роль в судьбе финикийского народа. С незапамятных времен Библ славился древесиной. Торговля была делом прибыльным, поскольку соседние страны испытывали недостаток в ней. Так, в Египте росли в основном акации и пальмы, чьи стволы были непригодны для изготовления крупных балок.

В одном из древнейших документов по истории Египта — так называемом Палермском камне (он назван так потому, что хранится в музее итальянского города Палермо) — есть строки, где речь идет о торговле лесом. Сам документ напоминает бухгалтерскую ведомость. Он разделен на несколько полос, в которые записывались различные сведения.

По приказу фараона Снофру, царствовавшего с 2723 года до нашей эры, на этом камне, — точнее говоря, каменной плите шириной более двух метров, — была высечена надпись о том, что «сорок кораблей, наполненных кедрами» (пер. Н.С. Петровского), были доставлены из города, лежавшего у подножия Ливанских гор.

Впрочем, не стоит переоценивать количество древесины, вывезенное египтянами из Ливана, ведь их суда были очень тяжелыми, а экипаж многочисленным. По подсчетам историков, на сорока кораблях Снофру плыло от трех до четырех тысяч человек. Воз-

На таких кораблях египтяне совершали плавания в Финикию в середине III тысячелетия до н.э. Египетский рельеф

вращаться обычно приходилось против ветра, на веслах. Поэтому грузоподъемность кораблей была небольшой. Так, из того леса, что доставили по приказу Снофру, через год построили всего три корабля. Кроме того, фараон велел изготовить из кедровой древесины врата царского дворца.

Поговорим подробнее о том, как проходила подобная экспедиция. Снаряжали большую флотилию, выходили в море и при попутном ветре в течение четырех-пяти дней достигали какой-нибудь бухты на ливанском побережье. Здесь вербовали местных жителей и шли рубить лес, стремясь выбрать место поближе к берегу. Удобнее всего было заготавливать лес в районе между Бейрутом и Батруной. Тут имелось много естественных бухт, а горы, поросшие лесом, подходили близко к берегу. В этом районе и теперь встречаются остатки кедровых лесов.

Во время заготовок всю многочисленную команду приходилось снабжать питанием. Здесь же заготавливали провиант на обратную дорогу. Его покупали у местных жителей, причем платить приходилось столько, сколько запрашивали. Действовать силой было нельзя, потому что туземцы немедленно скрывались в горах и египтяне не могли их покарать. Египтяне вели себя мирно и со временем стали перекладывать всю работу — рубку леса и доставку его к берегу — на местных жителей, закупая у них заготовленный лес.

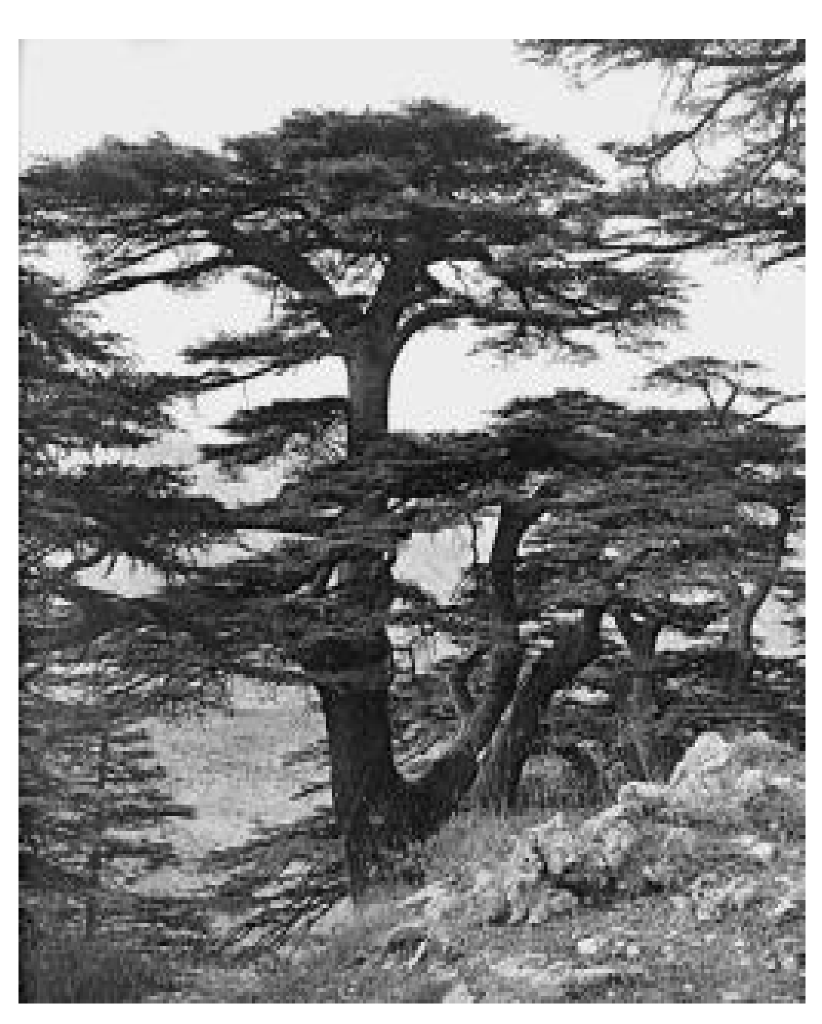
Стволы деревьев валили топорами, затем подвозили на бычьих упряжках к побережью и там перегружали на корабли.

Любопытно, что египтяне доставляли лес не в ближайшую к Библу — восточную — часть Дельты, а в ее отдаленную — западную. На это указывают и археологические находки, и письменные сообщения. Причина не только в опасностях, которые таило плавание в восточную Дельту, — порой туда вторгались племена, кочевавшие по Синайскому полуострову и Южной Палестине. Дело, скорее, в другом: груженные лесом морские корабли могли сесть на мель в восточных рукавах, и лишь западный проток был достаточно глубок для плавания внутрь страны. Не случайно, что именно в западной части Дельты впоследствии будут основаны греческая колония Навкратис и Александрия.

Жители Египта называли Ливан, учитывая его рельеф, «Лучшей из террас», а также «Плато кедра». Эти величественные деревья росли в Ливанских горах повсюду. Известно, что египтяне стали снаряжать сюда экспедиции за древесиной задолго до основания Древнего царства. Еще в додинастических захоронениях в Египте находят древесину хвойных деревьев, которая могла попасть сюда только из Ливана.

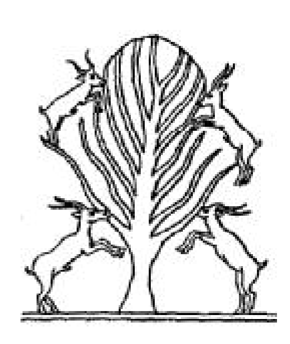
Египтяне вывозили оттуда стволы кипариса, пиний, древовидного можжевельника. Но больше всего их интересовал кедр (Cedrus libani) — дерево семейства сосновых, произраставшее в отдельных уголках Средиземноморья: в Ливане, в прибрежных горах Сирии и Малой Азии. Кедры росли также на Кипре и в Северо-Западной Африке: кедр кипрский (Cedrus brevifolia) и кедр атласский (Cedrus atlantica). Для египтян удобнее всего было плавать за лесом в Ливан — в Библ.

Правда, местность казалась им очень дикой: горы и густые леса, туманы и дожди, дикие звери и разбойники — все было в новинку для них, все было непохожим на их родную страну. В египетской «Сказке о двух братьях» младший брат, спасаясь от

Корабельные кедры Ливана

расправы, бежит на край света — в Долину Кедра, где не встретить людей. «Дни проводил он в охоте за дичью пустыни, вечером ложился спать под кедром» (пер. М.А. Коростовцева).

Козы глодают молодые деревца

Воистину кедр достоин был одних лишь похвал. Это дерево высокое и величественное. Недаром власти современного Ливана поместили его силуэт на свой государственный герб. В древности кедр считался царем деревьев. Его качества вошли в поговорку. Так, в Библии сказано, что праведник «возвышается, подобно кедру на Ливане» (Пс. 91, 13). У пророка Иезекииля даже «мировое древо» предстало в образе ливанского кедра, растущего в Божьем саду (Иез. 31). Пророк Исаия веровал, что настанет день, скончаются времена, и «слава Ливана» с его кедрами и кипарисами грядет в Новый Иерусалим (Ис. 60, 13). Лишь перед Богом бессилен ливанский кедр. «Глас Господа сокрушает кедры; Господь сокрушает кедры Ливанские» (Псалом 28, 5).

Во все времена кедр впечатлял чужестранцев. «Был кедр на Ливане с красивыми ветвями и тенистою листвою, и высокий ростом», — сказано в Книге Иезекииля (31, 3). На открытых местах кедр достигает сорока метров в высоту и четырех метров в ширину. Его ветви причудливо изгибаются, напоминая крыши пагод. Стоит зайти под сень кедра, как оказываешься в особом мирке. Со всех сторон над тобой нависают громадные ветви; необычно переливаются свет и тень. В жаркие дни тебя овевает опьяняющий, сладковато-терпкий запах. Ни насекомые, ни грибы не могут причинить особого вреда кедру.

Конечно, современные кедры, суковатые и разветвленные, несколько далеки от библейских описаний, но эти деревья сызмаль-

ства повреждены снегопадами и козами, глодающими их. В заповедниках кедры вырастают прямыми и стройными.

Критики считают древесину кедра мягкой и нестойкой, но это верно лишь отчасти. Да, слой, лежащий прямо под корой, действительно, невысокого качества, зато сердцевина очень тверда.

При строительстве судов египтяне сооружали из привозного кедра лишь каркас корабля; все остальное изготавливали из местных материалов. Чтобы улучшить продольную остойчивость, обвязывали корабль канатами, крепко стягивая нос и корму. Для лучшего управления судном увеличивали длину руля до шести-восьми метров. Руль старались изготовить тоже из кедра. На мачты же шли стволы других деревьев, — например, киликийской ели или алеппской сосны, — поскольку мачта из кедра очень тяжела.

Египетские саркофаги, изготовленные из древесины кедра

С незапамятных времен египтяне использовали древесину кедра не только для строительства кораблей и зданий, но и для приготовления вязкой, светло-коричневой смолы. Ей окуривали помещения и умащали тело; ей пропитывали ткани, которыми обертывали останки фараона при мумификации; ей заполняли полости его тела. Поэтому кедр считался в стране фараонов священным деревом.

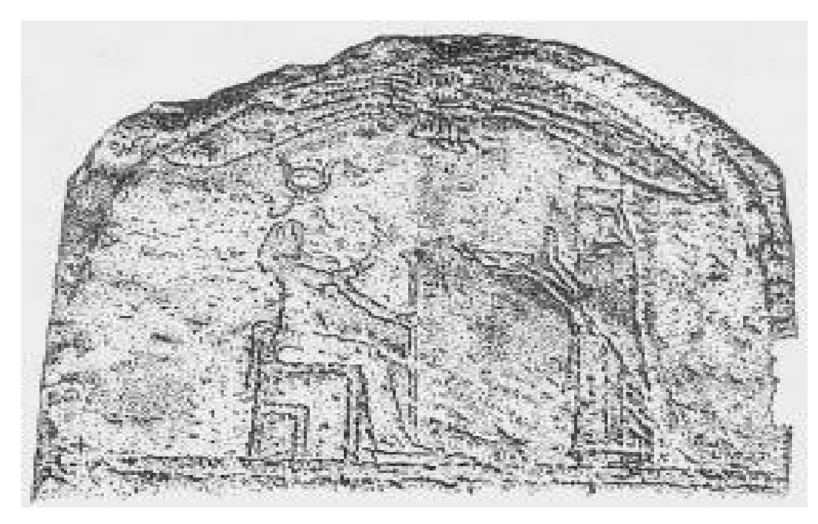
Большая часть кедра, привозимого из Ливана, использовалась в культовых целях. Из его древесины мастерили саркофаги, сооружали своды гробниц, строили погребальные ладьи. В эпоху Древнего царства такие ладьи достигали порой пятидесяти метров в длину. Ритуальные ладьи можно было встретить в любом египетском храме, ведь боги, как люди, тоже передвигались на кораблях.

Так что экспедиции в Ливан были не только коммерческим предприятием, но и своего рода паломничеством — поклонением кедру. В Ливан ехали не только заработать деньги на торговле ценной породой дерева, но и почтить своих богов кедровой смолой Библа. Любая экспедиция, направлявшаяся в Библ, была еще и прославлением порядка, установленного богами. Ведь по их промыслу горы Ливанские покрылись убранством из кедров.

Деревья эти почитали, любили, ценили. Рубка кедра на постройку храмов считалась богоугодным делом. Раввин Йоханан, толкователь Ветхого Завета, проникновенно восклицал: «Мир недостоин пользоваться кедром. Для чего же тогда был создан кедр? Ради храма!»

Все это объясняет, почему египтяне издавна относились с уважением к Библу. Для них благословен был народ библский, поселенный богами в городе, стоявшем под сенью кедров. В Египте было создано даже учреждение, ведавшее поставками леса из Ливана, — «Дом кедра». Какие бы смуты ни волновали Египет, вновь и вновь из страны фараонов к берегам Ливана отправлялись посланники, «чтобы доставить строительный лес для великой священной ладьи Амона-Ра, царя богов», как сказано в отчете о путешествии одного из таких гонцов — Ун-Амона, о котором мы расскажем ниже. Фараон Тутмос III (1483—1450 гг. до н.э.) емко сказал о кедре: «Это дерево, которое Он (бог Амон. — *А.В.*) любит».

Сами же египтяне полюбили «хозяйку Библа» — богиню Баалат. В Библе находился ее храм, построенный по образцу египетских хра-

Царь Библа приносит дары богине Баалат. Рельеф V—IV в. до н.э. Любопытно, что богиня Баалат внешне напоминает египетскую богиню Хатхор, в то время как царь одет в традиционную персидскую одежду

мов. Приезжая в Библ, египтяне поклонялись местным богам, стремясь заручиться их поддержкой и принося им дары. Египтяне, писал П. Монтэ, «построили Баалат храм с помощью местных жителей. Царю они преподносили алебастровые вазы, драгоценности, амулеты, а возвращались с грузом смол, стволами и досками и даже с целыми, построенными на месте судами». Уважение к библским богам сохранилось и через тысячу лет. Когда сановник Сеннефер по поручению Тутмоса III прибыл в Ливанские горы для заготовки кедра, он первым делом принес богатые дары богине Баалат.

Правда, египтяне часто называли чужих богов привычными именами, например, Баалат звали «Хатхор, повелительницей Библа». Это уподобление было неслучайным. В ведении той и другой богини находились погребальные обряды, а поскольку при этом часто использовалась древесина кедра, то и кедр пребывал под особым покровительством Баалат, а затем и Хатхор.

На первых порах жители Библа лишь выигрывали от соседства с Египтом. Они пользовались самыми изысканными товарами страны фараонов; носили египетские одежды и украшения, владели иероглифической письменностью, созданной на берегах Нила. Как мечтали, наверное, кочевники, населявшие степные и пустынные районы Сирии, захватить богатый город Библ! Захватить и разграбить его! Можно ли было от них защититься? А сколько других городов манило номад!

2.4. Библ и цари Юга и Востока

Как явствует из вавилонских текстов, в конце III тысячелетия до нашей эры в Ливане и соседней Сирии появляется множество поселений городского типа. Города были визитными карточками этой благословенной земли, о которой говорили, что на ее главе покоится зима, на ее плечах — весна, на ее лоне — осень, а у ее ног — лето.

Впрочем, археологические находки, относящиеся к раннему бронзовому веку в Ливане и Сирии, довольно скудны. Ученые раскопали лишь отдельные поселения того времени, отстоящие далеко друг от друга. Восстановить же полную хронологию развития этого региона в III тысячелетии до нашей эры пока не представляется возможным. Вполне вероятно, что нас ожидают не менее крупные открытия, чем находка в середине 1970-х годов в Сирии, в руинах царского дворца города Эблы, библиотеки, содержавшей более пятнадцати тысяч клинописных табличек. Пока же трудно воссоздать даже характер культурных связей между отдельными городскими центрами Ливана в ту эпоху.

Наиболее крупными городами того времени в Восточном Средиземноморье были Эбла в Северной Сирии, а также Угарит и Библ, лежавшие на берегу Средиземного моря. Последние уже тогда иг-

рали важную роль в морской торговле. Процесс урбанизации в этом регионе не везде протекал одинаково. Процветали города и территории, лежавшие вдоль торговых путей, что связывали Месопотамию и Средиземноморье, Малую Азию и Египет.

Так, в бронзовом веке Библ стал важным перевалочным пунктом в торговле с Месопотамией, Египтом и Критом. Известно, что жители шумерского Ура поддерживали торговые отношения с жителями Библа.

Именно здесь и в других финикийских городах было удобнее всего перегружать на корабли товары, доставленные из глубинных районов Сирии и Месопотамии. Отсюда египетские корабли везли их дальше — на родину, в Малую Азию и, может быть, на острова Эгейского моря. Даже эти корабли назывались «библскими» — очевидно потому, что их главной целью был Библ. Это был особый вид кораблей, способных перевозить такие тяжелые грузы, как строительный лес.

В Египте морская торговля с Ливаном, очевидно, была царской монополией. Известия о плаваниях египтян к Левантийскому побережью относятся, прежде всего, к эпохе правления IV—VI династий. Торговля была оживленной: из Египта в Библ привозили папирус, каменные и керамические сосуды, благовония, ювелирные изделия. По обратному маршруту отправляли лес, смолу, оливковое масло, металлы, лазурит, кувшины и амфоры, а также, возможно, рабов. Египет ведь был очень беден природными ресурсами — не только древесиной, но и металлами. Потребность в них можно было удовлетворить лишь за счет торговли со своими соседями.

При раскопках Библа найдены предметы, свидетельствующие о присутствии здесь египтян в эпоху Раннего царства. Так, обнаружена каменная ваза с надписью, сделанной иероглифами. В ней упомянут фараон II династии Хасехемуи, правивший в XXIX веке до нашей эры. Встречаются алебастровые вазы, относящиеся к эпохе Древнего царства. Найден также египетский каменный жертвенник того времени. В долине реки Ибрахим обнаружен топор, который обронил какой-то египетский лесоруб, работавший здесь во времена фараона Хуфу (Хеопса).

Торговые контакты способствовали становлению раннеклассового общества: правители сирийских и ливанских городов накапливали в своих руках немалые богатства и могли приобретать самые роскошные и дорогие товары. При раскопках Библа найдено немало произведений искусства и бытовых предметов, напоминающих — по качеству исполнения и выбору тем — предметы египетской материальной культуры.

По словам некоторых историков, страна фараонов стала «кормилицей финикийской культуры». На протяжении тысячи с лишним лет египетский фараон оставался высшей инстанцией для всех ближневосточных городов, несмотря на сложные отношения, складывавшиеся порой между ними.

«Египтяне, — как писал П. Монте, — сражались с азиатами всюду, где бы ни встретились, — на Синае, в Палестине, в Кармеле и Верхней Ретену, — но было одно-единственное место, где их всегда хорошо встречали. Это — Библ». Властитель Библа гордился титулом египетского «князя» и своей египетской культурой. Однако колонией Египта в точном смысле этого слова Библ никогда не был.

Библ лежал в сфере интересов сразу двух великих цивилизаций своего времени. В XXIV веке до нашей эры Саргон I, основатель Аккадской империи в Месопотамии, совершил ряд успешных походов, покорив почти всю Переднюю Азию. Он горделиво объявил себя «царем страны, которому Энлиль (шумерский верховный бог. — *А.В.*) не давал врага от Верхнего моря (Средиземное море) до Нижнего моря (Персидский залив)». В надписи на одной из статуй он именует себя царем «Верхней страны», то есть царем «Мари, Ярмути и Ибла, вплоть до Кедрового леса и Серебряных гор». Мари — это город в долине Среднего Евфрата, Серебряные горы — это Тавр, а Кедровый лес — Ливан. Государство Саргона вышло далеко за пределы Вавилонии и захватило на севере — Анатолию, а на западе — Сирию и Ливан.

С этого времени, как отмечает немецкий историк Карл-Хайнц Бернхардт, «почти каждый из царей Месопотамии, стремясь к славе, предпринимал поход к Верхнему морю». Конечно, подобные походы не могли повторяться ежегодно, но в этом и не было надобности: даже покинув Ливан, царь неизменно присутствовал здесь в образе стел, которые воздвигал в покоренных областях. Ведь, по тогдашним представлениям, «изображение человека и начертание его имени отождествлялись с самим человеком».

Обширное государство Саргона скреплялось лишь его властью и волей. С его смертью, сетовал его сын, «все страны, которые оставил мне отец мой, Саргон, восстали против меня, и ни одна не осталась мне верной». Впрочем, страна Кедрового леса, по мнению другого немецкого историка Хорста Кленгеля, отпала от державы Саргона сразу после того, как оттуда ушли аккадские войска. В любом случае поход Саргона Великого никак не сказался на торговле Ливана с Египтом. Беда пришла с другой стороны. Богатство Библа не давало покоя многим завистникам.

После 2300 года до нашей эры разразилась катастрофа. Именно в это время был разрушен или сожжен храм Баалат. Виновников беды нетрудно угадать. В 2300—2100 годах Палестину и Ливан завоевали ханаанеи — орды кочевников (западных семитов), пришедших с Синайского полуострова. Огнем и мечом они прошлись по захваченным землям. Библ пал, как тысячу лет спустя под ударами израильтян, возглавляемых Иисусом Навином, пал Иерихон.

На пепелищах сожженных городов появляется совершенно новая керамика, а также изображения людей с особыми украшениями — торквесами, шейными кольцами с несомкнутыми концами (в римскую эпоху такие украшения были популярны у кельтов). Очевидно, что эту местность завоевали и заселили представители другого этноса. Мы так и не знаем пока, что за народ населял землю Финикии в III тысячелетии, до ханаанейского завоевания (по предположению ряда историков, семиты стали селиться в Библе после 3000 года).

Переулок в Библе.
Прошло семь тысяч лет с тех пор, как здесь поселились люди

Захватили же Библ полукочевые племена, населявшие степи и полупустыни Сирии и Аравии и находившиеся тогда на стадии распада родового общества. Их вторжение, вызванное изменениями климата и начавшимися засухами, разительно изменило политическую карту Передней Азии и оказало немалое влияние на местные культурные традиции, хотя последние частично сохранились. С этого времени цари Библа носят западносемитские имена.

Справедливости ради отметим, что, по мнению некоторых историков, города Ливана были разрушены армией одной из крупных держав того времени, которая воспользовалась неразберихой, возникшей после переселения в страну ханаанейских племен. Так, Хорст Кленгель пишет: «Вероятнее всего, в этом следует подозревать царей III династии Ура, при которых Месопотамия после столетнего господства гутеев вновь пережила расцвет (около 2112—2004 гг. до н.э.)».

Известно, что еще при гутейских царях правитель города Лагаш в Южной Месопотамии Гудеа (2143—2124 гг. до н.э.), собираясь строить храм, направляет в Ливанские горы экспедицию за лесом, который было не сыскать в его стране. Много дней этот караван двигался вдоль Евфрата по старинному торговому пути и, в конце концов, доставил лес из далекой страны. Может быть, тем же путем цари Ура посылали в Сирию и Ливан свои войска, но мы не располагаем текстами, которые подтверждали бы эту догадку. Впрочем, в одном из посланий, написанных при царе Амарсине (2046—2038 гг. до н.э.), правитель Библа Ибдати именуется шумерским титулом «энси» — князь. Возможно, Ибдати стал вассалом царя Ура?

Для малых государств Передней Азии подобные отношения с крупной державой были весьма выгодны. С одной стороны, их правители сразу же оказывались под защитой могучего царя. С другой стороны, до царя было далеко, и он не вмешивался по каждому поводу во внутренние дела государства. Даже при известной потере суверенитета с таким положением можно было смириться.

Как бы то ни было, город выгорел, а торговля между ним и Египтом на какое-то время прекратилась. При раскопках в Ливане не обнаружено предметов египетского происхождения в период с 2270 по 1970 год до нашей эры — между правлением фараонов Пиопи II и Сенусерта. В египетских «Речах Ипувера» сказано об этом времени: «Не едут (больше) люди на север в Библ сегодня. Что нам делать для получения кедров нашим мумиям, (ведь) в саркофагах из них погребались «чистые» и бывали забальзамированы маслом их вельможи... Они не привозятся больше» (пер. Б.А. Тураева).

Катастрофу переживает и сам Египет. Распалось Древнее царство. Крепости на северо-востоке Дельты, защищавшие страну от азиатов, стояли в небрежении. Все чаще в Дельту проникали летом кочевые азиатские племена, пригоняя сюда для выпаса свои стада. Но что могут поведать ученым эти безмолвные кочевники? Безмолвные?

Очень любопытно открытие, сделанное М. Дюнаном в 1929 году. Он обнаружил фрагмент каменной стелы с неизвестными науке письменными знаками. Впоследствии было найдено еще несколько подобных надписей, выполненных на камне или бронзе: например, на бронзовых табличках, лопатках для умащений, обломках каменных табличек и основании статуэтки. Эти надписи были оставлены в самом конце III тысячелетия до нашей эры.

Это так называемое «протобиблское» (или «псевдоиероглифическое библское») письмо до сих пор не удалось удовлетворительным образом прочитать. Все попытки дешифровать его не принесли успеха. Французский ученый Э. Дорм и его немецкий коллега А. Йирку пытались расшифровать протобиблское письмо «интуитивным» методом, но, хотя отдельные их догадки заслужили одобрение коллег, предложенные варианты чтения в целом не поддаются строгой проверке и потому считаются неудачными. Выражалось даже сомнение в том, что это письмо является семитским (ханаанейским).

Известно только, что речь идет о силлабической (слоговой) письменности, содержавшей от 126 до 150 символов. Некоторые из этих знаков изображают животных, растения, дома, орудия, предметы культа и геометрические фигуры. Любопытно, что большинство этих символов не имеют прототипов ни в одной более древней письменности мира. В любом случае протобиблский шрифт является самым ранним образцом письма, обнаруженным в сиро-палестинском регионе.

Это письмо было гораздо проще аккадского или египетского письма. По замечанию Н.Я. Мерперта, подобный шрифт возник под воздействием египетской иероглифики, хотя силлабический его характер связан с аккадской клинописью. Его можно было выучить всего за несколько недель, тогда как египетские или аккадские писцы учились грамоте несколько лет. Недостатком этого письма было отсутствие знаков, разделявших слова. Это очень затрудняло чтение. Впоследствии некоторые знаки протобиблского письма легли в основу финикийского алфавита. Кто знает, могут ли рассказать они о том, как на Финикию вновь легла тень Египта?

2.5. Лучший подарок — это сфинкс

В начале II тысячелетия до нашей эры в некоторых финикийских городах — в Беруте, Библе — появляются подарки и пожертвования египетских царей, например вазы из драгоценных камней. Очевидно, египтяне пытались вернуть утраченные прежде позиции и вновь утвердиться в важнейших торговых центрах Леванта.

Признание верховной власти Египта было в интересах правителей Библа, поэтому после недолгого номинального подчинения Шумеро-Аккадскому царству они опять стали союзниками Египта. Поставки леса возобновились после 1991 года до нашей эры — в начале правления XII династии, при фараоне Аменемхете I (2000—1970 гг. до н.э.).

Впрочем, интенсивная торговля между Библом и Египтом не привела к политической его зависимости от египетских фараонов в эпоху Среднего царства. Для египтян Библ не был колонией; они считали его частью своей страны — равноправной частью.

Вскоре ханаанейские правители Библа — Абишему, Япашему-Аби, Якин-лу, Янтин-Амму — стали именоваться в египетских текстах «слугами фараона», номархами. В знак уважения к своим «слугам» фараоны присылают им сосуды с умащениями. У Янтин-Амму имелась даже печать с египетской надписью. В ту пору правители Библа были одновременно и независимыми царьками, и видными египетскими сановниками. Они дорожили своим египетским титулом, соблюдали египетские праздники, одевались по-египетски, пользовались египетским письмом, писали свои имена иероглифами и даже по примеру фараонов вставляли их в картуш — овальную рамку.

Фараоны же, стремясь убедить азиатских царей в своем могуществе, неоднократно присылают им изображения сфинксов, символизирующих властителей Нила. Так, в Беруте нашли сфинкса Аменемхета IV (1797—1790 гг до н.э.), в сирийском Угарите — двух сфинксов Аменемхета III (1849—1801 гг. до н.э.). Встречаются также статуэтки фараонов, членов их семей и видных египетских сановников.

Разумеется, сфинксы не были платой за полученные из Финикии товары. Кто бы стал отдавать лес, скот или оливковое масло за бесценок — за истуканов из гранита? Обычно египтяне расплачивались золотом, серебром, льняными тканями, папирусом, продуктами, а также предметами роскоши.

В это же время из Финикии в Египет везут многочисленных рабов, где их используют в качестве пивоваров, ткачей и даже воспитателей детей в знатных семействах. Кем же были для египтян жители древнего Ливана? Рабами, торговыми партнерами, дикарями, мастерами на все руки, коварными союзниками врагов? И теми, и другими, и третьими...

Попробуем же побывать у дикарей, полюбуемся творениями рук человеческих и замрем в ожидании хека-хасут.

2.6. Синухет, беглец из Египта и Библа

В эпоху Среднего царства в Египте была написана замечательная повесть, иллюстрирующая отношения между Ближним Востоком и страной фараонов, — «Повесть о Синухете».

Ее главный герой — знатный вельможа, живший при дворе царя Аменемхета I. После смерти фараона и восшествия на престол Сенусерта I (1970—1935 гг. до н.э.) Синухет бежал, видимо, замешанный в заговоре, «ибо думал я: будет резня во Дворце и не уйти мне живым после нее» (пер. М.А. Коростовцева).

В туманной ночи он покинул царский дворец и направил «стопы свои к северу. Дошел я до Стены Правителя, возведенной, чтобы отразить кочевников и растоптать кочующих по пескам» — стены, возведенной Аменемхетом I на восточной границе Египта, на Синайском полуострове, для защиты от азиатских народов. «Скорчился я в кустах, опасаясь, что увидит меня со стены воин, стоявший на страже в тот день». Лишь под покровом ночи он перебрался через границу и скрылся в пустыне. Вскоре им вновь овладело отчаяние. «Жажда напала на меня, овладела мною жажда, задыхался я, горло мое пылало, и я подумал: «Это вкус смерти».

Однако ему вновь повезло. Он услышал мычание стад и увидел кочевников-бедуинов. «Узнал меня их вожак — он бывал в Египте. Дал он мне воды и вскипятил мне молока». Но недолго беглец задержался в этом племени. Близость Египта страшила его, и он продолжил свой путь на север. «Страна передавала меня стране!» Наконец, он достиг Библа, но не остановился и там, в городе, куда так часто приезжали египтяне, а поселился в его окрестности, среди полудиких кочевников, — в Кедеме. Дальше путь преграждали горы. «Провел я там полтора года. Принял меня к себе Амуненши — он правитель Верхней Ретену».

Здесь рассказ Синухета не вполне ясен. «Кедемом» семиты называли восток, а египтяне звали «Верхней Ретену» горы Ливана и Палестины. Поэтому, отправившись из Библа на восток, Синухет мог оказаться в долине Бекаа, окруженной гребнями Ливана и Антиливана. Место, где он остановился, он назвал Иаа: «Это красная земля». По всей видимости, это была центральная часть долины Бекаа, покрытая плодородным красноземом. Земля эта казалась Синухету настоящим раем: «Там росли фиги и виноград, и вина было больше, чем воды, и мед в изобилии, и много оливкового масла; на деревьях всевозможные плоды; ячмень, и пшеница, и бесчисленные стада скота».

Амуненши назначил беглеца «правителем лучшего племени» в своей стране. «Доставляли мне хлеба и питье... ежедневно, и вареное мясо, и птицу жареную, и это — не считая дичи пустыни, которую ловили для меня и клали передо мною». Много лет Синухет провел «у правителя Ретену во главе войска его», женился на его старшей дочери, «возвеличился добром, разбогател стадами». Так жизнь Синухета стала напоминать жизнь библейских патриархов.

Главным занятием местных племен было разведение коз и овец. Их стада считались мерилом богатства; ради их похищения совершали набеги на соседние племена; скотом расплачивались также за различные услуги. Впрочем, многие члены племени занимались земледелием. Нередко недавние кочевники оседали на земле. Так возникали селения. Однако в дни засухи или войны здешние жители срывались с насиженного места и вновь принимались скитаться в поисках лучшей доли.

Шли годы. Тем временем в Египте забылась давняя смута, погнавшая Синухета на чужбину. Прослышав о судьбе беглого вельможи, фараон простил его. И вот счастливый финал истории: «Я коснулся челом земли между сфинксами. Царские дети ждали с приветствиями у ворот... Застал я его величество восседающим на Великом золотом троне под навесом. Распростерся я перед ним ниц и обеспамятел... И был я в милости у царя по день смерти».

...Читая эту историю, понимаешь, что Библ и впрямь был местом оживленного паломничества египтян, где и укрыться-то беглецу было негде. Сбежав из страны фараона, он попадал под власть «слуги фараона». Даже печать правителя Библа украшала надпись «чтимый (чиновник) египетского царя VI династии Пиопи II» (этот перевод предложил российский египтолог О.Д. Берлев).

Сама политическая доктрина Египта, отмечает российский историк А. Демидчик, «не предполагала существования... неподвластных Солнцу богов (Ра. — *А.В.*) и, стало быть, суверенных государств». Деление на плодородную Нильскую долину, собственно Египет, и «нагорье» было основополагающим, «но чужеземные страны также были сотворены Солнцем и находились под его властью».

Проведя долгие годы на чужбине, Синухет убедился в том, что страх перед Солнцем объял «все нагорья». Даже самые необходимые для жизни чужеземцев блага — солнечный свет, вода и воздух — оказываются доступными лишь благодаря Ра. «Солнечный диск восходит по желанию твоему. Воду речную — пьют ее по воле твоей. Ветер вышний — вдыхают его, когда ты прикажешь». С глубокой древности, считали египтяне, «нагорье было непригодно для жизни, и только ради египетского царя боги приоткрывали там богатства земных недр, давали необходимую полям и садам воду».

А потому, прибыв «инкогнито» в благословенную страну Иаа и став править ей, Синухет считал себя «только номархом» фараона Сенусерта I — временным управляющим областью, подвластной фараону.

Область, «данная ему», заслуживает пристального внимания. В некотором отдалении от Библа простиралась плодородная страна, где имелись идеальные условия для земледелия. Для египтян эта азиатская страна была, наверное, чем-то вроде Дикого Запада для американцев XIX века. Там человека могли подстерегать самые удивительные приключения; там было дико и опасно, но можно было сказочно разбогатеть и вернуться на родину с почетом, как возвратился Синухет.

Повесть о нем оказалась настоящим бестселлером. Нам известен целый ряд копий ее. Возможно, что она повлияла даже на Библию. Во всяком случае, в «Пятикнижии Моисея» страна Ханаан описывается в тех же выражениях, что и счастливая страна Иаа, где поселился Синухет: в земле хананеев «течет молоко и мед» (Исх. 3, 8). Подобно Синухету, и Моисей бежит в эту страну из Египта, но бежит не один, а уводя за собой всех соплеменников.

Читателю, правда, может показаться, что эта повесть уводит его, скорее, в область вымышленного, сказочного. Мнения же историков, скорее, противоположны читательским. Так, известный российский египтолог Ю.Я. Перепелкин писал об этом «художественно обработанном жизнеописании», что «нет оснований сомневаться в подлинности происшествия». Его слова перекликаются с суждением одного из основателей российской египтологии Бориса Александровича Тураева (1868—1920): «Приключения Синухета вполне реальны и укладываются в рамки истории и действительности». Однако их немецкий коллега Вольфганг Хельк полагал, что «Повесть о Синухете», скорее, передает египетские представления об Азии, чем является подлинным историческим документом.

2.7. Город мастеров

В начале II тысячелетия до нашей эры Библ становится центром изготовления металлопластики. Во время раскопок в Библе было найдено более 1700 бронзовых, серебряных и золотых фигурок, изготовленных путем литья или штамповки. Большинство найденных статуэток хранились в виде кладов в каких-либо сосудах и были обнаружены на территории святилищ.

Археологи нашли в Библе около сорока различных кладов. Они относятся к периоду Среднего царства в Египте. Возможно, они были спрятаны перед угрозой вторжения врагов. Если эта догадка верна, то судьба хозяев этих кладов была трагичной, раз они не

сумели впоследствии их забрать. Известно, например, что после 1700 года до нашей эры в Библе появляется новый царь, чье необычное имя выдает его ликийское происхождение (Ликия — горная местность на юго-востоке Малой Азии).

Качество и художественные достоинства статуэток заметно разнятся. Чаще всего рельефно переданы лишь некоторые части тела или детали одежды. Зато черты лица и прически людей выполнены очень тщательно; в их глазницы помещены цветные вставки. Многие из них практически не обрабатывались после отливки. Очевидно, в то время больше ценился материал, из которого они были изготовлены, нежели качество отделки. Многие бронзовые фигурки покрыты золотой фольгой, что повышало их ценность, но скрывало детали отделки.

По-видимому, все эти металлические фигурки изображают богов. Часто боги, — вероятно, Баал или Решеф, — были представлены в виде воинов, обнаженных или одетых в короткий фартук. Лучшими образцами пластики были воины, сжимавшие в поднятой руке оружие. Женщины — Астарта или Анат — изображались обычно обнаженными.

Многие статуэтки были дарами, принесенными в храм в надежде получить у божества защиту или вымолить у него потомство. Их ставили также на алтарях, обустроенных в жилых кварталах города, как свидетельствуют находки, сделанные в Библе. Вероятно, более изящные статуэтки принесены в дар чиновниками или общинами, а примитивно отделанные фигурки — простолюдинами.

В Библе встречались и клады другого рода, содержавшие оружие, керамику, изделия из терракоты, ожерелья и браслеты, иглы, металлические сосуды. По ним можно судить о том, какое оружие и бытовую утварь изготавливали местные ремесленники в первой половине II тысячелетия до нашей эры. Так, золотые топоры с узорной рукояткой или золотые мечи, вложенные в искусно гравированные ножны, свидетельствуют о том, что библские мастера великолепно владели техникой грануляции, гравировки и пайки.

Исследователи отмечают удивительное мастерство библских ювелиров. Их изделия высоко ценились египтянами и критянами. Финикийские мастера искусно украшали поверхности изделий золотой зернью — в этом их превзошли только этруски и греки. Возможно, сами финикийцы и изобрели эту технику, сочетая ее с чеканкой. От многих их ювелирных изделий исходит впечатление воздушности.

Любопытны бусы финикийцев. Они нанизывали на одну нить самые разные украшения — шарики, цилиндры, диски, — изготавливая их из различных материалов — золота, агата, янтаря, стекла.

Финикийские кувшины имели, как правило, грушевидную форму и длинное горло в виде усеченного конуса. Место, к которому крепилась ручка, скрывала характерная пальметта. Нередко кувшины украшались орнаментом, например, узором из цветов и бутонов лотоса. Применяли финикийские гончары и различные геометрические орнаменты, например, часто расписывали сосуды по всей поверхности параллельными линиями и полосами. Широкие были расцвечены более светлыми тонами, например красноватыми, а узкие — более темными, например коричневыми. В росписи применялись почти все цвета, кроме голубого и зеленого. Подобный орнамент можно было встретить в любой стране, где жили финикийцы, в том числе в Западном Средиземноморье — в Испании и Карфагене. Использовались и более сложные орнаменты.

В первой половине II тысячелетия до нашей эры в Библе развернулось оживленное строительство. В городе возводится много новых зданий. Нередко их попросту пристраивают к старым, и потому улицы города вновь превращаются в настоящие лабиринты, в которых легко заплутает чужеземец. Дома горожан — просторные, но однокомнатные. Дома богачей сложены из тщательно обтесанных камней.

В это же время древнейшие храмы Библа были отремонтированы или расширены. Так, «Храм обелисков» украсило немало ве-

ликолепных изделий из металла. Среди находок, сделанных здесь археологами, — кинжал, на ножнах и рукоятке которого изображены охотничьи сцены; золотой топор; золотая ваза, украшенная драгоценными камнями; множество бронзовых статуэток высотой от 10 до 40 сантиметров, некоторые из которых покрыты золотом; такие же статуэтки из серебра и свинца.

Это святилище напоминало по своей форме усеченную пирамиду. Археологи обнаружили небольшие пирамиды и маленькие макеты обелисков в домах жителей Библа. Возможно, это были изображения упомянутого выше святилища и его обелисков. Быть может, горожане поклонялись этим предметам у себя дома, как в Средние века в Европе — иконам.

При дворе правителя города был сооружен целый ряд обелисков из известняка, покрытых гипсом. Их высота составляла от полуметра до трех метров.

2.8. Колдовство в ожидании гиксосов

Долгое время отношения между Египтом и Библом оставались дружественными. Однако около 1700 года до нашей эры они впервые испортились. В Фивах, столице Среднего царства, прокляли жителей Библа. Прокляли в буквальном смысле слова.

Египетские дипломаты при случае пользовались магией для достижения своих целей. Они, например, прибегали к древнейшей практике, дожившей до наших дней в культе вуду — религии жителей карибских стран. Те изготавливают куклу, изображающую человека, которому хотят навредить, а затем прокалывают ее иглами в надежде лишить здоровья врага. Стоит игле пронзить куклу, как соответствующая часть тела начинает болеть у далекого супостата.

В египетском исполнении эта практика выглядела так. Брали алебастровую или глиняную посуду, а также стилизованную терракотовую фигурку, изображавшую врага; надписывали его имя или название страны, которую хотели проклясть, а затем, совершая торжественную церемонию, разбивали предмет и закапывали черепки. Умысел был ясен: пусть проклятый человек (или целая страна) пропадет, как этот предмет.

Подобные черепки со времен Древнего царства закапывали на границах египетского государства — там, где могли подойти азиаты. Такая расправа с магическими предметами должна была сокрушить силы врагов.

Адресаты «черепков проклятий» проживали в Палестине, Сирии, а также на финикийском побережье от Акко до Библа. Объектом проклятия являлись иногда племена, иногда правители городов-государств и областей.

Хроники не сохранили для нас известия о том, помогла ли когда-нибудь эта практика. Мы знаем только, что однажды египетские маги потерпели неудачу, и случилось это, когда они обратили свое колдовство против Библа. В конце Среднего царства они разбили терракотовую статуэтку, надписанную именем этого города. Ее обломки пролежали в песках Египта почти три с половиной тысячи лет, но никакой беды городу не принесли — разве что порадовали археологов, их раскопавших.

Почему же фараон, — а без его ведома тут не обошлось, — решил покарать город, откуда получал ценный кедровый лес? Сами черепки ничего не могли поведать о раздоре. Можно лишь предположить, что власти Библа — города очень богатого, — стали держаться слишком независимо, ведь в торговле с ними нуждались и другие державы того времени. Рассчитывая на их покровительство, горожане оказались втянуты в хитросплетения мировой политики. Их сговоры и неожиданные альянсы возмутили фараона. Он приказал покарать этих торговцев чужой дружбой.

Так, из клинописного архива города Мари, лежавшего на пути из Южной Месопотамии в Анатолию, известно, что правитель Библа Янтин-Амму, считавшийся вассалом Египта, осыпал дорогими подарками Зимри-Лима (1782—1759 гг. до н.э.), царя Мари — союзника Вавилона. Среди этих подарков стоит особо отметить зо-

лотую чашу. Кроме того, библские мастера поставляли в Мари ткани и одежду.

Конечно, подобная практика была вовсе не новой для того времени. В бронзовом веке цари азиатских держав регулярно направляли посланников в столицы соседних стран. Из одного крупного города в другой спешили гонцы. Они доставляли письма, передавали поздравления монархам, взошедшим на престол, сообщали о смене царя в своем родном городе, интересовались политической ситуацией в стране, просили помочь в преследовании беглых преступников, а то и искали союзников в канун намечавшейся войны.

Дорогие подарки пересылались от одного царского двора к другому, где их тщательно регистрировали. Благодаря этому мы знаем, например, что сирийские и ливанские города, обращаясь за помощью к правителям Месопотамии, подкрепляли свою просьбу древесиной и драгоценными камнями, медом и вином, тканями и ароматическими смолами. Египетские фараоны обычно одаривали дружественных им азиатских правителей золотом. В Азии, где во второй половине II тысячелетия до нашей эры оно стало в дефиците, даже говаривали, что в Египте «золота как пыли». Там его добывали на землях, лежавших в верхнем течении Нила.

По тем же дорогам, по которым из одной столицы в другую спешили гонцы и посланники, шли и купеческие караваны. В бронзовом веке купцы перевозили товары по суше на ослах. Торговые пути протянулись по всей Передней Азии. Дороги вели купцов из Месопотамии в сирийские Халеб или Пальмиру, а оттуда в города, лежавшие на берегу Средиземного моря, — чаще всего в Библ и Угарит. Здесь товары грузили на корабли и везли в Грецию и Египет. Тем же маршрутом в Междуречье, а то и дальше на восток, доставляли греческие и египетские товары. На Кипре, в Вавилоне, Малой Азии появились фактории сирийских и ливанских купцов. Цари поддерживали купеческие экспедиции и, чтобы защитить их от степных разбойников, нередко снабжали их военным эскортом, или же сами купцы договаривались с племенами кочевников и, уплатив мзду, пересекали контролируемую ими территорию.

Вот так, знакомым маршрутом, ехали в город Мари посланники Библа... Однако дипломатия царя библского не всем пришлась по нраву. При дворе фараона его самовольный поступок был расценен как вероломная измена — нарушение данной когда-то клятвы. За это полагалось наказать ослушника. Ведь главный поставщик дерева для страны фараонов обязан был весь свой товар доставлять на берега Нила — и никуда более.

Гнев фараона был особенно силен еще и потому, что сама международная обстановка вызывала серьезную тревогу. Египет переживал кризис. И фараон испугался, что соседние страны воспользуются слабостью Египта и нападут на него. Тут все союзники были наперечет. Любого из них почитали бы за предателя, вздумай он вести самостоятельную политику. Вот за это и «пострадал» Библ, чья судьба вмиг оказалась на волоске. Да и как же иначе? Долгое время этот город был главной опорой фараона на Ближнем Востоке. Теперь он мог стать союзником азиатских царей.

В Библе же давно заметили, что в стране фараонов не все ладно — и катастрофа впрямь не заставила себя ждать. Среднее царство распалось. Сирия, Палестина и Финикия надолго вышли из-под контроля фараонов.

Сам же Египет после 1710 года до нашей эры оказался под властью азиатских кочевников — гиксосов. В состав этих племен, очевидно, входили аравийцы и хананеи. На своих колесницах они пересекли Синайский полуостров и вторглись в страну фараонов. Ослабленная междоусобицами, та покорилась гиксосам почти без боя. «Одолев князей страны, они беспощадно сожгли города и разрушили храмы, — писал впоследствии египетский жрец и историк Манефон. — Со всеми туземцами они обращались крайне неприязненно: одних убивали, других с женами и детьми обращали в рабство». Своей столицей захватчики сделали город Аварис, лежавший в нижней части Дельты.

Египетские жрецы предчувствовали катастрофу. Не случайно они проклинали азиатские страны и народы, оставив перечни врагов на «черепках проклятий». Беда назревала. Враги давно подступали к ослабленному смутой Египту.

По гипотезе австрийского археолога Манфреда Битака, между Египтом и Библом постепенно возникла цепочка морских портов и торговых факторий. Их населили азиаты — выходцы из Библа и его окрестностей. Возможно, жители Библа стихийно колонизировали Палестину. Недаром во время правления XIII династии огромное количество керамики, привозимой раньше из Библа, поступает из Палестины.

«За последние десятилетия во многом благодаря работам Битака, — отмечает российский историк В.Головина, — обрела иной характер гиксосская проблема». Во-первых, гиксосы несомненно были знакомы с городской культурой ближневосточного типа. Во-вторых, гиксосы — эти «хека-хасут», «властители (чужеземных) стран», как названы они в «черепках проклятий», — поддерживали связь с Библом. Возможно, что и самого завоевания не было, а было лишь провозглашение в северной части Египта, в Дельте, своей местной династии, поскольку эту часть страны постепенно населили азиаты. Так, в единственный раз в истории тень Библа упала на Египет, полностью скрыла его.

Власть гиксосов распространялась в основном на северные районы страны. Верхний Египет лишь формально подчинился пришлой династии. Здесь главенствующее положение занимал правитель Фиванского нома.

Новые хозяева не знали, что делать с завоеванной ими державой. По словам Манефона, они не думали ни о чем, кроме разграбления великой страны. Они «постоянно воевали и стремились всячески искоренить Египет». Гиксосов, как и многие варварские племена, покорявшие когда-либо крупные цивилизованные державы, сгубила одна и та же беда: любовь к неге и роскоши. Со временем гиксосские цари стали подражать фараонам. Они называли себя

«сынами Солнца» и почитали египетских богов. Потомки суровых воинов превратились в изнеженных царедворцев. Восстание не заставило себя ждать. Ненавистные «цари-пастухи» (Манефон) были свергнуты.

Около 1580 года до нашей эры правитель Верхнего Египта Яхмос-освободитель изгнал гиксосов из дельты Нила. Он преследовал побежденных вплоть до Южной Палестины. Новое царство, основанное им, просуществовало почти пять столетий.

2.9. Новое царство, новый союз

Как отмечал Б.А. Тураев, «эпоха гиксосов имела важное культурное значение — она впервые слила в один политический организм Египет с областями переднеазиатской цивилизации». Уже в следующую историческую эпоху — в Новое царство — Финикия и Сирия становятся тесными союзниками фараонов, их «азиатскими владениями», хотя и не являются «провинциями в римском или даже ассирийском стиле».

Преемники Яхмоса, стремясь обезопасить Египет от нового вторжения азиатских племен, решили захватить весь Ближний Восток. В конце XVI века до нашей эры правители XVIII египетской династии, основанной Яхмосом, начали наступление на Азию. Высадив свои войска в окрестности Библа, Тутмос I (1538—1525 гг. до н.э.). продвинулся до Северной Сирии и достиг восточного берега Евфрата под Каркемишем, где установил стелу. Его поход был в сущности грабительским набегом, предвестием новых бед.

Однако жители Сирии не смирились с угрозой завоевания. Они искали поддержки у царей Митанни — страны, лежавшей по ту сторону Евфрата. Образовалась коалиция сирийских князей, готовая бросить вызов фараону. Наконец, соперничество переросло в открытую войну. Она разразилась почти через полвека после похода Тутмоса I, когда Египтом стал единолично править его внук — Тутмос III.

В сражении при Мегиддо Тутмос III разбил коалицию «трехсот тридцати» сирийских князей, возглавляемую правителем Кадеша. Об этой славной победе, позволившей египтянам веками хозяйничать в Финикии, говорят надписи, высеченные на стенах Карнакского храма в Фивах.

«Воссиял царь утром. Когда было уведомлено все войско... его величество отправился на золотой колеснице, украшенный своим боевым оружием, как бог Гор, а его отец Амон укреплял его руки...

И его величество отдал приказ своему войску в следующих выражениях: «Вы хватайте хорошенько-хорошенько, мое победоносное войско! Смотрите, даны (все страны в этот город по приказу) Ра сегодня. Все владетели всех северных чужеземных стран заперты в нем, и овладеть Мегиддо — это значит взять тысячу городов. Вы хватайте хорошенько-хорошенько!»

И вот, владетели этой страны приползли на своих животах, чтобы поклониться мощи его величества, чтобы испросить дыхание для своих носов, потому что велика его сила, потому что велика власть Амона над всеми чужеземными странами... и вот, все владетели были приведены пред мощь его величества с их данью серебром, золотом, лазуритом, бирюзой, доставляя зерно и вино, быков и мелкий скот для войска его величества, причем один отряд отправился с данью на юг. И вот, его величество назначило владетелей заново...» (пер. Н.С. Петровского).

Отныне дорога, по которой добирались из Палестины в Египет сушей, находилась в руках египтян. Финикия и Палестина вошли в состав Египта. Библ превратился в важный египетский порт — главную базу фараонов XVIII династии на финикийском побережье. Его царь — «шарру», как именовал он себя в переписке с соседями, — стал теперь ставленником фараона, «человеком библским». Под властью шарру оказалась обширная часть побережья — вплоть до современного Триполи. Помимо Библа, он владел тремя гаванями — Батруной, Шигатой и Амбией.

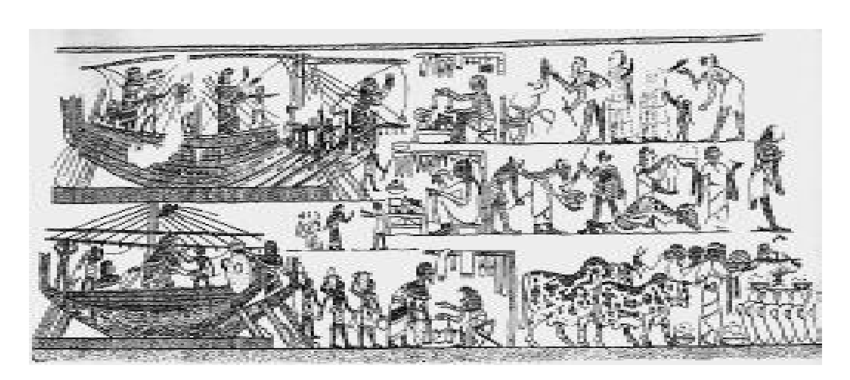
Тем временем по всему побережью появились египетские крепости. Из страны фараонов к ним можно было добраться по морю и доставить провиант; сюда же перебрасывали войска в случае войны с азиатами. Особенно выгодной в стратегическом отношении была долина реки Элевтера. Здесь еще до битвы при Мегиддо высадился египетский контингент. Отсюда, вверх по реке, легко было продвигаться вглубь Сирии. Сегодня здесь проходит железная дорога, связывающая Триполи с Хомсом.

Северная граница египетских владений пролегла примерно по линии Библ—Дамаск. В Северной же Сирии египтяне, несмотря на временные успехи, не сумели установить прочное господство. Правитель Кадеша и впредь относился к ним враждебно. Потребовалось еще несколько походов в Азию, чтобы усмирить непокорных князей.

В своем восьмом походе, на тридцать третьем году правления, Тутмос III, используя опорные базы на побережье, продвинулся далеко на север Сирии и сразился с армией государства Митанни, разбив ее при Халебе. Египтяне преследовали побежденных вплоть до берегов Евфрата и, — переправившись на другой берег реки на «множестве кораблей из кедрового дерева», — изготовленных вблизи Библа и доставленных за 350 километров от города с помощью колесных повозок, запряженных быками, опустошили земли к северу от реки. У переправы через Евфрат, близ Каркемиша, были поставлены победные пограничные камни, рядом с теми, которые водрузил Тутмос I.

После своих побед Тутмос III обложил Финикию поборами. Как сообщают оставленные по его приказу надписи, местные правители строили «царские корабли» и, нагрузив их, каждый год доставляли в Египет. «Ничего из этого я не оставил азиатам». Такая система просуществовала с некоторыми перерывами долгое время.

Вряд ли жители Финикии и Библа были рады подобному повороту дел. Ушла в прошлое «политика даров, — пишет Карл-Хайнц

Сцена в египетском порту. Фивы, фреска

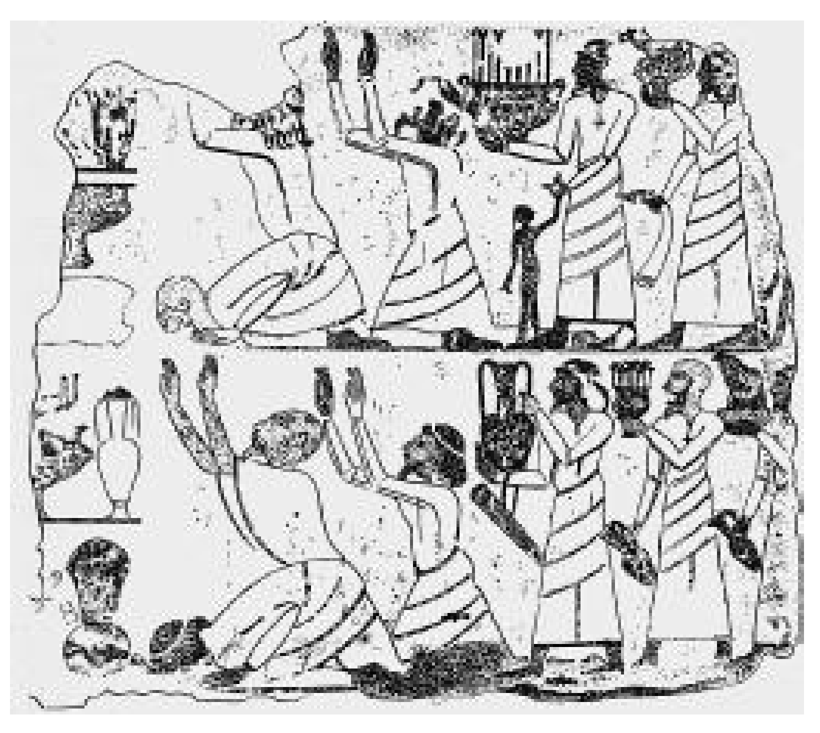
Бернхардт. — Ей на смену пришло подчинение с помощью меча и колесницы». Еще недавно египтяне приезжали в Библ как купцы и паломники, теперь же являлись собирать налоги. На эти средства строились исполинские храмы Фив.

Чаще всего дань уплачивали древесиной кедра. Это засвидетельствовано и в указе Тутмоса III, который объявил библские леса царскими угодьями. «Каждый год, — говорится в нем, — для меня рубили настоящие ливанские кедры. Когда приходит моя армия, то в знак моей победы доставляет мне кедры… ибо отец мой (бог Амон-Ра. — *А.В.*) доверил мне все чужеземные страны. Я ничего не оставлял азиатам, ибо (дерево это) угодно ему».

Очевидно, египтяне обустроили среди кедрового леса в окрестности Библа крепость, чтобы наблюдать за заготовкой древесины и не допускать незаконной рубки. Как отмечают историки, Тутмос III получил из Библа больше леса и судов, чем все предыдущие фараоны.

Его преемники также питали слабость к благовонным ливанским кедрам. Впрочем, они вновь стали платить местным царькам за вывозимые из их стран деревья.

Так, торговый расчет постепенно сменил завоевательный порыв. Ведь военные победы так и не помогли Тутмосу III укрепить власть в Азии — особенно в Сирии. Ему приходилось вновь совершать походы туда, борясь с влиянием Митанни. В летописи Тутмоса III неоднократно говорится о том, как «его величество был в стране Джахи (Финикия. — *А.В.*)», где разбил восставших на него фини-

Посланники провинций Передней Азии приносят дань правителю Египта. Фивы, фреска, около 1410 г. до н.э.

кийцев и разорил их города. Последний поход в Финикию он совершил на сорок втором году царствования. Всего же за три с половиной века правления азиатскими провинциями египетские фараоны совершили около шестидесяти походов, усмиряя свои далекие владения.

Новый правитель Египта, Аменхотеп II (1450—1425 гг. до н.э.), еще продолжал воевать в Ливане и Сирии. На седьмом году его правления египетские войска переправились через Оронт. «Достиг его величество Угарита и окружил всех своих противников. Он уничтожил их, точно они не существовали, они были повержены и распростерты. Затем отправился он радостно отсюда. Стала вся страна его собственностью» (пер. И.С. Кацнельсона). Некоторое время в Угарите располагался даже египетский гарнизон. Однако уже два года спустя фараону пришлось вновь вести свои войска в Азию, во «второй победоносный поход».

Впрочем, уже во время правления Аменхотепа II ориентиры египетской внешней политики стали меняться. Может быть, он убедился, что ему не удержать отдаленные провинции Азии, потому что с севера на них наступали хурриты и хетты — создатели двух сильных держав, Митанни и Хеттского царства.

В конце концов, Аменхотеп III (1408—1372 гг. до н.э.) разделил сферы влияния с царем Митанни. Последний получал северную и среднюю Сирию, а египтянам остались лишь земли Азии, лежавшие близ Синайского полуострова, — Палестина, Финикия и Южная Сирия. Если на побережье владения Египта простирались почти до Угарита, то в степных районах Сирии — лишь до Кадеша. Эти границы оставались неизменными вплоть до середины XIV века до нашей эры.

Государственное устройство Финикии и Сирии в пору египетского владычества нам известно в основном лишь по «амарнским письмам». Впрочем, как отмечал советский историк В.Г. Ардзинба, «из этих писем мы получаем такую разностороннюю картину политической обстановки, какой еще не имели ни для одного периода истории Восточного Средиземноморья».

Письма эти найдены при раскопках в местечке Эль-Амарна, в трехстах километрах от Каира. В XIV веке до нашей эры здесь располагалась столица державы Аменхотепа IV (Эхнатона; 1372—1354 гг. до н.э.). На ее месте обнаружили почти четыре сотни глиняных табличек — корреспонденцию правителя, полученную в основном из Азии. Большинство этих писем, доносящих до нас яркую, красочную картину жизни того времени, написаны клинописью на плохом аккадском языке с частыми вкраплениями ханаанейских слов. Аккадский язык был дипломатическим языком того времени, но составлялись эти послания чаще всего в союзных Египту городах Финикии, и потому писцы, вынужденные писать на неродном им наречии, часто путались и использовали слова знакомого им с детства языка. Любопытно, что египетский язык и письменность вообще не укоренились в Финикии и других азиатских владениях фараонов.

Благодаря амарнским письмам, а также современным им текстам, найденным при раскопках Угарита и хеттской столицы Хаттусы, мы достаточно хорошо представляем себе жизнь Передней Азии в первой половине XIV века. Правда, письма эти не датированы, что затрудняет воссоздание точной последовательности протекавших тогда бурных событий.

Сотни писем правителей финикийских и палестинских городов, найденные во дворце Эхнатона, характеризуют особое внимание правителей Египта к Финикии. В этих письмах упоминается более сорока городов на ливанском побережье и в долине Бекаа, большая часть которых представляла собой столицы крохотных государств. В них правили местные цари. Впрочем, еще Б.А. Тураев писал о многих ближневосточных городах того времени, что это были «скорее деревни в стенах или просто замки... на горах, защищающие местность и часто изображаемые на египетских и ассирийских барельефах».

Правители этих поселений пользовались большой свободой во внутренних делах и даже в сношениях с соседними царьками. Египетский фараон, присоединив очередной финикийский город к своей державе, не смещал его царя, а лишь обязывал платить дань Египту, выдавать перебежчиков и не заключать союзы с другими великими державами — Хеттским царством и Митанни.

Каждый из правителей приносил клятву верности фараону. Тот намечал среди детей правящего царя его будущего наследника и брал его в заложники. Отныне юноша жил при египетском дворе. После смерти царя он обязан был как можно скорее принести клятву верности своему египетскому сюзерену.

Там же, при дворе фараона, проживали и дети многих финикийских и сирийских аристократов. Так, Аменхотеп II вывез из Азии 232 сына и 323 дочери местных вельмож. Подобные меры обеспечивали полную покорность провинциальных властей.

Вся финикийская земля считалась «землей фараона», а местные царьки были лишь его ставленниками, его «чиновниками». Так, правитель Сидона писал в Амарну: «Сидон — рабыня царя, моего господина, ее он поручил в мои руки».

В Финикии и Сирии жили египетские чиновники. Они наблюдали за поступлением дани и были посредниками в междоусобных распрях царьков. Египет старался не допускать войн между подвластными ему городами. А их правители то и дело обращались к фараону за помощью, засыпали жалобами друг друга, обвиняя своих соперников в измене Египту и прося решить в их пользу спор. Помощь была далеко не бескорыстной. Золото и другие подарки считались лучшим свидетельством правоты в любой тяжбе. Впрочем, администрация фараона равнодушно относилась к этим доносам и не спешила принимать каких-либо мер.

В эпоху Эль-Амарны в Азии, очевидно, располагались три египетские провинции: Амурру на севере сирийских владений со столицей в прибрежном городе Симире (Цумуре), где были крепость и дворец фараона. К юго-востоку от него лежала провинция Упе со столицей в городе Кумиду; отсюда можно было держать под контролем южную часть Бекаа. Палестина и Финикия составляли провинцию Ханаан со столицей в Газе.

Любопытно, что резиденции египетских чиновников, — их называли по-аккадски «рабицу», «областеначальники», — располагались не в царских городах, а на «нейтральной» территории — в нескольких незначительных азиатских городах, которые, видимо, считались владениями фараона и не подчинялись ни одному из местных царей. В окрестностях этих городов находились гавани для высадки египетских войск и доставки провианта. Рабицу управляли также территориями, которые не входили в ведение правителей городов, — пустошами, лесами, горными склонами. Под управлением египтян находились и несколько гаваней на морском берегу, например Уллаза, откуда также вывозили кедровые стволы.

Правители финикийских городов могли жаловаться фараону на «областеначальника». Подобные письма тоже найдены в Эль-Амарне. Поэтому «рабицу» старались перехватить вестовых и отнять у них подозрительные письма.

Сохранился рассказ об опасной доле гонца, спешащего из Северной Сирии в Египет (сейчас этот папирус хранится в Британском музее). Он пробирается по горным склонам Ливана, поросшим кипарисами, дубами и кедрами, достигающими неба. Здесь даже днем небо сумрачно. Леса кишат львами и другими хищниками. Со всех сторон могут появиться кочевники. Повозку гонца приходится поднимать по горным тропам на веревках. Порой путь преграждают быстрые горные реки. Ночью же, стоит прикорнуть от усталости, подкрадываются воры. Наконец, собственный возница бежит от него, унося то, что оставили разбойники. Вестовой в одиночку пробирается по перевалам, где кочевники спрятались в кустах. «Их сердца недружелюбны, и лесть на них не действует».

Опасности этого путешествия отнюдь не преувеличены. В окрестностях ханаанейских городов и в отдаленных местностях жили изгои — «хапиру» (хабиру). Так называли чужеземцев, может быть,

израильтян. Кроме того, люди, у которых не было ничего, часто уходили в кочевники. Порой в тех сельских районах Ханаана, где поборы египетских властей были особенно велики, — они возрастали, например, в годину военных походов, — наблюдалось массовое бегство населения в ближайшие ущелья и дебри Ливанских гор. Беглецов тоже причисляли к хапиру. Этот отток подданных, по меткому замечанию историка, напоминает бегство крепостных из Московской Руси в казаки, с той лишь разницей, что здесь в распоряжении беглецов не было обширных плодородных земель.

Стремясь удержать азиатские земли под контролем, египтяне разместили в различных крепостях покоренной ими страны свои гарнизоны. В случае необходимости их можно было перебросить в ту или иную соседнюю область. Для этого, например, в Финикии специально проложили дорогу. Солдаты, служившие в гарнизонах, «смотрели на постой здесь как на своего рода ссылку, продолжавшуюся обыкновенно несколько лет» (Б.А. Тураев). Гарнизоны были немногочисленными и насчитывали от 10 до 50 человек. Иногда они находились и в царских городах. В особых случаях войска перебрасывали из дельты Нила. Во время военных походов на местных царьках лежала обязанность снабжать египетские войска провиантом: маслом, хлебом, питьем, быками и овцами.

Потеря политической независимости не сказалась на экономическом развитии Южной Сирии и Финикии. Наоборот, приморские города переживают расцвет. Ширятся торговые контакты между Финикией, Критом, Эгеидой, Месопотамией. Особый интерес вызывает кипрская медь — главный товар, за которым едут в Левант со всех концов тогдашней ойкумены, ведь финикийские купцы постоянно привозили в свои города медь с соседнего острова. Здесь ее отливали в прямоугольные слитки определенной массы (их легко было перевозить и складировать) или изготавливали из нее различные ходовые товары.

Спросом пользуются также изделия местных ремесленников и продукты сельского хозяйства, например, оливки и смоквы, яблоки

и абрикосы, персики и груши, вино и оливковое масло, которыми славилось финикийское побережье, а также мед. Отсюда вывозили металлические изделия — оружие и утварь из африканского золота, анатолийского серебра, бронзы, — а еще текстиль.

В особом почете были пурпурные угаритские ткани, ведь еще в бронзовом веке местные мастера открыли способ приготовления краски из моллюсков Murex brandaris. Разумеется, ценным поделочным материалом была и древесина; она шла на изготовление мебели и различных резных украшений. Для строительства кораблей вывозили и необработанный, строевой лес.

В конце II тысячелетия до нашей эры большой популярностью в Библе пользуются изделия из слоновой кости, например статуэтки, изображающие людей или животных. Они выглядят так оригинально и реалистично, так хорошо передают движения, что несомненно относятся к лучшим образцам финикийского искусства. Как отмечает Хорст Кленгель, в них угадывается стиль, получивший распространение в Египте во время правления фараона Эхнатона.

Средством расчета с торговыми партнерами служило серебро. Как явствует из документов, в бронзовом веке в Финикии стремительно развивались товарно-денежные отношения.

В тени Египта финикийская земля процветала. Но внезапно на Финикию легла полоса мрака. В Египте смута охватила небесных богов; в Финикии — земных царей. Пришел фараон Эхнатон.

2.10. Эхнатон в неведении

В 1377 году до нашей эры на египетский трон взошел фараон Аменхотеп IV, который почти не интересовался ни торговлей, ни азиатскими провинциями, где влияние Египта заметно пошатнулось. Всю энергию он употребил на то, чтобы возвести на египетский Олимп нового, единственного бога — Атона, бога солнечного диска. Позднее Аменхотеп IV принял имя Эхнатон, «угодный Атону».

При нем Египет оказался на грани религиозной войны. Тем временем в Анатолии заметно усилилась Хеттская держава. Под предводительством хитрого, энергичного царя Суппилулиумы она сокрушила царство Митанни. Власть ее уже распространялась на Северную Сирию. Ее поддерживали и хапиру.

В центре смуты оказался Библ. Его правитель был поставлен перед выбором: хранить ли верность давнему союзу или отпасть от Египта. Так ли сильна сейчас страна фараонов и можно ли ждать помощи от нее? Или лучше переметнуться на сторону хеттского царя и выпросить у него награду за вероломство? Во все века в подобных случаях редко помнили о верности и долге, а больше страшились немилости у победителя. В гневе он мог разрушить город до основания, а его жителей частью казнить, частью обратить в рабство. Вот и правитель Библа просчитывал, просчитывал и — просчитался. Он решился — и вовсе не из страха перед новыми проклятиями египетских жрецов — сохранить верность фараону. Это обернулось трагедией для Библа и союзных с ним городов. Виновником трагедии стал местный царь Риб-Адди, огромное количество писем которого — всего их известно шестьдесят четыре — представляют собой сплошные стенания.

В своих первых донесениях, — они отправлены еще Аменхотепу III, — Риб-Адди сообщает о появлении аморейских кочевников, вторгшихся из провинции Амурру. Он просит фараона не доверять их вождю, Абди-Аширте, который, хоть и называет себя верным вассалом Египта, сам втайне сговорился с царем хеттов — Суппилулиумой. Правитель Библа пытается удержать хапиру на своей стороне, но, — он уверен, — это ему не удается. Сам он клянется в неколебимой верности фараону и просит защитить его от пришлых людей. «Перед стопами царя моего господина повергаюсь я ниц семижды семь раз, — пишет он. — Библ останется верным слугой царя». Но при его отце в городе был египетский гарнизон, а теперь фараон велел ему самому защищать город, а это ему не по силам.

Постепенно уверения в преданности сменяются отчаянными мольбами — криками о помощи. Положение ухудшается с каждым месяцем. Хапиру завоевывают один ханаанейский город за другим, и вот уже Библ осажден войсками Абди-Аширты. На его сторону стали переходить соседние князья уже из одного страха быть убитыми. Риб-Адди сообщал фараону, что Абди-Аширта овладел Амбией, Шигатой, Иркатой и перебил их князей и что царь Сидона перешел на сторону хапиру. Положение было настолько тяжелым, что Риб-Адди грозил сам сделать то же: «Отвечай мне или заключу союз с Абди-Аширтой...; тогда я спасен с моими людьми» (пер. Б.А. Тураева). Теперь власть Риб-Адди простиралась лишь на Библ и соседний город Батруну.

Вот уже некоторые горожане Библа перешли на сторону хапиру. Риб-Адди уже известно, что «врата медь взяли», то есть городская стража подкуплена. В страхе за свою жизнь он просит фараона позволить ему бежать из неверного города. Однако Эхнатон, увлеченный своими реформами, не обращает внимания на просьбы о помощи, доносящиеся из далекого города. Он не посылает в Библ ни армии, ни продовольствия.

Тогда Риб-Адди обращается к одному из египетских вельмож, Аманаппе, с которым был знаком, и сетует на невнимание фараона: «Ты знаешь мои дела, потому что ты был в Цумуре, (знаешь,) что я твой верный слуга. Так скажи царю, своему господину, чтобы он быстрее прислал войска, чтобы спасти меня!» Но и эта попытка не приносит успеха.

Похоже, что при египетском дворе не слишком доверяли противоречивым депешам, присылаемым из Азии. Несомненно, что, выбирая линию поведения в отдаленной провинции, египетские властители больше полагались на донесения своих чиновников (которые, к сожалению, не сохранились). Находясь ближе к месту событий, эти чиновники определяли, кого из местных «сильных людей» выгоднее поддерживать. Так, нелюбимый подданными Риб-Адди остался вовсе без поддержки фараона. Аманаппа же, к кото-

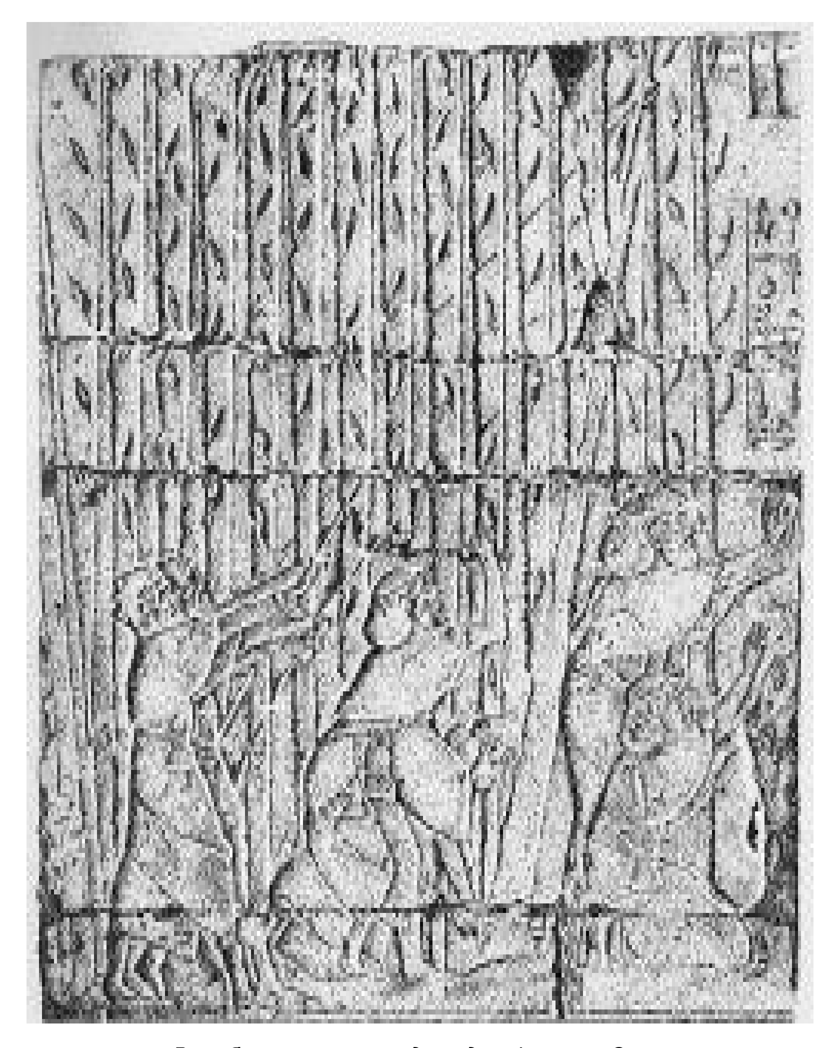
рому он взывал, попросил только прислать ему топоры и медь. Риб-Адди был близок к отчаянию.

Тем временем запасы продовольствия оказались на исходе. В окрестных городах и поселках поднялись восстания против сторонников египетской партии, и даже семья Риб-Адди стала уговаривать его перейти на сторону врагов. И вот, наконец, пришло письмо от Эхнатона. Новая надежда? Нет, новое разочарование! Властитель Египта ни одним словом не обмолвился о бедах своего союзника. Он поинтересовался только, не может ли «человек библский» прислать ему древесину кедра, из которой можно было бы изготавливать сундуки и лари.

В отчаянии Риб-Адди отвечает фараону, что не может прислать древесину, поскольку лес «добывают в странах Зальхи и Угарит, но я не могу послать туда мои корабли. Когда Азиру (он сменил Абди-Аширту во главе мятежников. — *А.В.*) стал мне врагом, все князья стоят с ним заодно. По их желанию ходят их корабли и берут, что им нужно». Сам же он не может снарядить ни одного судна.

Тем временем и хетты подошли к стенам Библа. Риб-Адди бежит в город Беруту, надеясь на помощь местного правителя, также хранившего верность Египту. Отсюда он отправляет еще одно письмо Эхнатону. Когда же он попытался вернуться в Библ, то его подданные закрыли перед ним ворота и не впустили в город. Власть в Библе захватила враждебная ему партия во главе с его младшим братом. Новый правитель перешел на сторону Азиру, принявшего титул царя Амурру.

Риб-Адди остается лишь напоминать фараону: «Многие люди в Библе любят меня; лишь немногие — мятежники. Если бы мне прислали отряд лучников, и они прослышали об этом, то город вернулся бы к царю, моему господину. Пусть знает мой господин, что я готов за него умереть... Да не оставит царь, мой господин, город в беде. Воистину, много в нем золота и серебра, и храмы его полны богатства». Письмо заканчивалось почти евангельским стенанием:

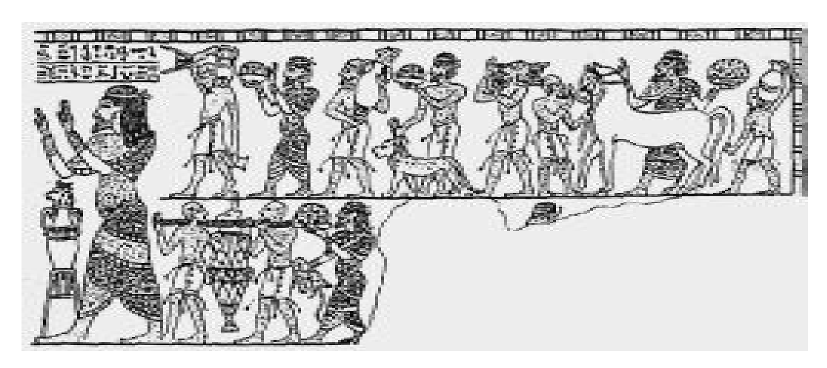

Вырубка ливанских кедров для фараона Сети

«Почему мой господин покинул меня?» Вскоре Риб-Адди, пытавшийся уехать в Египет, погиб.

В конце концов, хапиру захватили всю Финикию. Теперь страна стала союзником хеттов. Их царь, Суппилулиума, заставил Азиру принести ему клятву верности. Так, без единой битвы хетты покорили целую страну. Только теперь, когда в финикийскую смуту вмешалась другая держава, египетские власти всполошились.

Но главная битва была еще впереди. После смерти Эхнатона египтяне вновь обратили внимание на свои азиатские владения. Рамсес I и Сети I пытались вернуть утраченную страну. Так, Сети I сумел разгромить хапиру и восстановить реальную власть Египта в Финикии. Наконец, на пятом году своего правления Рамсес II (1317—1251 гг. до н.э.) повел свою армию в Азию и сразился с хеттами у стен Кадеша, на берегу Оронта. В этом сражении участвовали почти все союзники и вассалы обеих держав. Позднее и египтяне, и хетты приписывали себе победу в этом величайшем сражении бронзового века. В действительности же, проигравшей стороной были египтяне. Лишь чудо спасло армию Рамсеса II от полного разгрома.

Князья провинций Передней Азии приносят дань Тутанхомону. Фивы, фреска

Египтяне так никогда и не вернули провинции, которыми владели несколько веков. Они не раз направляли карательные экспедиции в страну Ханаанейскую, стремясь усмирить своевольные города. Впоследствии Рамсес II заключил мирный договор с новым правителем хеттов — Хаттусили III. Граница между двумя державами — Хеттской и Египетской — пролегла севернее Библа. Был заключен первый в истории, известный нам, международный договор. Фактически, подписав его, египтяне признали победу хеттов в Кадеше. Египетский фараон и хеттский царь поклялись жить в мире и дружбе. Сферы влияния хеттов и египтян были четко разграничены. Палестина, большая часть Ливана и Южная Сирия остались за Египтом. Северная Сирия отошла к хеттам.

Таким образом, страна кедра по-прежнему осталась под властью фараонов. Ее жители постепенно стали ощущать себя единым народом. Так началось становление финикийской нации.

2.11. Пустые посулы египтянина

В 1080 (по другим данным, в 1066) году до нашей эры в Библ, чтобы закупить кедровый лес, отправился Ун-Амон, посланник Херихора — верховного жреца храма Амона в Фивах и фактического правителя Фив. Лес предназначался для великой священной ладьи Амона-Ра, царя богов. В середине сезона разлива эта ладья ходила по Нилу между Карнаком и Луксором.

Ун-Амон получил все необходимые документы. Вот только не нашлось для него корабля. Посланник жреца отправился на сирийском транспорте — случайном попутном судне, где его обокрал один из матросов. «(Всего украл) он 5 дебенов золота и 31 дебен серебра (то есть 455 граммов золота и 2,82 килограмма серебра. — *А.В.*)» (пер. И.С. Кацнельсона).

Рассказ о путешествии Ун-Амона сохранился в папирусе, который был найден в 1891 году в Северном Египте. Открыл этот папирус русский египтолог В.С. Голенищев; он же первым дал транс-

крипцию и его перевод. Сейчас этот папирус, датируемый примерно X веком до нашей эры, хранится в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Действие рассказа, — а Б.А. Тураев считал его литературной обработкой подлинного отчета, — происходило во время правления одного из Рамсесов. Что же случилось с посланником?

Через четыре месяца и 12 дней после отъезда из Фив он прибыл в Библ. Прием, уготованный ему, был ошеломительным. Правитель Библа Закар-Баал (Чекер-Баал) не только отказался вести с ним переговоры, но и вообще запретил ему въезжать в город. «И послал ко мне (правитель) Библа, говоря: «Уходи из (моей) гавани!» Двадцать девять дней ему пришлось прождать в порту; Закар-Баал не пускал его на берег и каждый день приказывал удалиться. Похоже, что жители Ливана теперь не испытывали почтения к египетским титулам.

Все это время гавань города не пустовала. Ун-Амон насчитал здесь двадцать обслуживающих египтян судов и пятьдесят других кораблей. И если другие его соотечественники находились на службе у правителя города, то он оказался в опале.

По замечанию Вольфганга Хелька, это могло быть связано с тем, что как раз в то время ассирийский царь Тиглатпаласар I (1114—1076 гг. до н.э.) совершал поход на запад, к Средиземному морю. Правители финикийских городов — Библа, Арвада, Сидона — согласились выплатить ему дань. В этой обстановке Закар-Баал боялся чем-либо прогневить грозного противника, а потому избегал встречи с посланником верховного египетского жреца. Мало ли что могло вызвать неудовольствие царя Ассирии?

Но вот, когда однажды Закар-Баал приносил жертву своим богам, «божество охватило одного из его людей и заставило его плясать и возгласить: «Пусть приведут его наверх. Приведите сюда посланника Амона». Это повеление свыше заставило царя пригласить Ун-Амона, уже собравшегося уезжать на корабле» (пер. Б.А. Тураева).

Наконец, Закар-Баал принял египтянина в своем приморском дворце. «Я нашел его сидящим в верхней комнате, спиной к окну, — сообщал Ун-Амон, — причем волны великого Сирийского моря разбивались за ним». Аудиенция проходила не очень дружественно. Ун-Амон объяснил, что прибыл за лесом. «Твой отец давал его, твой дед дал, и ты дашь его», — сказал он правителю Библа. Но эти упоминания были напрасны. Закар-Баал возразил, что фараоны за это платили: «Я же сам по себе; я не слуга ни твой, ни пославшего тебя».

«Что же, — продолжил Закар-Баал, — раньше фараон, пусть он живет и процветает, присылал шесть кораблей, груженных египетскими товарами... Но что ты предложишь мне?» Этот ответ показался Ун-Амону неслыханно дерзким. Он применил все свое красноречие, чтобы скрыть нынешнюю бедность Египта. Он взывал к религиозным чувствам Закар-Баала, напоминал, что Амон — владыка Финикии и бог отцов его. «Ты также раб Амона. Если ты скажешь Амону: «Сделаю, сделаю» — и выполнишь его поручение, ты будешь жить, ты будешь невредим, ты будешь здоров» (пер. М.А. Коростовцева).

Комментируя эту беседу, Карл-Хайнц Бернхардт напоминает, что «в представлении египтян, все страны были покорны египетскому государственному божеству Амону-Ра, и поэтому вполне обычный торговый обмен на основе взаимной выгоды ими толковался как приношение дани».

Однако Закар-Баал был неумолим. Как выразился К.-Х. Бернхардт, «царь Библа старался вытрясти последнее из не очень-то богатой мошны египтянина». Он вовсе не вспоминал о давней дружбе, связывавшей Финикию и Египет. «Амон, — сказал он, — сотворил все страны, но сперва сотворил страну Египет, из которой ты прибыл. Там зародились все ремесла, и египтянам уготовано заботиться о таких городах, как тот, куда ты прибыл».

Говоря это, Закар-Баал как будто превозносил могущественную Египетскую державу — великую империю древности — и при-

нижал свой собственный город, но в то же время настойчиво намекал гостю: нет товара без платы за него. «Ясно, что обаяние египетского могущества пропало», — замечал Б.А. Тураев.

Бурные события начала XII века до нашей эры совершенно перекроили политическую карту тогдашнего мира. Египетская держава хоть и устояла под натиском пришлых племен — так называемых «народов моря», — но лишилась былого могущества. К ее посланнику относились теперь даже с некоторым пренебрежением, зная, что его можно оскорблять безнаказанно. Расплаты не последует. Мечи и колесницы египетской армии не отомстят за поруганную честь посла. Мытарства Ун-Амона в независимой Финикии поразительно напоминают мытарства русских в году 1992 в какой-нибудь независимой союзной республике. Остается лишь добавить, подчеркивая фантасмагоричность происходящего, что заносчивый Закар-Баал был правителем крохотного города-государства. Под его властью находился лишь город Библ и его ближайшие окрестности.

История Ун-Амона наглядно показывает, как возросло самосознание финикийцев и как они стремятся держаться на равных с посланцами фараона. Они не желают служить Египту; они хотят торговать с ним — к собственной выгоде.

Тогда Ун-Амон принялся уверять правителя Библа, что готов был заплатить ему, но в дороге у него украли все деньги. На это Закар-Баал возразил: пусть ему пришлют еще денег. Наконец, скрепя сердце, Ун-Амон сдался. Он отправил гонца к правителю Нижнего Египта. Тогда и Закар-Баал велел своим людям валить деревья и доставлять их в гавань.

Через несколько недель гонец вернулся из дельты Нила и привез четыре золотых кувшина и чашу, пять серебряных кувшинов, десять одеяний из царского полотна (виссона), десять кусков тонкого полотна, пятьсот свитков папируса, пятьсот бычьих шкур и пятьсот канатов, а также 20 мешков чечевицы и 30 корзин сушеной рыбы.

Закар-Баал обрадовался подаркам. Теперь он отрядил триста человек заготавливать лес. Деревья валили и на зиму оставляли на месте. Еще царь выделил триста рабочих волов, чтобы на следующее лето доставить срубленный лес на берег моря.

Однако незадолго до возвращения в Египет у Ун-Амона вновь начались неприятности. Он поссорился с вождем племени чекеров. Это племя было одним из «народов моря»; оно осело на побережье Палестины около города Дора, что находился близ современной Хайфы. Вождь племени возмутился тем, что египтянин решил перевезти лес морем без его ведома. На одиннадцати кораблях чекеры приплыли в Библ и потребовали выдать им Ун-Амона.

Закар-Баал стал утешать его, но и наживать себе новых врагов он не хотел. Стремясь избежать ссоры и с египтянами, и с чекерами, он передал вождю племени: «Я не смогу пленить посланца Амона в моей стране. Дайте мне отправить его, а потом преследуйте его, чтобы задержать» (пер. Н. Симакова). Узнав об этом, Ун-Амон заплакал и тотчас пустился в бегство.

Однако неудачи его не оставляли. Снаряженный корабль был подхвачен бурей и отнесен к берегам Кипра. Здесь папирус с отчетом обрывается, и нам неизвестно, как Ун-Амон сумел пробраться в Египет. Мы знаем лишь, что он каким-то образом спасся.

Вообще отчет Ун-Амона изобилует загадками. Почему, лишившись денег, он продолжил путешествие в Библ? Почему он поехал без охраны? Ведь обычно египетских посланников сопровождали отряды хорошо вооруженных лучников с опытными командирами. Известна, например, надпись, оставленная по приказу фараона Рамсеса III: «Я сделал тебе (Амон) ладьи, баржи и корабли с лучниками, со снастями... Я назначил на них командиров лучников и капитанов с многочисленной командой, без числа, чтобы доставлять дары земли Финикии и других чужих стран на краю земли в твои великие склады в Фивах победоносных» (пер. Ф.Л. Мендельсона). Неужели в Египте теперь не нашлось средств, чтобы снабдить своего посланника достойной свитой?

А чекеры? Почему правитель Библа, надменно говоривший с посланником Египта, легко пошел им на уступки? Неужели он так боялся их?

Даже список товаров, присланных Закар-Баалу, заставляет задуматься. Разве жители Библа не могли выделывать тонкое полотно? А чем так ценны свитки папируса для города, который греки называли «Библ(ос)» — «Папирус»? Стоило ли менять их на строевой лес?

Попробуем ответить на эти вопросы. Начнем с папируса. В то время это был дорогой материал; его берегли и старались не тратить напрасно. Его изготавливали из болотного растения Cyperus papyrus, первоначально произраставшего лишь в Африке. Египтяне, разрезая стебли растения на пласты, выделывали из него писчий материал, который готовы были купить в любой канцелярии, в любом архиве, ведь легкие свитки занимали куда меньше места и были намного легче клинописных табличек. К немалой выгоде для себя Египет фактически обладал монополией на производство папируса — главного писчего материала в I тысячелетии до нашей эры.

Из покровной ткани стебля этого же растения вили прочные веревки; они тоже пользовались большим спросом. В «Одиссее» Гомера упомянут «канат корабельный, сплетенный весь из папируса» (XXI, 390—391, пер. В.В. Вересаева). (Слуга Одиссея завязал этим канатом засов, запирая ворота перед истреблением женихов.)

Финикийский же город получил свое название потому, что был важным перевалочным пунктом в морской торговле греков. Египетские корабли привозили в Библ папирус и канаты, где эти товары перегружали на суда, — например критские, — шедшие в Сирию, Анатолию, Грецию. Поэтому многие греки считали, что папирус в их страну привозят из Финикии, а не из Египта.

Тонкое полотно египтяне недаром называли «царским льном». Это была легчайшая ткань, выделкой которой славился Египет. Финикийцы научились изготавливать подобные им лишь через несколько поколений. Даже знаменитые пурпурные ткани в бронзовом веке выделывали не в Библе, а в Угарите.

Наконец, грозные чекеры. В то время их корабли контролировали почти всю восточную часть Средиземного моря. Чекеры не терпели появления в этой части моря других кораблей и потому возмутились поведением Ун-Амона. В 1080 году до нашей эры ни египтяне, ни финикийцы не могли соперничать на море с чекерами (вероятно, выходцами с Крита) — народом, внезапно населившим побережье Палестины. Корабли чекеров были самыми быстроходными, а сами они, казалось, не ведали страха и не знали пощады к врагам.

Появление в Передней Азии и Северной Африке чекеров и других «народов моря» знаменует окончание целой исторической эпохи. Прежние великие державы Восточного Средиземноморья либо погибли, как Хеттское государство, либо пришли в упадок, как Египет и Ассирия. Египет окончательно утратил статус мировой державы. Отныне никогда уже власть фараонов не будет простираться за пределы Синайского полуострова.

Наоборот, Левантийское побережье процветает. Вторжение «народов моря» вызвало невероятное брожение среди местных жителей. Для них эти перемены обернулись благом. Здесь, на побережье, как отмечал Н.Я. Мерперт, «специфическая ветвь ханаанейской культуры развилась... в особый феномен финикийской культуры». Разрозненные города-государства Леванта превратились в Финикию.

2.12. Финикийцы: кто они?

«Своей славой Финикия обязана своим жителям, искуснейшим людям, исключительно способным к делам военным и делам мирным. Они изобрели буквы и письменность и ввели разные другие искусства, такие, как морское судоходство, морской бой, управление народами, царская власть, сражения» (пер. С.К. Апта), — пи-

сал римский географ и уроженец Испании Помпоний Мела, живший в I веке нашей эры.

По библейскому преданию, ханаанеи (финикийцы) являлись потомками Хама и за его непочтительность к отцу обречены Богом вечно быть рабами потомков Сима — израильтян. Сами финикийцы вели свое происхождение от мифического прародителя — Хна, сына бога Баала. По предположению российского историка А.А. Немировского, он упоминается в Библии под именем... Каин: и был он проклят, и построил первый город (Быт. 4, 1—17).

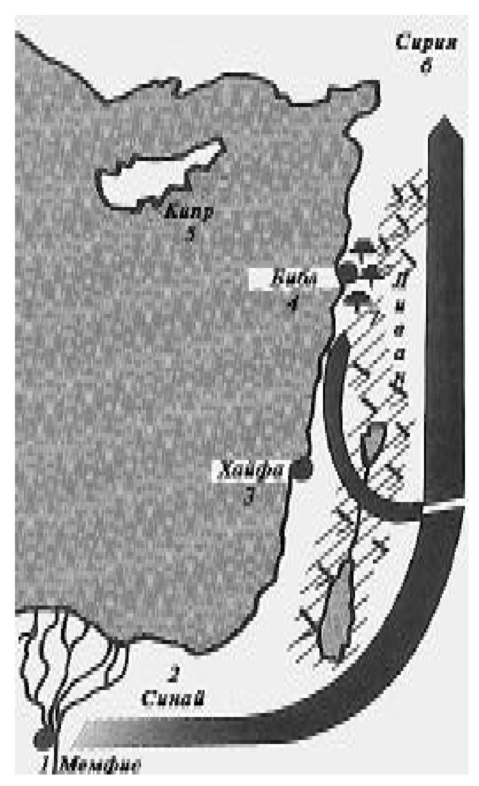
К имени Хна восходит и самоназвание финикийцев — ханаанеи. Именно так по-прежнему называли себя финикийцы или же говорили: «Я — сидонянин», «Я — тириец». Так, финикиянка из гомеровской «Одиссеи» говорит о себе:

Я уроженица меднобогатого града Сидона;
Там мой отец Арибас знаменит был великим богатством.
(XV, 425—426; пер. В.А. Жуковского)

Антропологическое исследование, проведенное У. Шенклином и М. Гатусом, позволило представить, как выглядели финикийцы. По имеющимся данным, они были людьми небольшого роста. Средний рост мужчин составлял 1,63 метра, а женщин — 1,57 метра. Судя по сохранившимся изображениям, у финикийцев был удлиненный тип лица, продолговатые глаза, прямой толстый нос, курчавые волосы, завитая или коротко подрезанная борода.

Одевались они в длинную, широкую тунику, достигавшую щиколоток. Одежду выбирали яркую, разноцветную; украшали ее вышивкой; часто подпоясывали. Как отмечал Жорж Контено, финикийцы в своих цветастых одеждах резко выделялись в толпе египтян, предпочитавших легкие белые одеяния. Из обуви предпочитали сандалии. Женщины также носили туники, украшенные вышитыми цветами, и такой же узорчатый платок, спадавший на плечи. Из украшений чаще всего выбирали серьги и ожерелья.

Споры о происхождении финикийцев велись с давних пор. Так, по словам Геродота, «страшное землетрясение вынудило их (финикийцев. — *А.В.*) покинуть свою прежнюю родину... Они от так называемого Эритрейского моря (возможно, побережья и островов Персидского залива. — *А.В.*) пришли на это (Средиземное. — *А.В.*) море и заселили ту страну, где и теперь обитают». Многие поколения финикийцев хранили предания о своем переселении с дальнего юга; они рассказывали об этом еще в середине I тысячелетия до нашей эры. Очевидно, сведения, сообщаемые Геродотом, восходят к рассказу тирских жрецов. По словам Страбона, предки финикийцев жили на островах Бахрейн в Персидском заливе.

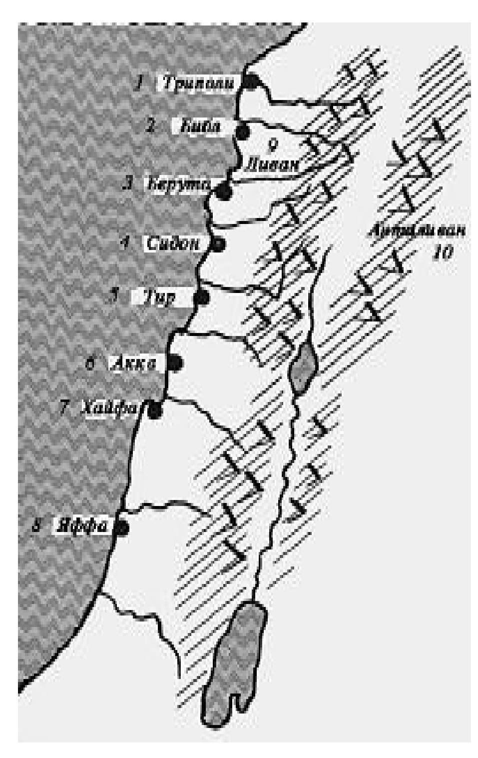
Переселение ханаанеев и амореев.
1 — Мемфис; 2 — Синайский полуостров; 3 — Хайфа; 4 — Библ; 5 — Кипр; 6 — Сирия; 7 — Ливан

Новейшие историки, — например, Отто Айсфельдт и Жорж Контено, — обсуждая происхождение финикийцев, держались мнения, что их предки когда-то покинули родину и, сохранив мно-

гие обычаи, переселились на побережье Ливана, — подобно тому, как тысячи лет спустя турки перебрались в Малую Азию, а готы — в Европу.

По словам известного российского историка Ю.Б. Циркина, «данные, касающиеся языка и мифологии, связывают финикийцев (и угаритян) именно с Южной Аравией». Любопытно, что известный историк географии Рихард Хенниг называл жителей Южной Аравии за их склонность к мореплаванию «финикийцами Индийского океана».

Впрочем, в свете последних открытий эти гипотезы оказались несостоятельными. Один из ведущих исследователей Финикии XX века, итальянский историк Сабатино Москати подчеркивал, что «формирование финикийской нации кажется результатом процессов, происходивших в сиро-палестинском регионе, а вовсе не итогом переселения сюда людей, живших когда-то за пределами этого региона».

Важнейшие города Финикии и Палестины: 1 — Триполи; 2 — Библ; 3 — Берута; 4 — Сидон; 5 — Тир; 6 — Акка; 7 — Хайфа; 8 — Яффа; 9 — Ливан; 10 — Антиливан

Это значит, что финикийцы не пришли на землю Ливана откуда-то издалека. Нет, как единый народ они сформировались именно здесь, в стране, названной Финикией. Город Библ и прибрежные районы Ливана стали плавильным тиглем, в котором смешались самые разные племена, неоднократно переселявшиеся сюда. Конечно, особую роль в становлении финикийской нации сыграло вторжение ханаанеев, поскольку их племена были многочисленными, и это изменило этнический состав местного населения.

История Ближнего Востока знала множество волн миграций. Народы, говорившие на семитских языках, жили в Передней Азии, вероятно, с VI—V тысячелетий до нашей эры. В конце III тысячелетия западные семиты — ханаанеи — заселили территорию Сирии и Палестины. Они разрушили существовавшие ранее в Сирии города-государства, основанные, очевидно, несемитическими племенами, и создали там свои, причем значительная часть сирийских семитов — амореев осталась кочевниками. Еще одна группа амореев поселилась на берегу Средиземного моря, в том числе они заняли существовавший здесь город Угарит.

После переселения ханаанеев на побережье Ливана здесь смешались два древних народа: семитские кочевники и гиблиты — так называли жителей Библа. Из двух разнородных культур родилась новая — финикийская. Впрочем, по мнению многих исследователей, вплоть до второй половины II тысячелетия до нашей эры — до нашествия «народов моря» — финикийцев как народ, строго говоря, нельзя выделить из общей массы ханаанеев.

Впоследствии ханаанеи были вытеснены из Сирии кочевниками-арамеями, а из Палестины еще одной группой семитских племен — древнееврейскими племенами (финикийцы были, кстати, их близкими родственниками). Израильтяне разрушали ханаанейские города и истребляли горожан. Так, город Хазор в Галилее был уничтожен полностью. Порой горожан вырезали поголовно (см. Книгу Иисуса Навина).

Спасаясь от захватчиков, многие ханаанеи переселялись на побережье Ливана, где смешивались не только с местными жителя-

ми, но и с осевшими здесь «народами моря», например чекерами. Сабатино Москати описал этот процесс лаконичной формулой: «Ханаанеи плюс народы моря равняется финикийцы». Формула эта давно уже не оспаривается. Так сформировался «особый феномен финикийской культуры». Только с этого времени жителей прибрежных районов Ливана следует называть «финикийцами», а их культуру, в отличие от прежней, «ханаанейской», именовать «финикийской».

Так, три с лишним тысячи лет назад окончательно родился новый народ — беспокойный и деятельный, надменный и уживчивый, народ, давший миру маниакальных дельцов и отчаянных авантюристов, купцов и мореходов, романтиков и сребролюбцев.

Его родина, Финикия, никогда не была единым государством, никогда не завоевывала соседние страны. Свою империю финикийцы создавали не военным, а торговым путем. Все необходимое им добывали не силой оружия, а путем обмена и торговли.

Финикийцы торговали во всех уголках Средиземноморья; их корабли появлялись в водах Атлантического и Индийского океанов. В XII—IX веках до нашей эры они основали колонии в Северо-Западной Африке, на юге Пиренейского полуострова, на Сицилии и Сардинии, захватывая один клочок Средиземноморья за другим. Так, из полосок земли, занятых мимоходом, возникала империя.

Поныне о финикийцах бытуют разные мнения. Одни считают их самыми ушлыми и бессовестными мошенниками, каких только знала античность. Другие видят в них самых старательных и неугомонных торговых партнеров, отличных коммерсантов. Не имея собственной страны, они задавали тон другим государствам. Не умея властвовать у себя дома, властвовали над миром.

Финикийские язык и культура сохранялись в отдельных районах Средиземноморья вплоть до Средних веков. Лишь после арабского завоевания потомки финикийцев постепенно привыкают говорить на арабском языке, окончательно утрачивая свою древнюю культуру.

3. ЗОЛОТОЙ ВЕК ФИНИКИИ

3.1. Первые корабли плавали только в штиль

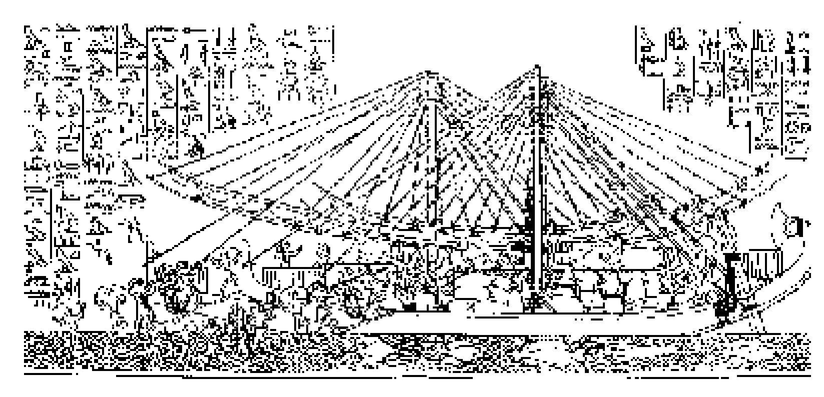
Финикийцы были величайшими мореходами древности. Как же получилось, что недавние бедуины — пустынные кочевники — стали морскими странниками? На этот вопрос обычно давали клишированные ответы. Вот, например, немецкий историк Филипп Хильтебрандт полвека назад писал, что, переселившись на побережье Ливана, «финикийцы смешались с исконными жителями и научились у них мореходству. Залогом тому было наличие леса, пригодного для строительства кораблей, леса, которого не было практически на всем африканском и переднеазиатском побережье; в Ливане же имелось вдоволь кедра, причем отменного качества».

Но если бы эта схема была верна, ученым не пришлось бы десятилетиями обсуждать, с чего началась история финикийцев. В этом случае ответ был бы прост: очевидно, с прихода из пустыни кочевников — ханаанеев в 2300 году до нашей эры. Они завоевали Библ и, словно стремясь продлить свой поход, помчались вперед по пустынному морю, сев на пригодные для морских набегов суда. Сперва они бороздили лишь прибрежные воды, сделав их своей собственностью. Со временем вся акватория Средиземного моря стала им знакома; всюду появились их колонии и гавани.

Однако за минувшие полвека ученые стали смотреть по-иному на историю Финикии. Конечно, кочевники-ханаанеи, осев в Ливане, быстро смекнули, что возить кедр в Египет лучше по морю, чем по суше. На верфях Библа они научились строить пригодные для этого суда. Однако сменить повозку, запряженную быками, на корабль еще не значит стать отличными мореходами.

Даже в пору расцвета торговых отношений между Ливаном и Египтом прибрежное судоходство, связывавшее эти страны, было весьма примитивным. Так, корабли фараона Снофру передвигались с помощью весел и напоминали, скорее, большие лодки, чем настоящие морские корабли. Подобные четырехугольные суда с плоским днищем служили для передвижения по Нилу. Их корпус сколачивали из коротких планок, изготовленных из местной акации. Для лучшей остойчивости его приходилось даже оплетать крепкими канатами. Понятно, что грузоподъемность такого корабля была невысокой.

Судя по рисункам, изображавшим египетские корабли в III тысячелетии до нашей эры, выходить на них в открытое море было

Египетские корабли с плоским днищем были непригодны для плавания в открытом море

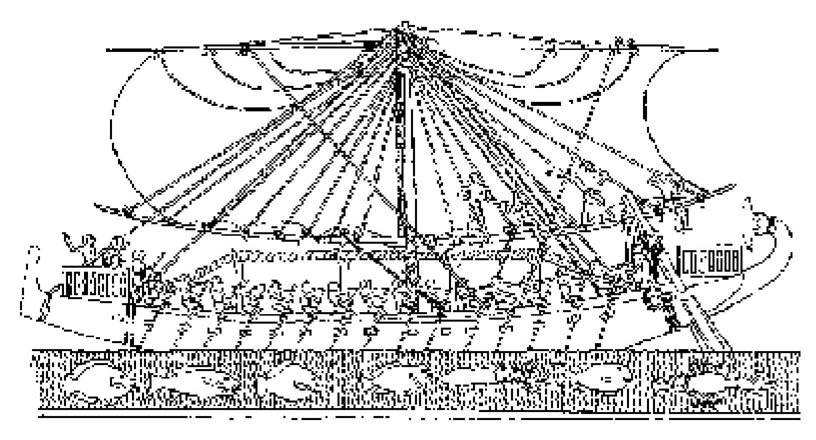
опаснее, чем на китайских джонках. Недаром египтяне считали море — «Йам» — алчным божеством, с которым трудно вступать в единоборство. Передвигались они лишь вдоль берега; на первых кораблях не имелось даже руля. Плавали только днем, а ночью пережидали. При малейшем ветерке тотчас приставали к берегу.

Во второй половине II тысячелетия до нашей эры судоходство все еще было каботажным. Моряки старались не упускать из виду берег. Ориентирами им служили наиболее заметные объекты, например, горный массив Джебель-Акра в северной части Леванта, достигающий почти 1800 метров в высоту. В ясную погоду он виден даже мореходам, плывущим с Кипра. Высочайшая точка этого массива — Цафон, священная гора угаритян, а также хеттов, греков и римлян. Такими же важными ориентирами были горы Финикии, Кипра и Малой Азии.

В тех случаях, когда моряки удалялись от берега, они прибегали к помощи живого «компаса» — выпускали птицу, и та в поисках пищи и воды непременно летела к суше. Подобный компас описан и в Библии: «Потом выпустил (Ной) от себя голубя, чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли» (Быт. 8, 8). По всей видимости, голубей брали на борт корабля и древние мореплаватели Финикии.

Во II тысячелетии до нашей эры облик древнего флота заметно меняется. Важное значение имело появление массивного якоря. Такие якоря весили до полутонны. Расчеты показывают, что их использовали на кораблях, чей тоннаж достигал 200 тонн. Некоторые документы, найденные в Угарите, подтверждают, что уже в то время суда, перевозившие зерно, имели подобный тоннаж (не путать с грузоподъемностью!).

Азиатские корабли уже отваживались плавать на Кипр и даже — что гораздо опаснее — на Крит. Присутствие угаритских лодок на Кипре доказано письменными свидетельствами, и, наоборот, в угаритских текстах упоминаются кипрские суда, прибывавшие в гавани Угарита. Прибытие критских купцов в Левант доказывают найденные здесь предметы минойского происхождения, а также таблички с минойскими надписями.

Египетский корабль, входивший в состав флотилии царицы Хатшепсут. Рельеф из гробницы царицы Хатшепсут

Однако подобные плавания были пока чистыми авантюрами. Внезапная буря легко могла потопить корабль. Дно Средиземного моря усеяно обломками судов, затонувших в древности. Некоторые катастрофы запечатлены документально. Так, один из царей Тира извещает в письме правителя Угарита о том, что бурей разбит корабль некоего угаритского купца. После обычного приветствия следует фраза: «Крепкое судно, посланное Тобой в Египет, сокрушено бурей здесь, близ Тира». Катастрофа произошла к югу от Тира, и пострадавшие сумели добраться до Акко и даже сохранить груз.

Самым неудобным временем для мореходов был период с июля по сентябрь, когда в Средиземном море дули сильные северные ветры. Весной, с февраля по май, тоже можно было ожидать внезапных изменений погоды. Наиболее безопасными для плавания были октябрь и ноябрь, хотя и тогда путешественник мог стать жертвой шторма.

Вплоть до начала XI века до нашей эры жители Ханаана плавали вдоль берегов своей страны на кораблях, подобных египетским. Это были одномачтовые лодки с огромным четырехугольным парусом. Ей можно было придать любое положение по отношению к корпусу, что позволяло морякам ловко маневрировать. Нос и корма корабля были высоко подняты; имелось рулевое весло. Никаких продольных или поперечных связей не было; борта соединялись лишь палубным настилом. Прямо на нем купцы хранили свой груз: лес, продукты или ткани. Все щели между досками тщательно конопатили, чтобы не допустить течь.

Когда надо было перевезти в дальнюю страну папирус, канаты или какой-то другой товар, снаряжали критские, а позднее микенские суда. Лишь на Крите и в Греции умели строить корабли с килем — продольной балкой, составлявшей его основу. На таком транспорте можно было плавать и в открытом море.

На рубеже XI веке до нашей эры внезапно, словно за одну ночь, подобный флот появился у финикийцев. Для них, «хитрых гостей морей» (Гомер), открылись недоступные прежде страны — острова Эгейского моря, Пелопоннес, Сицилия, Сардиния, Испания. Что же случилось? Откуда взялись корабли?

3.2. Выбирая между «длинными» и «пузатыми»

Жители Ханаана были людьми смелыми, деятельными, как их предки — бедуины. Они ловко торговались с иноземцами и исступленно поклонялись своим богам. Вот только вплоть до XI века оставались неважными мореходами. Зато просторы моря были хорошо знакомы тем племенам, что около 1200 года до нашей эры стали переселяться из Европы в Египет и Переднюю Азию — так называемым «народам моря».

Их появление, писал почти полвека назад ливанский историк Димитри Барамки, решительно изменило образ жизни ханаанеев; они переняли у пришлых племен умение строить корабли, пригодные для дальних морских плаваний. А те оседали на Левантийском побережье и смешивались с местными жителями, превращаясь в финикийцев.

К тому времени «система политической зависимости и экономической эксплуатации (Ханаана Египтом), вместе с восстаниями и войнами между городами, — отмечал Н.Я. Мерперт, — обусловила постепенный упадок ханаанейской культуры. Немалую опасность для нее представляли и активизировавшиеся кочевые и полукочевые группы, в том числе хабиру. Тысячелетнее противостояние между городом и подобными группами обострялось при каждом ослаблении городских систем».

По предположению австрийского историка Фрица Шахермайра, во время начавшейся смуты к власти в некоторых финикийских городах, например в Тире и Сидоне, пришли новые династии. Теперь правители этих городов стали союзниками «народов моря» и оказывали всяческую помощь тем их вождям, что «стремились добыть себе новое царство». Новые правители финикийских городов быстро семитизировались и все меньше отличались от своих подданных.

Отдельные племена еще продолжали вести кочевой образ жизни, превратившись в морских пиратов — чекеров, шекелешей. Они нападали на прибрежные города и деревни Финикии и Сирии и постепенно смешивались с местным населением. Переселенцы из эгейского мира, — а среди «народов моря» их было немало, — оседали в портовых городах. Именно у них ханаанеи, населявшие Финикию, учились секретам судостроения и навигации.

К сожалению, судить об этих событиях мы можем, лишь опираясь на египетские хроники. В Ливане и Сирии не найдено надписей, относящихся к периоду войны с «народами моря». Нет надежды найти известия об этих племенах и в архивах Угарита, ведь этот город был разрушен еще до нашествия народов моря.

На память о тех событиях остались лишь корабли — их изображения и затонувшие обломки. Финикийцы строили самые надежные и красивые из них; одновременно и парусники, и гребные галеры. Их острые носы легко рассекали волны, что у берегов Ливии, что у южной оконечности Африки, что в виду Британии, что на просторах Индийского океана.

Сегодня историки едины во мнении, что финикийцы были не только лучшими мореходами ранней античности, но и лучшими инженерами своего времени. Вероятно, это связано с тем, что им — насельникам нескольких богатых городов да беззащитной приморской долины — постоянно приходилось жить в опасности, ожидая нападения кочевников или армий соседних держав. Это развило в них невероятную изобретательность — тем более что учителями их на протяжении веков были египетские, а потом и критские мастера. Так, не имея надежды захватить новую землю в окрестных странах, они со временем научились строить корабли и уплывать в неизвестные страны, населенные лишь дикими племенами, основывая там колонии.

Благодаря «народам моря» у финикийцев появились, наконец, килевые суда. Эти корабли обладали значительно большей остойчивостью и плавучестью, чем египетские корабли. Изобретение киля было сродни открытию колеса. Он сразу укрепил судно и позволил связать его в продольном и поперечном направлениях.

Килевое судно восходит к лодке-однодеревке, борта которой иногда наращивали, обшивая досками. Впрочем, увидеть в ней прообраз большого пузатого корабля с продольным бревном в основании днища — мог лишь гениальный мастер. Полинезийцы, расселяясь по островам Тихого океана, плавали на лодках-однодеревках, но так и не научились строить килевые суда до появления европейцев. Для устойчивости же полинезийцы соединяли вместе две лодки, получая катамаран.

Финикийцы быстро убедились, что на килевых судах можно вернее выдерживать курс, чем на лодках с плоским днищем, что на них

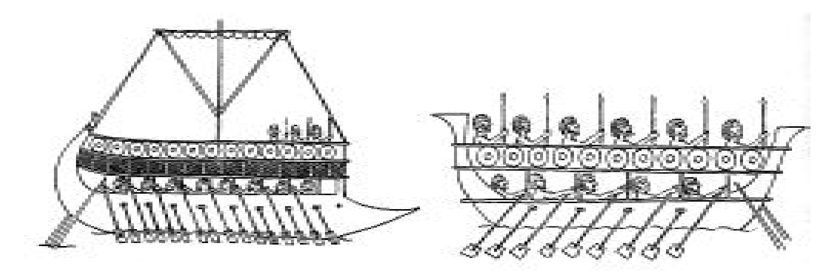
можно уверенно рулить при шторме, не опасаясь резкого крена, и что они лучше слушаются руля. На таких судах по-другому стали рассаживаться и гребцы: они поворачивались лицом к корме.

В отличие от египтян, финикийцы не экономили лес. Они строили корабли с высокими бортами, увеличивая их грузоподъемность. С появлением железных орудий они стали широко использовать самые твердые образцы древесины.

Финикийцы строили килевые суда разных типов. Мы можем судить об этом по рельефам, сохранившимся в ассирийских царских дворцах.

Так, они строили боевые галеры — узкие, длинные корабли, у которых весла располагались друг над другом в два яруса (ряда), ведь скорость прямо зависела от числа гребцов. Римляне называли подобные суда «биремами», то есть «имеющими два ряда весел». Их количество доходило до пятидесяти или шестидесяти (позднее карфагеняне увеличат это число вдвое). Гребцами были обычно рабы, которых приковывали к скамьям. В случае кораблекрушения они прежде других становились добычей волн. Финикийцы были первыми, кто начал использовать рабов в качестве гребцов, хотя во II тысячелетии до нашей эры среди них встречались еще и свободные люди.

Высокая корма галеры была закруглена; она прикрывала палубу и защищала моряков от нападения с тыла. На носу под ватерли-

Финикийские боевые корабли (реконструкция). Около 700 г. до н.э.

нией крепился остроконечный таран — изобретение финикийцев или критян. В бою им проламывали корпус вражеского судна или же, проплывая рядом с ним, ломали лопасти его весел. На галере имелась всего одна мачта с четырехугольным парусом. Парус был небольшим и играл вспомогательную роль; в бою и во время погони приходилось рассчитывать обычно на весла. Когда парус был не нужен, его не спускали, а, по эгейскому образцу, подтягивали вверх и скатывали.

Галеру называли «длинным кораблем». Соотношение ее ширины и длины составляло от 1: 5 до 1: 8. Галера резко набирала скорость; ей легко было управлять в минуту опасности. Воины, плавающие на таком судне, имели обыкновение развешивать вдоль бортов щиты, как впоследствии делали викинги. Они закрывали бойницы корабля от неприятеля.

Существовали и более легкие военные суда, без оснастки и тарана. Весла на них также располагались в два ряда. В эпоху персидского владычества стали рассаживать гребцов в три ряда (римляне называли такие лодки «триремами», а греки «триерами»). Количество гребцов на них достигало 150—170 человек; 30 матросов и не менее 20 воинов. Подобные корабли развивали скорость до 5—6 узлов, а при попутном ветре — до семи узлов, то есть до 7 морских миль в час. Скорость их была выше, чем обычных, ведь мускульное усилие, прилагаемое на каждый метр длины судна, было в данном случае больше, чем на тех галерах, где гребцы по-прежнему рассаживались в два ряда. Иногда строили также корабли с четырьмя или даже пятью ярусами весел — пентеры. Подобные махины с огромной силой таранили вражеские суда. Пентеры считались самыми быстрыми кораблями древности.

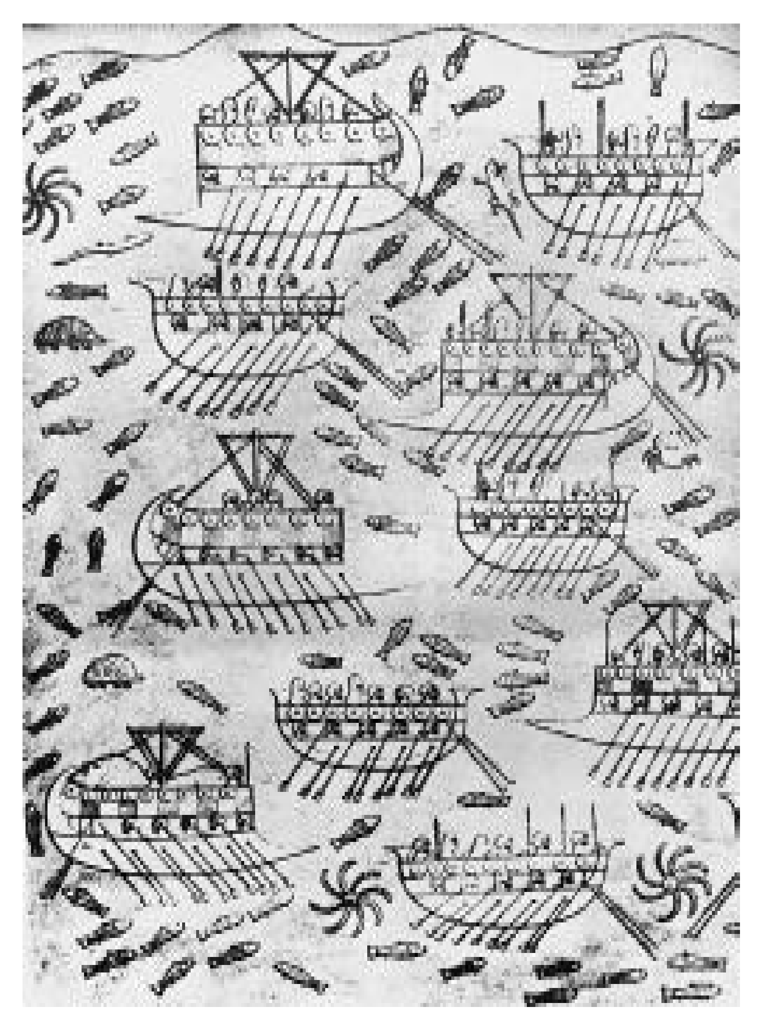
В 1971 году у берегов Сицилии, близ города Марсала, был обнаружен затонувший финикийский (точнее говоря, карфагенский) боевой корабль. Его длина составляла почти 25 метров. По-видимому, он затонул в 242 году до нашей эры, во время морского сражения между римлянами и карфагенянами. Изнутри этот деревян-

ный корабль был обшит свинцовыми листами и нагружен балластом из камней, а чтобы они ненароком не пробили днище, под них была подложена листва. Во время бури часть камней для облегчения корабля можно было выбросить.

Торговые корабли выглядели иначе. Они казались пузатыми, потому что их корпус был — по сравнению с галерой — коротким и широким (их называли также «большими», «бокастыми» или «круглыми»). Высокие нос и корма (последняя была изогнута в виде лебединой шеи) лишь усиливали это впечатление. Соотношение ширины и длины подобных судов составляло от 1: 3 до 1: 4.

На торговом судне было не так много гребцов. Судя по изображениям, вдоль каждого борта размещались девять-десять весел, расположенных в два ряда. Их использовали в штиль или при передвижении в гавани. Порой, когда ветер стихал, сами моряки садились за весла. Обычно же судно подвигалось вперед силою ветра, а для этого на мачте, расположенной в центре палубы, крепили большой четырехугольный парус — основной движитель корабля. Его можно было развернуть по ветру. На носу, наклонно к нему, располагалась еще одна мачта с небольшим четырехугольным парусом, который использовали для маневрирования. Рулевое устройство состояло из двух длинных кормовых весел. Управиться с ними мог один человек. Палубных надстроек на корабле не было. Все помещения для моряков и пассажиров, а также вместительный трюм для груза находились под палубой.

От такого судна ждали не быстрого хода, а большой грузоподъемности и остойчивости. Торговый корабль должен был заходить в мелководные бухты и не садиться на мель. Двигались такие корабли лишь в дневное время и по возможности старались не удаляться от берега, заходя во встречные гавани за продовольствием и свежей водой. Именно поэтому финикийцы обустраивали колонии вдоль всего побережья Средиземного моря. Впрочем, они плавали и в открытых водах.

Финикийцы имели обыкновение развешивать вдоль бортов щиты, как впоследствии делали викинги

Корабли, предназначенные для походов в дальние страны, например в Испанию, были довольно большими. Внутри имелись каюты для отдыха пассажиров. Размеры самых крупных судов (до 50 метров) ограничивались не только конструктивными трудностями, но и размерами гаваней, где они могли бы остановиться.

Естественные порты были маленькими; искусственно расширять их было сложно. Так, площадь внутренней гавани Библа, огражденной молами, никогда не превышала полутора гектаров. Со временем это обусловило отставание Библа от соседних Тира и Сидона. Например, в Сидоне площадь гавани составляла около семи гектаров. Здесь хватало места сотне торговых кораблей средних размеров. Тирские порты с самого начала были приспособлены для стоянки длинных боевых судов. Обычно их попросту вытаскивали на пологий песчаный берег, что было нетрудно сделать, ведь осадка этих кораблей составляла всего метр.

Финикийцы вытаскивали корабли по «рельсам» — рядам шлифованных камней, которые поливали оливковым маслом. По ним тянули лодку на канатах. Подобные «рельсы» найдены на Кипре, в Ларнаке, где в древности находился финикийский город Китий. Кроме того, на берегу предусматривали специальные постройки, в которых стояли корабли, защищенные от непогоды. Все это делалось потому, что надолго оставлять в воде деревянные суда было нельзя, иначе их корпус становился добычей различных жучков.

Восторженное описание торгового финикийского корабля оставил пророк Иезекииль: «Из Сенирских кипарисов устроили все помосты твои; брали с Ливана кедр, чтобы сделать на тебе мачты; из дубов Васанских делали весла твои; скамьи твои делали из букового дерева, с оправою из слоновой кости с островов Киттимских. Узорчатые полотна из Египта употреблялись на паруса твои и служили флагом; голубого и пурпурового цвета ткани с островов Элиса были покрывалом твоим» (Иез. 27, 5—7).

Небольшие рыбачьи шлюпки назывались «конями». На этих хрупких суденышках финикийские рыбаки плавали даже вдоль африканских берегов. Свое название они получили за то, что их носовая часть, а иногда и корма, напоминала конскую голову. До финикийцев подобная традиция украшать судно существовала у эгейских народов, издавна сравнивавших корабли с конями. Недаром у Гомера говорится:

Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
(«Одиссея», IV, 707—709; пер. В.А. Жуковского)

Строить подобные корабли финикийцы научились у филистимлян (пелиштим) — одного из «народов моря», расселившегося в прибрежной полосе Палестины, в том числе в Аскалоне и Газе.

По нашим представлениям, многие финикийские суда, скорее, напоминали скорлупки. Они были меньше египетских бескилевых кораблей. Ведь финикийское судно по своему принципу не могло быть длиннее ствола дерева. Однако ни в Египте, ни в Ассирии не строили таких быстрых, маневренных кораблей. Там не было и таких капитанов, как финикийские, которые, подобно критянам, могли ориентироваться в открытом море по звездам и солнцу, да и вообще знали восточную часть Средиземного моря как свои пять пальцев.

Впрочем, даже финикийцы редко отваживались пересекать море напрямик. Со временем по всему побережью Средиземного моря они создали сеть опорных пунктов — колоний, в которые заходили, отправляясь в дальнее путешествие, ведь их корабли не могли выдержать сильный шторм.

Так, пускаясь в путь в Грецию, финикийцы сперва брали курс на Кипр, оттуда шли вдоль анатолийского побережья, пока не поворачивали на Родос. Обогнув этот остров, входили в Эгейское море и теперь шли от одного островка к другому — с Телоса на Кос, Патмос, Икарию и так вдоль до Пелопоннеса или Дарданелл. С нашей

точки зрения, это скромные успехи, но для того времени они были поразительным достижением.

Финикийцы часто причаливали к берегу для пополнения запасов продовольствия и свежей питьевой воды. Их корабельные стоянки обычно находились в 40 километрах друг от друга — на расстоянии, которое можно было пройти за день, поскольку моряки, как отмечал Сабатино Москати, «предпочитали плыть днем, а ночью отдыхать».

Ночь была самым опасным временем для мореходов: во время плавания корабль мог сесть на мель или разбиться о риф, а сами моряки стать жертвами разбойников или враждебно настроенных туземцев. Если же им приходилось плыть ночью, то, чтобы не сбиться с пути, они ориентировались по Полярной звезде.

Обычно же финикийцы останавливались вечером на безлюдных островках, лежавших в небольших заливах, близ пологого берега. По словам французского археолога П. Синтаса, исследовавшего финикийские стоянки в Марокко, «я никогда не задавался вопросом, где следует приступать к раскопкам… я лишь выискивал определенный тип ландшафта — «пунический ландшафт». Что под этим подразумевается?

Защищенная гавань с пологим побережьем, куда можно было вытащить корабль. Источник пресной воды и плодородная земля, которая снабжала бы колонистов пропитанием. Известняковые отложения, необходимые для устройства скальных гробниц.

Стоит только заметить где-нибудь на южном берегу Средиземного моря скалистую бухту, утопающую в зелени, с бегущей рядом рекой или ключом, можно смело приступать к раскопкам. Наверняка здесь причаливали финикийские корабли, и можно найти следы их пребывания. Отыскав несколько подобных стоянок, можно воссоздать всю их сеть, ориентируясь на средние расстояния, которые проходили корабли того времени за день. Тот же П. Синтас с успехом продемонстрировал этот метод во время своих раскопок в Марокко в 1950—1952 годах.

3.3. Фирма «Баал, сыновья и Компания»

Античные авторы с трепетом и уважением описывали кипучие, многолюдные, богатые финикийские города, где можно было купить или выменять все, что душе угодно: вино и фрукты, стекло и текстиль, пурпурные одежды и папирусные свитки, медь из Кипра, серебро из Испании, олово из Британии и, конечно же, рабов и рабынь любого возраста, любой профессии. «Здесь легко осуществляется торговля, а через нее — обмен и сочетание богатств земли и моря», — писал об этом благодатном крае Помпоний Мела.

На протяжении многих веков Финикия играла ведущую роль в мировой торговле. Выгодное географическое положение позволило ее купцам активно формировать рынок того времени.

Финикийцы были прирожденными коммерсантами. «Они были посредниками по обмену всех товаров от берегов Немецкого моря, и от Испании до Малабарского берега в Индостане, — писал Теодор Моммзен. — В торговых сношениях финикияне проявили величайшее мужество, настойчивость и предприимчивость». Они с одинаковой легкостью торговали предметами как материальной, так и духовной культуры, распространяя их по всему миру, перенося «из одной страны в другую полезные открытия и изобретения» (Т. Моммзен). Они заимствовали у вавилонян искусство счета и бухгалтерии; овладели всеми искусствами и ремеслами, знакомыми жителям Передней Азии — сирийцам, хеттам; они учились у египтян и критян, и они же создали первый популярный у всех народов ойкумены алфавит. Вся наша культура зиждится на двух с половиной десятках букв, ловко сбытых финикийскими продавцами ноу-хау. Вот он, рекорд коммерции, который не превзойти: три тысячи лет как не бывало, а товар до сих пор в ходу, как новехонький. Разве что буквами теперь пестрят не полоски папируса, а экраны дисплеев.

«Народы моря» многому научили жителей Финикии: строить морские корабли, военные и торговые, открыли им секрет выплавки же-

леза и, может быть, тайну окрашивания тканей пурпуром, известную уже жителям Угарита. Так образовался начальный капитал фирмы «Баал, сыновья и С». Главные поставщики, главные партнеры Египта стали создателями крупнейшей торговой компании мира.

Все начиналось очень скромно. Корабли отплывали из гавани Тира или Сидона, останавливались в чужеземном порту или у берега неведомой бухты. С палубы корабля сходили странные люди, казавшиеся простым селянам какими-то сверхъестественными существами. Мало кто знал, откуда приплыли эти гости и как их положено встречать. Их появление пугало и привлекало.

Затем, бахвалясь или смиряясь для видимости, купцы предлагали свой товар, а сами пристально высматривали все, что можно приобрести в этой незнакомой стране, и лучшее стремились получить, выменивая ли на свои товары или просто отнимая, а затем уносясь вдаль на своем быстроходном корабле.

По словам Геродота, финикийцы прослыли в Элладе похитителями детей, поскольку часто стремились залучить к себе на корабль мускулистых мальчиков-подростков и красивых девочек, которых затем продавали другой стране в рабство. Так, свинопас Евмей, один из рабов Одиссея на Итаке, в детстве был похищен из царского дворца. Его, глупого мальчишку, одна из рабынь привела

В прекрасную гавань,
Где находился корабль быстроходный мужей финикийских.
Сели они в свой корабль и поплыли дорогою влажной,
Нас захвативши.

(«Одиссея», XV, 472—475; пер. В.В. Вересаева)

Мимоходом Гомер дает самые нелестные характеристики финикийским купцам. Мелькают фразы: «обманщик коварный», «злой кознодей»...

Геродот в своей «Истории» рассказал о дочери аргосского царя Ио, которую финикийцы похитили «на пятый или шестой день, когда они распродались почти целиком». Ио «стояла на корме и покупала товары». Набросившись на царевну, купцы втолкнули ее на корабль и, захватив других стоящих здесь женщин, «поторопились отплыть в Египет».

Много подобных историй рассказывали о финикийцах, хотя со временем, не желая портить отношений со своими торговыми партнерами, они стали избегать дерзких похищений, предпочитая легально отнимать сокровища у своих покупателей.

Так, постепенно финикийцы стали торговать по неким правилам. Их суда, груженные всевозможными ценностями, приставали у чужого берега. Сойдя с корабля, финикийцы раскладывали свой товар. «Затем, — писал Геродот, — они возвращались на свои корабли и разжигали сильно дымивший огонь. Когда местные жители видели дым, то шли к морю. Затем напротив товара клали золото и опять удалялись». Тогда финикийцы вновь спускались с корабля и смотрели, сколько золота им положено. Если достаточно, то брали золото себе, оставляя товар. Если же плата казалась им несоразмерной, вновь укрывались на корабле и ждали, пока им не принесут больше.

Так, из предложения, ответа, нового предложения постепенно рождалось понимание. Жесты, междометия, мимика — все было кстати, все годилось, чтобы наладить отношения с новыми клиентами. Поневоле приходилось быть честным, чтобы не испортить отношения с самого начала. С удивлением Геродот рассказывал, как старались порядочно вести себя во время таких сделок и покупатели, и продавцы: «Ни один не чинит другому ущерба, ведь сами они (продавцы) не касались золота, пока им не казалось, что оно соответствует цене товаров, а те (покупатели) не касались товаров прежде, чем у них не забирали золото».

Конечно, и при такой торговле можно было просчитаться, как ошибаются и в наши дни: то цена товара оказывалась завышенной, то в самих изделиях потом изыскивался изъян. Однако такое случалось нечасто, иначе в следующий раз им не пришлось бы

рассчитывать здесь на радушный прием. Все же в основе торговли в любые времена лежало доверие друг к другу, возможно, оно было предпосылкой успеха предприимчивых финикийцев.

Порой их корабли, груженные «мелочью всякой», по полгода, с осени до весны, проводили в чужой гавани, неспешно распродавая товары. Длительная стоянка способствовала привлечению покупателей даже из мест, удаленных от моря. Нередко финикийцы основывали здесь постоянное поселение. Со временем сюда приезжали ремесленники, которым непременно находилась работа. Так, на далеких берегах Средиземного моря появлялась очередная колония финикиян. В иноземных приморских городах такая колония играла поначалу роль торговой конторы. Вокруг нее вырастал целый финикийский квартал. Если же она создавалась на необжитом месте, — на пустынном берегу, на ничейной земле, — то быстро превращалась в город. Финикийцы составляли лишь часть его населения, но непременно входили в правящую верхушку.

Впрочем, финикийскую колонизацию нельзя уподоблять европейской колониальной политике нового времени. Прибыв в чужую страну, финикийцы захватывали лишь клочки прибрежной земли и не думали об аннексии всей окрестной страны. «Действовали они повсюду как купцы, а не как колонизаторы, — подчеркивал Теодор Моммзен. — Если нельзя было вести выгодный торг без борьбы, финикияне уступали и отыскивали себе новые рынки, так они дали постепенно вытеснить себя из Египта, Греции, Италии».

Однако подобные уступки финикийцы старались немедленно превратить в новые триумфы. Купцы при полной поддержке властей постоянно расширяли рынки сбыта, создавая все новые колонии и навязывая туземцам свои товары. С особым рвением они старались торговать в тех областях, где даже стеклянная бусина считалась сокровищем, — в странах, населенных дикими племенами. Впоследствии подобной практики долго придерживались карфагеняне. Так что финикийцы — и западные, и восточные — были

мастерами иметь дело с отсталыми народами, стоявшими на низкой ступени развития. Для подобной торговли не требовалось денег. Да и откуда деньги могли оказаться у дикарей?

В качестве платежного средства долгое время применялись драгоценные металлы, принимаемые на вес, например кусковое серебро. Лишь в VII веке до нашей эры жители Средиземноморья стали использовать монеты. Это облегчало денежные расчеты, ведь монеты — в отличие от кусков металла — не требовалось взвешивать.

В середине первого тысячелетия до нашей эры финикийские города один за другим начали чеканить свои собственные серебряные, а потом и бронзовые деньги. Первыми наладили монетное дело Сидон, Тир, Арвад и Библ. В эллинистическую эпоху их стали чеканить и в других финикийских городах. Карфаген наладил выпуск собственных монет в конце V века до нашей эры, когда понадобилось платить деньги наемникам.

Берясь чеканить монеты, тот или иной город обязывался гарантировать их определенный вес и содержание серебра в них. Однако к этим новинкам поначалу относились настороженно: монеты взвешивали повторно и проверяли точное содержание серебра. И все же появление их сильно облегчало товарное сообщение. Впрочем, натуральный обмен также сохранялся, причем для его упрощения выражали стоимость товара в денежном эквиваленте, но платили за него не деньгами, а другими товарами.

Какими? Что финикийцы везли в другие страны? Желанную египтянам древесину кедра? — Лес опасались везти даже на соседний Кипр, не говоря уже о Греции или Италии, потому что тяжелые, груженные деревом корабли неуверенно чувствовали себя в открытом море. Финикийские корабли, как и галеры раннего средневековья, могли перевозить в лучшем случае до десяти—двадцати тонн груза, а обычно везли даже меньше. Поэтому не было смысла пускаться в многодневное плавание, чтобы доставить, например, к берегам Греции несколько стволов

кедра. В далекие страны везли другие товары, более дорогие в пересчете на вес.

Пророк Иезекииль перечисляет их, превращая библейские стихи в подобие экономического обозрения. Попробуем же вчитаться в эти строки Библии, как в аналитический отчет «Financial Times»:

«Тир, ты говоришь: «я совершенство красоты!» Пределы твои — в сердце морей, строители твои усовершили красоту твою... Фарсис (испанский Тартесс. — *А.В.*), торговец твой, по множеству всякого богатства, платил за товары твои серебром, железом, свинцом и оловом. Иаван, Фувал и Мешех (государства Малой Азии. — *А.В.*) торговали с тобою, выменивая товары твои на души человеческие (рабов. — *А.В.*) и медную посуду. Из дома Фогарма за товары твои доставляли тебе лошадей и строевых коней и лошаков. Сыны Дедана торговали с тобою; многие острова производили с тобою мену, в уплату тебе доставляли слоновую кость и черное дерево... Торговали с тобою Арамеяне; за товары твои они платили карбункулами, тканями пурпуровыми, узорчатыми и виссонами, и кораллами и рубинами. Иудея и земля Израилева торговали с тобою; за товар твой платили пшеницею... и сластями и медом, и деревянным (оливковым. — *А.В.*) маслом и бальзамом. Дамаск... торговал с тобою вином Хелбонским и белою шерстью. Дан и Иаван... платили тебе за товары твои выделанным железом... Дедан торговал с тобою драгоценными попонами для верховой езды. Аравия и все князья Кидарские производили мену с тобою; ягнят и баранов и козлов променивали тебе. Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои... Богатство твое и товары твои, все склады твои, корабельщики твои и кормчие твои...» (Иез. 27, 3—27).

Иезекииль знал, о чем говорил. Впрочем, большинство современных историков считает эти строки позднейшей компиляцией. В текст книги пророка кем-то после него был включен перечень, составленный еще в начале IX века до нашей эры (или раньше).

Как бы то ни было, список товаров, приведенный в этой книге, можно разделить на пять категорий. Во-первых, это были лекарства, косметика и пряности, например, бальзам, оливковое масло, благовонная трость, мед. Лучшие благовония привозили купцы из далекой Сабы (Савы), что лежала на юге Аравийского полуострова. Тирские купцы везли их дальше на запад, где продавали втридорога.

Во-вторых, красители, дорогие ткани, в том числе пурпур, виссон, шелковые и узорчатые материи, драгоценные одежды и попоны. Далее следуют украшения и другие предметы роскоши: карбункулы и рубины из Сирии, золото из Йемена, серебро из Анатолии, слоновая кость и эбеновое дерево, привозимые с островов (?), — возможно, из Африки или Индии.

К следующей категории можно отнести полезные ископаемые и продукты сельского хозяйства: железо, олово, свинец, серебро; зерно — пшеницу, овес и ячмень; вино, скот, овощи и фрукты — инжир, гранат, бобы.

Наконец, еще один товар: рабы. Их привозили из Греции и Малой Азии, прежде всего из Ионии — Иавана.

Обратим внимание на то, что продукты питания и скот доставляли в Финикию из соседних стран, а значит везли их в основном по суше. Так, из Израиля и Иудеи привозили пшеницу, мед, оливковое масло и бальзам. Из Сирийской степи арабы пригоняли в Тир стада овец и коз.

Мимо финикийских городов Библ, Беруту, Сидон, Сарепту, Тир и Акко издавна пролегала приморская дорога, по которой из Египта в Месопотамию и обратно шли торговые караваны. Товары перевозили сперва на ослах, а примерно со второй половины II тысячелетия — на верблюдах. Вьючных животных предоставляли купцам племена, жившие в степных и пустынных районах Передней Азии. Сухопутная торговля была не безопасным занятием. Купцы всегда могли подвергнуться нападению, лишиться своих товаров, а возможно, и жизни. Не спасало и покровительство могуществен-

ных царей. Вдобавок караванная торговля сулила не так много прибыли, поскольку на дорогах Передней Азии издавна существовала целая система поборов.

Поэтому купцы уделяли особое внимание морской торговле. Ценные товары старались везти по морю; их было выгодно доставлять даже в небольшом количестве. Это позволяло обходить существовавшие тогда границы, где исстари пытались наложить руку на провозимые товары или хотя бы собирать с них пошлину, часто непомерную.

Так главными торговыми партнерами финикийцев стали прибрежные города и области Средиземноморья — особенно западная часть этого региона, в то время «первозданно дикая» земля. «Заморская торговля, — пишет К.-Х. Бернхардт, — была подлинным источником богатства финикийских городов-государств». В книгах библейских пророков не раз говорится об этом:

«Когда приходили с морей товары твои, ты насыщал многие народы; множеством богатства твоего и торговлею твоею обогащал царей земли» (Иез. 27, 33).

«Ты сделался богатым и весьма славным среди морей» (Иез. 27, 25).

«Кто определил это Тиру, который раздавал венцы, которого купцы были князья, торговцы — знаменитости земли?» (Ис. 23, 8).

На рубеже I тысячелетия до нашей эры изменился не только маршрут торговых перевозок, но и ассортимент предлагаемых товаров. Дерево, например, Иезекииль упоминает лишь мимоходом. Многие другие товары, — например, те, которые привозил в Библ Ун-Амон: папирус, бычьи шкуры, чечевица, канаты, — вообще не присутствуют в этом списке, хотя тот же египетский папирус пользовался спросом вплоть до V века нашей эры, когда «войны и разбои на Средиземном море порвали связь... с Египтом, откуда торговля античности черпала папирус для своих писаний» (О.А. Добиаш-Рождественская).

Зато важное место в финикийском товарообороте занимала теперь торговля металлами. Медь привозили в Финикию из Кипра и

глубинных районов Передней Азии; олово — из Испании; серебро — из Малой Азии и Эфиопии; золото — тоже из Эфиопии. А вот торговля железом не достигала такого же размаха, как торговля оловом или бронзой. Ведь руды железа не такая уж редкость в горных районах Передней Азии. Поэтому центры добычи железной руды становились и центрами ее обработки. В целом же потребность в металлах — особенно в олове — была очень велика, и потому, когда финикийцы узнавали о месторождениях, находившихся далеко на западе, они отправлялись на их поиски.

Впрочем, финикийцы занимались не только перепродажей товаров и дешевого сырья, но и сами наладили производство предметов первой необходимости. В финикийских городах стремительно развивались такие ремесла как металлообработка, стеклоделие, ткачество. Финикийские мастера чутко приспосабливались к требованиям рынка. Поэтому они, например, не только изготавливали дорогие качественные пурпурные одежды для состоятельных покупателей, но и выпускали дешевые поделки, которые охотно брали небогатые модники.

Так, города Финикии превратились в промышленные центры, где в большом количестве изготавливали продукцию на экспорт. Они играли важную роль и в посреднической торговле. Здесь купцы, прибывшие с Востока, запасались товарами, привезенными с Запада. Некоторые из этих товаров обнаружены при раскопках в Месопотамии или упоминаются в клинописных текстах.

Среди предметов торговли следует вспомнить еще рыбу. Рыболовство было одним из основных занятий жителей финикийского побережья (кстати, еще в каменном веке население степных районов Сирии покупало рыбу у жителей побережья). Пойманный улов продавался не только в городах Финикии, но и, например, в Иерусалиме и Дамаске. Ведь вяленая рыба была одним из основных продуктов питания бедняков. Из нее также приготавливали маринады и пряные соусы, пользовавшиеся спросом. Необходимую при этом соль получали путем выпаривания морской воды в

специально оборудованных «соляных садках». Этот способ применяется порой еще и теперь.

Современные историки считают Книгу пророка Иезекииля одним из важнейших документов по истории финикийской экономики. Особый интерес у специалистов давно вызывают загадочная фраза о «многих островах», откуда везут слоновую кость и эбеновое дерево. Возможно, что речь идет об Индии и островах Индийского океана. В таком случае купцы финикийского города Тира контролировали торговлю не только в Средиземном море, но и в Индийском океане.

Впрочем, в описании финикийской торговли мы забежали немного вперед и увидели Финикию на вершине могущества, Финикию — владычицу морей. Теперь же вернемся в то время, когда только начиналось процветание финикийских купцов.

3.4. Возвышение Тира и Сидона

Многие города Финикии — Тир, Сидон, Арвад — только выиграли от нашествия «народов моря», упадка Ассирии и Египта, гибели Микенской Греции, Хеттской державы, Угарита, Амурру и Крита. У них не осталось больше соперников на море.

Их возвышение зависело также от целого ряда экономических причин. Среди них — сокращение транспортных путей, возросший спрос на предметы роскоши и изделия из металла в крупнейших городах той эпохи, распространение предметов, изготовленных из закаленного железа, использование верблюдов в караванной торговле, обустройство колодцев в сирийских и аравийских пустынях.

Заслуга финикийских купцов в том, что они ловко и умело воспользовались благоприятными условиями. Не случайно пророк Иезекииль связывает богатство Тира с «мудростью» его правителей (Иез. 28, 4 и сл.). Финикийцам — и рядовым купцам, и царям — не было равных в умении обратить в свою пользу малейший шанс.

Финикийские города завоевали свою независимость не в освободительной борьбе. Власть фараонов постепенно сошла на нет. Связи с Египтом еще сохранились, но времена постоянной выплаты дани прошли. Теперь финикийские купцы торговали с Египтом на выгодных условиях и даже обзаводились в Нижнем Египте своими «конторами».

Правда, переселение «народов моря» принесло пользу не всем финикийским городам. Так, Библ утратил былые позиции. Главными городами Финикии стали Тир и Сидон. В гомеровской «Одиссее» Финикия даже называется «Сидонией».

…потом, возвратяся
Все на корабль, к берегам многолюдной Сидонии путь свой
Быстро направили.

(XIII, 284—286; пер. В.А. Жуковского).

Самих финикийцев часто называют «сидонянами» или «тирийцами», а не «гиблитами», как в период Нового царства. Новую «табель о рангах» финикийских городов увековечил тысячу лет спустя греческий географ Страбон:

«После Сидона следует Тир, самый большой и древний город финикиян... Колонии, высланные в Ливию и Иберию и даже по ту сторону Столпов, воспевают больше Тир. Оба города (Тир и Сидон. — *А.В.*) были знамениты и славны, как в древности, так еще и в наше время» (пер. Г.А. Стратановского).

С чем было связано возвышение этих городов? Возможно, с тем, что чужеземцам трудно было утвердиться в древней столице Финикии, приспособиться к здешним порядкам. Куда легче было прижиться на новом месте — в небольших городах к югу от Библа, где можно было начинать все сызнова.

Похоже, тирийцы были людьми другого склада, чем гиблиты. Такой вывод можно сделать, сравнивая найденные в Эль-Амарне письма Риб-Адди — этого почтенного правителя, впавшего в отча-

яние, — с корреспонденцией Абимилки, царя Тира. Он-то кажется более хитрым человеком, себе на уме; он также клянется в верности «царю, моему господину, моим богам, моему солнцу», но умеет просить о помощи лучше товарища по несчастью; не на мольбу он надеется, не на пустые крики и сетования, не на прошения, — а на подношения, и скоро добивается успеха. Фараон присылает ему солдат, а пустословного Риб-Адди бросает в беде.

Когда же стало ясно, что небольшому отряду египтян не справиться с хапиру и хеттами, правитель Тира не теряет голову, а спокойно готовится к отъезду в Египет. Готовится с умом. Обращается не к Эхнатону, витающему в небесах, а к его старшей дочери — Меритатон, которой удалось оттеснить прекрасную Нефертити и стать главной советницей фараона. Для этого он прибегает к самой грубой лести. Он уверяет царевну, что она — «его жизнь», а Тир — «ее город». Потом он сообщает, что прибудет со всеми кораблями, и просит позаботиться о своих слугах и защитить их. Все. Никаких сетований, увещеваний, всхлипов и вскриков. Понимая, что ему не удержать свой город, он спокойно оставляет Тир и спасается при дворе фараона, где помнили об его щедрых дарах и где он был желанным гостем. Его дальнейшая судьба нам неизвестна, но вряд ли она была трагичной. Несчастный же Риб-Адди был выдан своим врагам.

При Эхнатоне Тир был небольшим провинциальным городом. Мы не знаем точно, что стало с ним и соперничавшим с ним Сидоном после мятежа хапиру и войны с хеттами. Его название появляется в египетских документах лишь некоторое время спустя: «Город на море, названный гаванью Тир». Сюда отправляют депеши, о чем есть упоминание в записях, оставленных пограничными стражниками.

Нам неизвестно, чем в то время торговали жители Тира и Сидона. Вероятно, теми же товарами, что и гиблиты: ливанским лесом, египетским папирусом, местными и привозными гончарными изделиями, а также продовольствием, тканями, металлами и изделиями из него. Правда, вывозить древесину кедра и кипариса из этих городов труднее, чем из Библа. Там лес вырастал почти у стен города; сюда же его приходилось везти издалека. Зато еще в поэмах Гомера (действие в них происходит около 1200 года до нашей эры) не раз упоминаются искусные работы местных мастеров:

«Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста [Гефеста. — А.В.];
ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян»
(«Одиссея», IV, 615—618; пер. В.А. Жуковского)

«Сребряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной
Славные чаши, сидонян искусных изящное дело»
(«Илиада», XXIII, 741—743; пер. Н.И.Гнедича)

При раскопках на Кипре и в Месопотамии не раз находили искусные чаши, изготовленные финикийскими мастерами, что удостоверяют и надписи на некоторых из них.

С появлением в Тире и Сидоне кораблей критского образца «Великое Сирийское море», — эта непроходимая, необозримая даль, окружившая их полоску земли словно стеной, — стало для них «Великим морским путем» (впору назвать его, подражая жителям другой оконечности Евразии, «Великим пурпурным путем»). Отсюда корабли тирийцев и сидонян — финикийские корабли — помчались во все страны, о которых шепчет молва: в Грецию, Италию, Испанию, Африку.

Недаром гомеровский Одиссей, обращаясь к финикийцам, уверен, что в любой край, в любой приморский город они его отвезут. Пусть это приключение Одиссей выдумал, в его рассказе нет ничего удивительного для современников:

К славным тотчас финикийцам бежал на корабль
я и с просьбой
К ним обратился, добычу богатую в дар предложивши.
Я попросил, на корабль меня взявши, отвезть или в Пилос,
Или в Элиду, божественный край многославных эпейцев
(XIII, 272—275; пер. В.В. Вересаева)

3.5. Пуадбар в поисках Тира

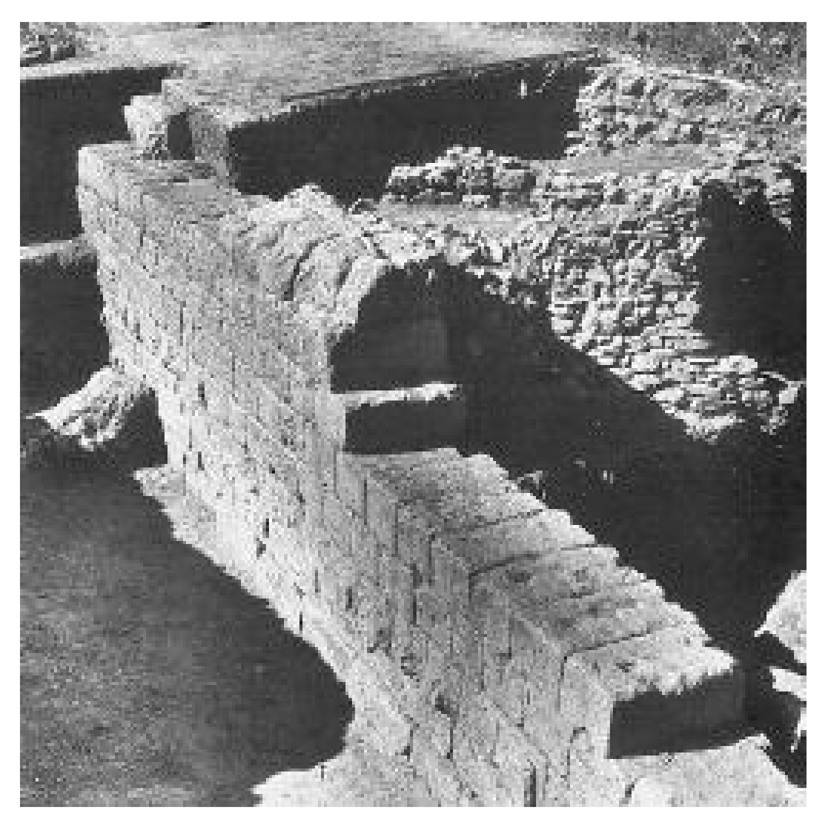
Древний город быстролетных кораблей в наше время был изучен благодаря... самолету. В тридцатые годы прошлого века на месте финикийского Тира лежал небольшой рыбацкий городок. Славная столица будто канула в лету. Не было известно даже местоположение обеих гаваней Тира и их устройство, хотя любой античный автор, писавший о Тире, упоминал, что город жил морской торговлей.

Тогда французский авиатор и исследователь древностей А. Пуадбар (1878—1955) решил обследовать территорию вокруг Тира с самолета. Уже во время первых полетов летом 1934 года он заметил под водой какие-то пятна, имевшие правильную геометрическую форму. Они тянулись вдоль берега моря. Это могли быть остатки древних портовых сооружений Тира. Они оказались под водой в результате подъема уровня моря. Проверить догадку можно было, лишь спустившись под воду.

Туда отправились профессиональные водолазы. Одновременно начались наземные раскопки — там, где части портовых сооружений, по-видимому, продолжались на суше, погребенные в береговом песке. В результате этих работ были открыты набережные города и остатки их укреплений. Так, из-под воды и песка показался забытый порт.

Выяснилось, что древний Тир, действительно, имел две гавани: с северной и южной стороны. К северу от современного порта, на глубине от 3 до 5 метров, были обнаружены остатки древнего

мола. Ширина его достигала 8 метров; он мог выдержать самые мощные удары волн. Этот мол полностью закрывал бухту с севера, оставляя довольно узкий проход на востоке, доступ к которому преграждали несколько мелких островков.

Археологи проводят раскопки в Тире

При приближении вражеского флота тирские корабли перегораживали этот перешеек, выдвинувшись носом навстречу врагам и готовясь протаранить любое приблизившееся судно. Часто вражеский флот не решался прорвать этот строй. С флангов тирские корабли поддерживались отрядами воинов, которые размещались на островках и мысе.

Северная гавань была в несколько раз меньше южной. Вероятно, здесь располагался военный флот, а южная гавань была торговой; она вмещала многие десятки судов, прибывавших со всех концов Средиземного моря.

Обследование южной гавани продолжалось почти два года. Оказалось, что ее площадь превышала пятнадцать гектаров. Она тоже отделялась от моря прочным молом шириной 7,5—8 метров. Во время морского сражения здесь располагались отряды воинов, а также боевые машины. Протяженность этого мощного барьера достигала 750 метров. Посредине мола имелся небольшой проход, через который корабли могли попасть внутрь. Он делил порт на две части — восточную и западную. Последняя была наиболее подвержена повреждениям: именно на эту часть гавани обычно обрушивался шторм. Не случайно ширина мола здесь достигала 10,3 метра. Со стороны моря оба мола — южный и северный — были оснащены искусственными волноломами, остатки которых обнаружены вдоль их периметра.

Главный вход в гавань располагался в южной ее части. Он контролировался со сторожевой башни. Доступ сюда вражеским кораблям тоже мог быть в любое время перекрыт. Они немедленно попадали под обстрел пращников и стрелков из лука; защитники порта метали в них также камни с помощью специальных машин.

К восточной оконечности гавани примыкал сухой док для ремонта кораблей. Одна часть его была теперь затоплена морем, а другая засыпана береговым песком. Это было финикийским изобретением. Готовясь к ремонту, финикийцы выкапывали глубокий ров, длина которого соответствовала длине корабля, и укрепляли его фундаментом из массивных камней, а также приготавливали несколько мостков, чтобы перебросить через этот ров. Потом открывали ворота шлюза, и морская вода заполняла ров. После этого буксировали судно, ожидавшее ремонта, и располагали его на мостках, а затем откачивали воду насосами. Теперь к днищу корабля можно было беспрепятственно подобраться для починки.

Многочисленные верфи дополняли панораму порта. Работа на них почти не прекращалась. Одни корабли спускали на воду; другие закладывали; к постройке третьих готовились...

Вот таким предстал древний порт археологам. Таковы результаты трехлетней работы экспедиции А. Пуадбара, впервые объединившей полевые раскопки, аэрофотосъемку и подводные исследования. Вспоминая ее, остается лишь пожалеть, что до сих пор Тир, как и Сидон, должным образом не исследованы археологами.

Современный Тир стоит на том же месте, что и древний город, поэтому специалистам вряд ли удастся воссоздать облик финикийской метрополии. Существующая застройка препятствует проведению обширных археологических работ в Тире. До сих пор раскопки проводились лишь в юго-восточной части города, но все сделанные находки относились к эллинистическому и позднейшим периодам городской истории. Финикийские слои Тира до сих пор оставались нетронутыми. Мешала работе археологов и многолетняя гражданская война в Ливане.

Вот почему нам известно сравнительно мало памятников, относящихся к «золотому веку» Финикии — к началу I тысячелетия до нашей эры. Памятники того времени пока обнаруживают лишь на территории финикийских колоний и в соседних странах — Сирии, Палестине. По меткому замечанию английского историка Дональда Хардена, «археологические раскопки в финикийских колониях дают лучшее представление о том, как выглядел типичный финикийский город». Можно лишь гадать, каким помпезным был дворец тирского царя в пору «золотого века» Финикии.

3.6. Хирам строит город в море

Ученые продолжают спорить о том, какой из двух городов древнее — Тир или Сидон, как спорили некогда их жители. Согласно преданию, пересказанному Иосифом Флавием, Тир был основан выходцами из Сидона в начале XII века до н.э., когда их собственный город разрушили пришлые племена — филистимляне. Однако археологи, — а первым здесь провел раскопки опять же Эрнест Ренан, — давно опровергли эту легенду. Сегодня известно, что Тир был основан приблизительно в XXVIII веке до нашей эры, и его правители, как мы знаем из амарнской переписки, присылали письма и дары египетским фараонам. Мнимые же основатели города были переселенцами, прибывшими в Тир после разгрома, учиненного Сидону «народами моря». Ведь оба города лежали по соседству. Их разделяло не больше 200 стадий, то есть около сорока километров.

После нашествия «народов моря» история обоих городов — Тира и Сидона — словно начинается заново. До этого они были мелкими, провинциальными поселениями, лежавшими на окраине Ханаана. Теперь это были могущественные портовые города, направлявшие корабли во все стороны света.

Правителя Тира, круто изменившего уклад жизни своих подданных, звали Хирамом (Ахирамом) (969—936 гг. до н.э.), и был он, может быть, самым великим и могущественным из финикийских царей. Как сказано в одном из преданий, дошедших до нас, «его корабли бороздили все пространство Средиземного моря вплоть до самого океана и выходили в него. Богатства царя дали ему возможность заняться самим городом».

Преобразования в нем начались в середине X века до нашей эры. Прежде большая часть Тира лежала в стороне от моря. Хананеи называли ее «Ушу». Почти в километре от берега виднелся остров. На нем высились несколько портовых сооружений, а также крепость, в которой горожане укрывались в случае опасности. Впрочем, даже островом его трудно было назвать. Это были две плоские скальные плиты, захлестываемые водой, — риф, поросший водорослями. Подобное часто можно увидеть у побережья Ливана. Кажется, что на таких камнях вряд ли кто-нибудь согласится жить.

Однако царь Хирам повелел, чтобы его дворец соорудили здесь, на склизких скалах, и нигде еще. Начались бурные хлопоты. Пролив, разделявший две скальные плиты, был засыпан и постепенно стал застраиваться. Тысячи людей из года в год превращали голые камни, разделенные водой, в основание будущего города. Вся ра-

Некогда эта колоннада украшала древний Тир

бота выполнялась по строгому плану. Рядом с островом Хирам велел соорудить насыпь, чем значительно расширил территорию. По оценке современных историков, она составила 58 гектаров.

На севере искусственного острова возникла так называемая внутренняя, или сидонская, гавань, вдоль которой тянулась цепь небольших островков — рифов, защищавших рейд, где стояли корабли. На юге располагалась внешняя, или египетская, гавань.

Большинство старых построек Хирам велел снести. Историк Иосиф Флавий сообщает: «Он (Хирам) отправился и, собираясь возвести храм, срубил лес в горах, называемых Ливанскими, и снес старые храмы и выстроил новые — для Геракла (Мелькарта) и Астарты». Тир окружили массивные стены с высокими башнями и бойницами, откуда лучники поражали неприятеля.

Город был застроен многоэтажными домами, о которых Страбон писал, что они «даже выше домов в Риме». Очевидно, как и в Карфагене, здесь встречались дома в шесть этажей и выше. Поэтому неудивительно, что «в результате землетрясений город едва не был целиком уничтожен».

В темное время суток дома в Тире освещались глиняными светильниками, напоминавшими плоские блюдца с одним носиком, в который вставлялся фитиль. Диаметр таких ламп составлял от 12 до 14 сантиметров. Мода на них сохранилась даже в эллинистическую эпоху, когда в Финикии появились более удобные — закрытые — греческие светильники.

Кривые улочки вели к храмам и рыночным площадям, где можно было встретить чужестранцев, приехавших с разных концов ойкумены: египтян, ассирийцев, греков, арамеев, даже этрусков и тартессийцев.

Попасть в город с материка можно было лишь на лодке. Разумеется, остров не мог вместить всех желающих, и побережье напротив Тира со временем покрылось всевозможными постройками. В случае опасности жители материковой части города укрывались со своим имуществом на острове.

Древности Тира: прямоугольная арена

Так началась история города Тира — самого странного, но и, может быть, самого красивого города античности. В этом нет ничего удивительного, ведь возводить город помогали Хираму потомки зодчих, строивших твердыни Микен и дворцы Крита.

Пожалуй, ничто не выражает так ярко саму суть финикийского народа, как этот город, с которым можно сравнить лишь Венецию — «хозяйку морей» нового времени. Казалось, тирийцы не доверяют самой суше и считают море единственным своим оплотом. А им и впрямь не на кого было надеяться.

После нашествия «народов моря» Египет переживал упадок. Города Финикии освободились от его власти, но теперь им негде

было искать защиты, некого умолять в письмах, выпрашивая отряды солдат. Жители небольших прибрежных городов получили свободу — и оказались брошены на произвол судьбы. С другой стороны, научившись у критян строить морские корабли, жители Тира теперь отправлялись в дальние путешествия, возвращаясь с немалыми сокровищами. Многие соседи хотели бы отнять их. Нужно было заботиться о защите и тут... само море могло стать на пути врагов. Робкие на берегу, в море тирийцы не знали соперников. Их город был недоступен для вражеской армии, не располагавшей сильным флотом.

Жители Тира, как и других финикийских городов, стремились расширить торговлю, приносившую им баснословную прибыль, вместо того, чтобы воевать с соседями и захватывать земли в окрестных странах. Морской промысел полностью удовлетворял их потребности, и потому финикийцы не стремились развивать сельское хозяйство. Море было им и пашней и садом, а народы далеких стран — батраками, возделывавшими их угодья.

3.7. Можно ли пить морскую воду?

Почти все другие города Финикии были лишены возможности повторить задуманное Хирамом. Так, Сидон лежал на плоском выступе, вдававшемся в море. Берута спускалась к воде по склону горы. Триполи приютился на оконечности небольшого полуострова. И лишь жители города Арвад, расположенного к северу от Библа, могли, как тирийцы, перебраться на островок неподалеку от берега. Однако здесь не было даже места для удобной якорной стоянки, и корабли причаливали к материку.

Итак, города Финикии строились там, где редко кто соглашался селиться: на крутых склонах, скользких скалах, возле бухт, усеянных рифами. Впечатляет, например, небольшой финикийский порт Ахзив, лежавший к северу от Хайфы. Здесь глубоко в бухту врезаются плоские каменные террасы. Волны то захлестывают их, то

снова откатываются, взлетая вверх или образуя водовороты. Среди этих бурлящих валов может утонуть даже бывалый пловец. Кажется немыслимым, чтобы здесь могли причаливать небольшие финикийские корабли. Однако именно в этом месте финикийцы построили гавань. Для этого они выдолбили в скалах бухточку, в которой могли поместиться от двух до четырех кораблей. Позади бухточки виден холм. На нем высились башня и несколько домов. Окрестность холма была ровной и болотистой. Приближение врагов замечали издали. Замечали — и спасались от них морем.

Разумеется, строительство приморских городов-крепостей требовало от финикийцев огромных усилий и поразительной технической смекалки. Здесь простейшие нужды удовлетворялись с трудом.

Так, на скалах, где был заново возведен Тир, не имелось источников питьевой воды и не было возможности прорыть колодцы. Пресную воду привозили на лодках из материковой части города. А при осаде приходилось пить дождевую воду. Весной ее было вдоволь, но в долгие летние месяцы вода портилась и делалась непригодной. Оставалось лишь высылать за водой корабли.

Это обстоятельство могло стать роковым для города. При фараоне Эхнатоне тирский царь Абимилки уже оказался в бедственном положении, укрывшись в крепости на острове, когда был осажден амореями. В одном из его писем, найденных в Эль-Амарне, говорится: «Да знает царь, что мы заперты со стороны материка, что у нас нет ни воды, ни дров» (пер. Б.А. Тураева). Возводя город на острове, царь Хирам не мог не думать о грозившей ему опасности. Мы не знаем, как он справился с этой проблемой.

Зато нам известно, что жители города Арвада придумали решение, которое составит честь современным инженерам. Их город лежал на скале, омываемой морем. Страдая от невозможности добыть воду в скале, жители Арвада черпали ее из источника, бившего... на дне моря. Вот что сообщает Страбон:

«В военное время они достают воду из пролива, неподалеку перед городом; в проливе есть обильный источник питьевой воды.

В этот источник с лодки, в которой ездят за водой, опрокидывают свинцовую с широким раструбом воронку; последняя в своей верхней части суживается до основания со средней величины отверстием в нем. К основанию прикреплена кожаная трубка (или, так сказать, раздувальные мехи), которая принимает нагнетаемую вверх через воронку воду источника. Сперва нагнетается морская вода; дождавшись поступления чистой и питьевой воды, добывающие воду наливают ее сколько нужно в приготовленные сосуды и везут в город».

Возможно, что в древности и жители Тира добывали воду со дна моря так же, как их соседи. Ведь впоследствии их город не раз подвергался многомесячным осадам, но никогда не страдал от нехватки питьевой воды.

Арвадиты же были не только искусными изобретателями, но и отменными строителями. Окружность каменистого островка, на котором лежал их город, составляла лишь около полутора километров. Поэтому они застроили остров многоэтажными зданиями, причем верхние этажи делали у́же нижних. Водохранилища же облицовывали штукатуркой, не пропускавшей воду.

Жители Арвада были также умелыми моряками, и на финикийских кораблях служило много выходцев из этого города. Недаром на монетах, которые чеканили в Арваде, изображалась галера.

В древности, по словам Страбона, «арвадитами управляли независимые цари, как это было и в прочих финикийских городах». Впрочем, об Арваде, как и древнем Беруте, известно еще меньше, чем о Тире или Сидоне.

В непосредственной близости от Арвада были основаны два поселения: Антарвад, известный в Средние века под названием Тартус — здесь располагалась крепость крестоносцев (порт существует здесь и поныне), — и Амрит, о котором напоминают лишь руины. Возможно, что некогда эти поселения снабжали жителей Арвада питьевой водой, продовольствием и топливом — такая же база на побережье имелась и у жителей Тира.

3.8. Кто возвел храм Яхве в Иерусалиме?

Тем временем важные перемены происходили к юго-востоку от Финикии — в Палестине. Там образовалось новое царство. История Палестины в 1200—1000 годах до нашей эры, предшествующая его появлению, нам плохо известна. Из Египта никаких сведений о Палестине того времени нет, а факты, изложенные на страницах библейской Книги Судей, археологически не могут быть проверены.

Очевидно, вторжения израильтян представляли собой серию региональных войн против отдельных ханаанейских городов. Войны эти длились десятилетиями. В конце концов, «ряд ослабленных 300-летним египетским господством ханаанейских городов перешел под господство новой, хотя и родственной им, израильской этнической группы» (Н.Я. Мерперт). Свидетельством тому — следы разрушения городов и смена ханаанейской материальной культуры на более убогую.

Постройки древнейших израильских поселений Палестины времени Судей «поражают крайней примитивностью и отсутствием культурной изощренности, характерной для XII — начала XI веков до Рождества Христова», — писал известный знаток библейской археологии В. Олбрайт. «Контраст между искусно заложенными фундаментами и дренажными системами ханаанейских городов и сменившими их скоплениями камней, — продолжал американский ученый, — трудно переоценить». Известная исследовательница той эпохи, англичанка К. Кенион, отмечала, что одной из главных причин этого спада была общая культурная ограниченность самих израильских племен.

Об отношениях переселенцев с финикийцами мы тоже мало что знаем. Так, известно, что племена Завулон и Асир, обосновавшиеся в Галилее, неподалеку от современной границы между Израилем и Ливаном, посылали молодежь в Тир и Сидон, где можно было наняться на работу в порту.

В конце XI века образуется Израильско-Иудейское царство. Под предводительством второго его правителя, Давида (1000—965 гг. до н.э.), израильские племена победили филистимлян. Последние, будучи оттеснены с захваченных ими земель, постепенно смешались с местным населением, переняли западносемитскую религию и культуру.

Царь Давид со временем сдружился со своими финикийскими соседями и даже обратился за помощью к Хираму. Стремясь укрепить свой авторитет, Давид задумал построить себе дворец. «И прислал Хирам, царь Тирский, послов к Давиду и кедровые деревья и плотников и каменщиков, и они построили дом Давиду» (2 Цар. 5, 11).

Давид с благодарностью отнесся к этой помощи. Он задумал превратить занятую им крепость иевусеев — Иерусалим в религиозную и политическую столицу Израиля. Однако среди своего народа он не нашел никого, кто мог бы возвести ему храм и дворец. Чтобы построить «дом Господа Бога», он собрал «пришельцев, находившихся в земле Израильской, и поставил каменотесов, чтобы обтесывать камни для построения дома Божия» (1 Пар. 22, 1—2). Сам же Давид сумел лишь заготовить «множество железа для гвоздей» и «множество меди без весу» (1 Пар. 22, 3). Во всем остальном он мог полагаться лишь на помощь «пришельцев», то есть мастеров, прибывших из других стран — прежде всего, финикийцев.

Однако основатель Израиля, царь Давид, не дожил до начала строительства храма. Планы отца осуществил его сын, Соломон (965—935 гг. до н.э.), который как политик был вовсе не так искусен и мудр, как утверждает Библия. Он был властолюбивым и тщеславным монархом, унаследовавшим деспотические замашки отца. Без колебаний царь Соломон устранял людей, стоявших на его пути.

Итак, Соломон начал с того, что обратился с письмом к царю Тирскому, «ибо Хирам был другом Давида во всю жизнь» (3 Цар. 5, 1). В письме же было сказано: «Прикажи нарубить для меня кедров с Ливана; и вот, рабы мои будут вместе с твоими рабами, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь; ибо ты

знаешь, что у нас нет людей, которые умели бы рубить дерева так, как Сидоняне (для Соломона все жители Финикии были сидонянами. — *А.В.*)» (3 Цар. 5, 6). Выбор союзника был в некоторой степени вынужденным, ведь Тир был единственным соседом, с которым у Израиля не доходило дело до военных столкновений.

Хирам обрадовался словам Соломона. По Библии, он воскликнул: «Благословен Господь Бог Израилев, создавший небо и землю, давший царю Давиду сына мудрого» (2 Пар. 2, 12). Впрочем, подобная реплика маловероятна. Разве мог Хирам поклоняться Яхве (Йахве) — верховному богу израильтян? А разве мудро поступил Соломон, сын Давида, когда пообещал Хираму дать ему плату, которую тот сам назначит?

Как бы то ни было, Хирам ответил Соломону: «Я выслушал то, за чем ты посылал ко мне, и исполню все желание твое о деревах кедровых и деревах кипарисовых» (3 Цар. 5, 8). В уплату за лес Соломон давал Хираму и его дровосекам «пшеницы двадцать тысяч коров, и ячменю двадцать тысяч коров, и вина двадцать тысяч батов, и оливкового масла двадцать тысяч батов» (2 Пар. 2, 10). По расчетам К.Х. Бернхардта, «ежегодные поставки должны были составлять около 3500 тонн пшеницы, что приблизительно соответствовало урожаю с площади 40—50 квадратных километров пашни», и такое же количество ячменя, а также по 7000 гекталитров чистого оливкового масла и вина (называются и другие цифры). «Достоверны ли эти цифры, — задается вопросом историк, — сказать трудно». Одно можно признать уверенно, для Финикии, где земли для полей и виноградников мало, подобные количества продовольствия были значительными.

Затея предстояла грандиозная. Согласно текста Библии, было созвано 153 600 чужеземных мастеров. И сделал из них Давид «семьдесят тысяч носильщиков и восемьдесят тысяч каменосеков на горах и три тысячи шестьсот надзирателей, чтобы они побуждали народ к работе» (2 Пар. 2, 18). Потребность в работниках была так велика, что одних лишь жителей Тира было недостаточно.

В строительстве дома Божия участвовали также жители Библа и, вероятно, Сидона. Гивлитяне не случайно участвовали в строительстве храма Яхве в Иерусалиме. К тому времени, в середине X века до нашей эры, Библ уже находился под властью Тира.

Итак, Иерусалимский храм стал «всенародной финикийской стройкой». Ведь мастера Финикии — литейщики, чеканщики, строители, ткачи, гончары — славились своим искусством далеко за пределами родины.

На строительстве храма финикийские мастера выполняли почти все работы, начиная от заготовки дерева и камня. В Библии говорится, что «обтесывали же их (камни — *А.В.*)... работники Хирамовы и Гивлитяне (жители Библа. — *А.В.*), и приготовляли дерева и камни для строения дома (храма. — *А.В.*)» (3 Цар. 5, 18). Длилась эта работа три года. «Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (3 Цар. 6, 7). Камни обтесывали прямо в каменоломне, а деревья — в лесу, где их валили.

Качество обработки материалов было очень высоким. Иосиф Флавий пишет, что камни, из которых были сложены стены Иерусалимского храма, были так гладко обтесаны, «что наблюдатель не мог заметить никаких следов от ударов молотками или другими инструментами. Казалось, будто весь строительный материал удалось подогнать само собой, без помощи подручных средств».

То же относится и к работе плотников, которым пришлось обстругать множество бревен. Ведь Соломон распорядился по окончании строительства обшить все помещения храма досками: «И обложил стены храма внутри кедровыми досками; от пола храма до потолка внутри обложил деревом и покрыл пол храма кипарисовыми досками... Все было покрыто кедром, камня не видно было» (3 Цар. 6, 15, 18). Дерево украшала богатая резьба. Как замечает К.-Х. Бернхардт, «этот храм с полным основанием можно было назвать «кедровым домом» (2 Цар. 7, 7) Яхве, бога Израиля».

Тирские ткачи и красильщики тоже помогли украсить Иерусалимский храм, прислав лучшие образцы своих тканей. Так, Святая Святых была отгорожена завесой «из яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани и из виссона» (2 Пар. 3, 14).

Из множества мастеров, работавших на строительстве Иерусалимского храма, Библия выделяет лишь одного — опять же финикийца. Его звали, как и царя: Хирам (в другом месте (2 Пар. 4, 16) имя его — Хирам-Авий). Он был сыном «одной вдовы, из колена Неффалимова» (3 Цар. 7, 14). Отец же его, житель Тира, «был медник; он владел способностью, искусством и уменьем выделывать всякие вещи из меди» (3 Цар. 7, 14). У царя Соломона он производил всякие работы. Его рекомендация звучит как гимн древним мастерам, чье умение подчас граничило с колдовством. Хирам-Авий умел делать «изделия из золота и из серебра, из меди, из железа, из камней и из дерев, из пряжи пурпурового, яхонтового цвета, и из виссона, и из багряницы, и вырезывать всякую резьбу, и исполнять все, что будет поручено ему вместе с художниками» (2 Пар. 2, 14). Перед нами, как замечает К.-Х. Бернхардт, «по существу, полная опись тирских и вообще финикийских ремесел».

Искусный мастер Хирам выковал также множество предметов для украшения храма: медные подставы, медные умывальницы, тазы, лопатки, чаши... Работы его были так велики, что «по причине чрезвычайного их множества, вес меди не определен» (3 Цар. 7, 47). Всем сделанным царь остался доволен. «И поставил Соломон все сии вещи на место» (3 Цар. 7, 47).

Подробный отчет о строительстве храма, «опубликованный» в Библии, сохранил для нас основные принципы финикийского зодчества. Так что знаменитый Иерусалимский храм вовсе не является памятником древнееврейской архитектуры. Это — блестящий образец финикийского стиля. Справедливости ради скажем, что по общим размерам храм Яхве превышал известные образцы как ханаанейской, так и финикийской храмовой архитектуры.

Библейское описание храма имеет для нас особое значение потому, что собственно монументальных памятников финикийского искусства почти не сохранилось. Ведь города Финикии не раз разрушались и перестраивались. Мы вряд ли, несмотря на все достижения археологов, сумели бы детально восстановить облик финикийских храмов и дворцов, если бы не Библия.

Длина храма Яхве равнялась примерно 30 метрам, ширина — 10, а высота — 15 метрам. Перед входом в храм лежал двор такой же ширины, как и храм. Во дворе находилось «литое из меди море» (3 Цар. 7, 23) — большой круглый бассейн, наполненный водой, используемой для очистительных церемоний, в том числе для омывания жертвенных животных. В Библии переданы размеры его: «От края его до края его десять локтей (диаметр около 5 метров. — *А.В.*), — совсем круглое, вышиною в пять локтей (глубина около 2,5 метра — *А.В.*), и снурок в тридцать локтей обнимал его кругом» (3 Цар. 7, 23). Этот бассейн стоял на двенадцати фигурах волов.

Собственно помещение храма имело прямоугольную форму. Здесь проводились различные церемонии и располагались «золотой жертвенник и золотой стол, на котором хлебы предложения» (3 Цар. 7, 48).

В глубине храма находилась Святая святых. Эта комната имела форму куба (длина стороны — 10 метров). Вся она была покрыта золотом. Здесь хранился ковчег Господень. «В ковчеге ничего не было, кроме двух каменных скрижалей, которые положил туда Моисей.., когда Господь заключил завет с сынами Израилевыми, по исшествии их из земли Египетской» (3 Цар. 8, 9).

Все эти особенности архитектуры храма Соломона характерны вообще для финикийского зодчества, равно как и другая деталь святилища: «два медных столба, каждый в восемнадцать локтей вышиною, и снурок в двенадцать локтей обнимал окружность того и другого столба» (3 Цар. 7, 15). Эти величественные колонны высотой около девяти метров находились по левую и правую сторону от входа в храм и назывались соответственно Воаз и Иахин. Украшенные венцами, вылитыми из меди, сетками плетеной работы и цепочками (3 Цар. 7, 16—22), они возносились в небо, словно стволы кедра. Обе колонны никак не связаны с иудейским богослужением и не несли конструктивной функции, зато в ханаанейских храмах, очевидно, были непременной частью архитектуры.

Геродот сообщает, что храм Мелькарта в Тире также был украшен двумя колоннами, одной из чистого золота и одной из смарагда; колонны же эти ярко светились ночью. Фундаменты колонн найдены также в храме Баала на Кипре и святилищах многих ханаанейских городов в Палестине: в Самарии, Мегиддо и Хазоре. Эти колонны отчасти напоминали египетские обелиски. Вообще египетская архитектура оказала очень сильное влияние на финикийское зодчество.

Вслед за храмом финикийские мастера построили Соломону дворец. Целых двадцать лет возводились «дом Господень и дом царский» (3 Цар. 9, 10). Расходы были так велики, что не приносили утешения ни подати, ни урожаи пшеницы и ячменя, ни запасы оливкового масла и вина, которыми Соломон расплачивался с работниками. Очевидно, пришлось самому царю Хираму вмешаться в дела казначейские и «инвестировать» строительство: он послал царю Соломону, оказавшемуся банкротом, сто двадцать талантов золота (в разное время эта единица имела разное значение, например, могла равняться 30 килограммам. — *А.В.*). Позднее эту сумму пришлось «списать». Взамен денег и товаров Соломон расплачивался с заимодавцем обетованной землей. Он «дал Хираму двадцать городов в земле Галилейской» (3 Цар. 9, 11) — холмистую область, прилегавшую к владениям тирского царя.

В этом подарке важнее название, чем суть. Очевидно, города выглядели жалкими деревушками, ибо такому дарению царь Хирам, растративший сотню талантов, был вовсе не рад. «И вышел Хирам из Тира посмотреть города, которые дал ему Соломон, и они не понравились ему. И сказал он: что это за города, которые ты, брат мой, дал мне?» (3 Цар. 9, 12—13). Но что еще оставалось

делать Хираму, кроме того как принять предложенную плату? Казна Соломона была пуста. Ссориться же с ним тирский царь не хотел, строя свои дальновидные планы.

Много преданий сложено о дружбе двух царей — финикийского и израильского. Вот одно из них в пересказе Ю.Б. Циркина, почерпнутое из его книги «Мифы Финикии и Угарита»: «Соломон и Хирам соревновались в загадках. Они договорились, что тот, кто не сумеет разгадать загадку другого, уплатит много денег. Вскоре Хирам был вынужден отдать Соломону значительную часть своей казны. Но в окружении тирского царя нашелся мудрый человек Абдемон. Он не только разгадал загадки Соломона, но и составил собственные. Эти загадки Хирам послал в Иерусалим. И Соломон не смог их разгадать. И тогда он заплатил Хираму столько денег, что тот не только вернул себе утраченные сокровища, но и получил большой прибыток».

3.9. Хирам, Соломон и страна Офир

Царь Хирам строил свои планы, заводя дружбу с Давидом, а потом и с Соломоном. В этом союзе его больше всего привлекала возможность проникнуть в Индийский океан и совершать плавания к богатейшим странам, лежавшим на его побережье.

Для Хирама израильский царь Соломон был настоящим «даром небес». Где бы еще правитель Тира сыскал себе такого расточительного наперсника? В свою очередь, дружба с Хирамом открывала Соломону путь в заморские страны. Без кораблей Хирама израильский царь не сумел бы торговать с чужеземцами. В то время евреи были по преимуществу крестьянами и пастухами, финикийцы же — искусными мастерами и сметливыми купцами. Только у финикийцев сыны Израиля могли учиться торговому ремеслу, но еще долго уступали в этом и тирийцам, и сидонянам.

По наущению Хирама, царь Соломон держал в Красном море собственный флот. Его услугами пользовались и финикийцы, и израильтяне. Последние хоть и считались номинально хозяевами этой эскадры, но служили на кораблях в основном одни финикийцы. Из порта Акабы, что лежит на берегу Красного моря, можно было совершать плавания в таинственную страну Офир и привозить оттуда «золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов» (3 Цар. 10, 22), а также ценные сорта древесины.

Торговля шла с размахом. В Библии сказано: «И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону» (3 Цар. 9, 27—28). Вероятно, после этого плавания последовали новые экспедиции в страну Офир...

Название Офир долго вызывало споры в научной среде. Что за страна скрывалась за этим топонимом? Где лежал «златом обильный» Офир? На протяжении столетий в бесчисленных научных трудах делались попытки решить эту загадку. Исследователи помещали Офир в разных частях побережья Индийского океана — в Южной Аравии, Индии, на Цейлоне, Малаккском полуострове — и даже выбирались за его границу, переносясь в Океанию и Америку. Большинство этих предположений, писал известный советский историк И.Ш. Шифман, «невозможно ни доказать, ни опровергнуть».

Так, немецкий географ Рихард Хенниг, отмечая, что в то время существовали караванные пути, связывавшие Ближний Восток и Южную Аравию, заявлял: «Следует считать доказанным, что в страну Офир можно было попасть только морским, а не караванным путем. Таким образом, все части Аравии при розысках местоположения Офира отпадают». Однако вполне резонно такое возражение: «Но разве нельзя было проложить туда и морской путь?» (И.Ш. Шифман). Тем более финикийцы, как мы знаем, уже убедились в преимуществах морской торговли над сухопутной.

Известно, например, что жители Финикии поддерживали связи с Южной Аравией. Оттуда в финикийские города вывозили благо-

вония. В одном из палестинских городов — Бет-Эле — найдена печать из Южной Аравии, датируемая X—IX веками до нашей эры.

«Но и об Индии не может идти речь, — продолжал дискуссию Офир Рихард Хенниг. — Вряд ли здесь могли разрешить каким-либо иноземным морякам заниматься разработкой залежей и запросто вывозить из страны богатейшие сокровища». В заочном споре тут же слышалась реплика: «А откуда известно, что бы стали делать жители Индии три тысячи лет назад? Ведь никаких конкретных обстоятельств мы не знаем» (И.Ш. Шифман). Многие исследователи помещают страну Офир в Индию, в местность к югу от Бомбея.

Что касается Малакки, то, продолжал Р. Хенниг, «в X веке до нашей эры... экспедиция на Малакку и обратно должна была длиться не менее 5—6 лет». Ведь в то время «мореходы не умели пользоваться муссонами и вынуждены были следовать всем изгибам береговой линии». Кроме того, «нужно было длительно заниматься торговлей или разработкой месторождений».

Ряд исследователей помещает страну Офир где-то в Африке — либо в районе Зимбабве, либо в золотоносных районах Нила, у границ Эфиопии. После открытия в конце XIX века загадочных развалин Зимбабве некоторые историки предположили, что именно сюда прибывали корабли Хирама и Соломона. Однако «лучшие географы древности знали Восточную Африку немногим дальше района Дар-эс-Салама» (Р. Хенниг). Ведь тогда корабли «не могли еще преодолеть сильного течения Мозамбикского пролива». Чтобы достичь Зимбабве, мореходам нужно было отклониться далеко в сторону. Кроме того, «никаких следов финикиян в этих местах не обнаружено» (И.Ш. Шифман).

Почему же авторы библейских книг не потрудились объяснить, где находится загадочная страна Офир? Да потому, что современники и так об этом знали. Но древнее знание утеряно безвозвратно, и теперь исследователи теряются в догадках.

Сейчас большинство ученых убеждены, что под названием Офир скрывается либо Йемен (Счастливая Аравия), где правила

легендарная царица Савская, либо часть африканского побережья между современными Эфиопией и Танзанией. В любом случае это была страна, которую достигали морским путем, отправившись в плавание из порта Акаба.

Сам Хенниг, автор книги «Неведомые земли» — многотомной истории географических открытий, считал, что золото привозили из Эфиопии, где, например, в VI веке до нашей эры, как сообщали лазутчики персидского царя Камбиза, из него изготавливали даже кандалы. Очевидно, финикийские мореходы во время плаваний в Аравию узнали об африканской стране, богатой золотом, и тогда снарядили армаду кораблей, чтобы завладеть сокровищами дикарей. Плавание в страну Офир, вероятно, было не торговым предприятием, а военным походом или грабительским набегом (что, впрочем, почти одно и то же). Если бы финикийцы торговали со страной Офир, то они из года в год посылали бы туда свои корабли, как слали их на Кипр или греческие острова. «Огромное количество золота, раздобытое экспедицией в Офире, — заключал Рихард Хенниг, — никак нельзя было получить в результате торговли».

3.10. Медь Чермного моря

В эпоху царя Соломона финикийцы фактически владели портом Акаба на побережье Красного моря. Этот порт был для них воротами на Восток: отсюда они могли совершать плавания в страны, лежавшие на берегу Индийского океана. Но раскопки в районе порта Акаба поначалу озадачили.

В 1939 году американский археолог Нельсон Глюк решил найти подтверждение одному из библейских стихов: «Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской» (3 Цар. 9, 26). Именно на этом корабле было совершено плавание в страну Офир. Археолог отправился из Иерусалима в пустыню Негев, ведь Идумейской зем-

лей называлась местность к югу от Мертвого моря, покоренная царем Давидом. «И поставил он охранные войска в Идумее,.. и все Идумеяне были рабами Давиду» (2 Цар. 8, 14). Елаф, лежащий на берегу Красного (Чермного) моря, сразу же заставляет вспомнить израильский портовый город Эйлат. Очевидно, где-то поблизости находился и Еццон-Гавер (Эцион-Гебер), верфь царя Соломона. По соседству с Эйлатом лежит уже упомянутый портовый город — Акаба.

На расположенном поблизости холме Телль-Хелейфе американский археолог и начал свои раскопки. Он надеялся найти здесь остатки древней верфи, судовое оборудование или обломки кораблей. Однако, к своему удивлению, обнаружил медные орудия, литейные формы, шлаки руды и, наконец, нашел поразительно большую плавильную печь. Очевидно, здесь выплавляли медь — металл, о котором мало что говорится в Библии. Так Нельсон Глюк открыл вовсе не то, что задумал искать.

Как объяснить находки? В Библии нигде не было сказано, что в городе Ецион-Гавер выплавляли медь. Раскопки продолжились, и вскоре из-под земли показались массивные ворота. Они были частью городских крепостных сооружений. Судя по всему, Глюк и его коллеги раскопали «в земле Идумейской» древний город, «лежавший при Елафе (Эйлате)». Как показали раскопки, он был окружен мощной оборонительной стеной толщиной до 2,5—3, а в некоторых местах и до 4 метров. Ее высота, по мнению Глюка, достигала почти 8 метров. На южной стороне стены находились главные городские ворота. Они были обращены к морю. Возможно, предполагает Н.Я. Мерперт, столь мощное укрепление, датируемое X веком до нашей эры, было возведено, чтобы охранять товары, доставляемые торговыми судами из стран, богатых золотом, серебром, слоновой костью. «Здесь же могли строиться корабли Соломона, что засвидетельствовано Ветхим Заветом».

Этот город, Эцион-Гебер, существовавший в X—V веках до нашей эры, был не только крупным портом, но и важным промышленным центром. В его окрестности находились богатейшие залежи меди. Ее добыча началась, видимо, уже в конце II тысячелетия до нашей эры. В Эцион-Гебере выплавляли медь и изготавливали из нее различную продукцию. В запальчивости Глюк объявил, что мы имеем дело с «Питсбургом Древней Палестины» (в середине XX века Питсбург был одним из центров американской металлургии).

Правители Израильско-Иудейского царства длительное время стремились захватить и удержать район Акабы и Эйлата, ведь здесь также находилась естественная гавань, открывавшая доступ к Красному морю.

Особые меры были приняты для обороны подступов к региону.

Конечно, результаты раскопок выглядели сенсационно. Финикийцы не только пускались в плавания вместе с израильтянами, направляясь в Аравию, Восточную Африку или Индию, но и строили вместе с ними «совместные предприятия», — например, один из крупнейших медеплавильных заводов Древнего Востока. Здесь уж точно без них не обошлось, ведь сами израильтяне без помощи финикийцев не могли в то время справиться с решением такой технически сложной задачи.

Медные рудники манили финикийцев. Жители Тира и Сидона в поисках меди открыли для себя Кипр и далекую Испанию. Разве могли их купцы не отправиться в Эцион-Гебер?

В Библии, правда, мало что говорится об Эйлате и Акабе. Дело в том, что эти города лежали далеко от Иерусалима и особенно от Вавилона, где были заново переработаны древнееврейские исторические книги. Чем-то нереальным, сказочным казались «пленникам Вавилона» и Ецион-Гавер, и город Елаф. Кто слышал о них — об этих миражах, блеснувших на краю пустыни Негев, у самого Чермного моря?

Сама же история, пересказываемая этими безвестными писцами, все больше расцвечивалась сказочными подробностями. И отрок-пастух выходил на бой с великаном, «вооруженным тяжелейшим оружием» (И.Ш. Шифман). И царь Соломон любил чужестран-

ных женщин, и семьсот жен склоняли сердце его к иным богам. И бежал по волнам корабль Фарсисский, все дальше улетая от призрачного Ецион-Гавера, который меньше всего походил на сказочный город, ибо и рудники, и плавильные печи, где лилась медь, — это самая настоящая грубая реальность.

При раскопках Нельсон Глюк обнаружил гигантские тигли, вмещавшие почти пять кубических метров руды, а также участки, где добывали медную и железную руду. По его словам, древний промышленный город был обустроен на редкость правильно, «с поразительным архитектоническим и техническим искусством». Все здесь выдавало гений финикийских инженеров и зодчих. Строго держась плана и вымеряя каждый участок земли, они возводили город, который вскоре заселили толпы рабочих, нанятые Соломоном.

Палило солнце; ярко светились камни; обжигал воздух. Прилетая из пустыни, ветер приносил песок и хлестал потные тела людей. Еще тяжелее было тем, кто стоял у печи. Оттуда навстречу солнечному огню вырывались языки пламени, и рабы, отливавшие медь, были словно размягченный кусок металла, брошенный между молотом и наковальней.

Что было с добытой здесь медью? Часть ее отвозили в Иерусалим, но в основном обрабатывали на месте — в Эцион-Гебере. Возможно, из нее ковали различные орудия и сосуды и отправляли их в страну Офир, где меняли этот товар на золото и серебро, слоновую кость и ценные сорта древесины, шкуры пантер и благовония. Перевозить медь было легко, и она приносила сказочную прибыль.

Летел, бежал финикийский корабль в страну Офир, и цари соседних стран готовы были платить огромные деньги за редкостные товары, вывозимые оттуда. Как сообщает один из документов того времени, месопотамские халдеи тратили в год на благовония до 10 тысяч талантов серебра — невероятная сумма, немало обогащавшая финикийских купцов. «Фарсисский корабль» (3 Цар. 10, 22) — так в Библии назван корабль, плававший в страну Офир, — привозил так много серебра, что сделалось оно в Иерусалиме «равноценным с простыми камнями» (3 Цар. 10, 27).

Впрочем, немало было и проблем. Одна лишь перевозка дерева для строительства кораблей требовала огромных усилий. До римского владычества в этом краю вообще не было ни одной сносной дороги. Стволы деревьев и доски перевозили на верблюдах.

Верблюдов, наряду с ослами и вместо них, стали использовать для перевозки тяжестей лишь в конце II тысячелетия до нашей эры. Это помогло сократить время, проводимое караванами в пути, и проложить новые маршруты, например в пустынной местности, где оазисы разделяло большое расстояние. Благодаря верблюдам финикийские города заметно расширили сухопутную торговлю с Южной Месопотамией и Южной Аравией. Ведь после высыхания аравийских степей вплоть до времени одомашнивания верблюда не было постоянно действующего пути из Финикии в Южную Аравию.

Верблюд отличался выдающимися качествами: он мог за один раз выпить более 130 литров воды, а потом обходиться без нее в течение пяти дней летом, а зимой, когда трава сочная, и вовсе до 25 дней. Вьючные верблюды могли перевозить до 400 килограммов груза, преодолевая ежедневно до полусотни километров. Так, хороший вьючный верблюд выдерживал два кедровых бревна длиной 3 метра и диаметром 15 сантиметров. Еще и сегодня в Ливане можно увидеть одногорбого верблюда, перевозящего лесоматериалы.

Но вопросы остаются. Каким образом финикийцы перевозили в эту гавань и вовсе громадные стволы кедра, из которых изготавливали киль кораблей, ведь их длина превышала 20 метров? Быть может, они нагружали такой ствол сразу на несколько верблюдов, связав их друг с другом? Или клали его на повозку, запряженную волами? Библейские историки были плохими инженерами; они не удосужились сообщить о том, как решались эти технические проблемы. Нам остается лишь верить в то, что финикийцы, умевшие строить города посреди моря и добывать пресную воду с морского дна, придумали и здесь что-то особенное.

...Лишь в пору правления царя Соломона финикийцы могли распоряжаться гаванью Эцион-Гебер, но еще при его жизни она была утрачена из-за восстания эдомитян («идумеян»). Лишенные доступа в Красное море, финикийцы прекратили плавания в страну Офир.

3.11. После Хирама

С середины X по середину IX века до нашей эры цари Тира владели почти всей Финикией — от горы Кармел на юге до района современного Триполи. Подвластен Тиру стал и Сидон. Это время называют «золотым веком в истории Финикии».

Никогда прежде и никогда после Тир и другие финикийские города не были так богаты и независимы, как в это столетие, когда Египет, Ассирия, Греция еще не оправились от прежнего упадка. Склады Тира, Библа и Сидона ломились от множества товаров, привезенных со всего света, а сокровищницы их — от золота, серебра и драгоценных камней. Каждый день в гавани этих городов прибывали все новые корабли, привозившие «все, чем для прихоти обильной» торговали города и страны, известные финикийцам. Даже ночью не стихала жизнь в финикийских городах. По их улицам бродили пьяные матросы, искавшие приключений. За стенами особняков не смолкали пиры. Перед блеском этих городов померкли многие царские столицы. Тир стал важнейшим торговым центром Средиземноморья, столицей державы, в состав которой входили и отдельные города Финикии, и обширные участки побережья Средиземного моря.

Однако «даже на Солнце бывают пятна» — именно в этот период в Тире наблюдается кризис власти. При царе Хираме Тир стал центром обширной колониальной державы, о становлении которой мы еще поговорим. Однако после его смерти в городе началась борьба за власть между отдельными группировками знати. Она сопровождалась государственными переворотами, кровавой борьбой за престол. Из пяти царей, правивших Тиром в течение 47 лет, за период между смертью Хирама и восшествием на престол Итобаала, трое были убиты их преемниками.

Внук Хирама, царь Абдастарт, был убит около 910 года до нашей эры сыновьями своей кормилицы, то есть своими молочными братьями, старший из которых процарствовал двенадцать лет. Лишь после его кончины власть снова оказалась в руках законной династии. Царем стал Астарт. Однако его сын и преемник, Астарим, был убит своим братом Фелетом, а тот восемь месяцев спустя пал от руки жреца Этбаала (Итобаала), захватившего царскую власть.

Имя этого жреца сохранила даже Библия, ведь он — «Ефваал, царь Сидонский» (3 Цар. 16, 31) — был отцом Иезавели, той самой израильской царицы, к которой пылали ненавистью библейские хронисты. Династия, основанная Итобаалом, правила в Тире почти столетие. В руках монарха на какое-то время соединилась и светская, и религиозная власть; он был царем-жрецом. При Итобаале в Тире наступил длительный период процветания. Своих же возможных противников хитрый жрец удалял из города, направляя осваивать новые заморские земли. Так начался второй этап финикийской колонизации.

К сожалению, мы мало знаем о финикийском обществе того времени, об его социальной структуре и принципах управления обществом. Мы почти не располагаем письменными источниками, относящимися к истории Финикии. Все они погибли. Когда же Финикия станет частью Ассирийской державы, то в клинописных хрониках сохранятся лишь рассказы о поверженных мятежниках и ни слова об обыденной жизни финикийцев. Можно лишь предполагать, что на глиняных табличках записывались события «всемирно-исторического значения», а все повседневное заносилось на недолговечные материалы. И все же те немногие факты, что известны нам, говорят сами за себя.

Так, очевидно, что в Тире не было аристократии в классическом смысле этого слова, то есть земельной аристократии. Матери-

ковые владения Тира были слишком малы, чтобы царь мог наделить землей своих приближенных. Верхушку тирского, как и всего финикийского, общества составляли богатые купцы — «морская аристократия» Тира. Мы можем догадываться, что в Финикии, как нигде в древнем мире, пользовалось авторитетом купечество. Очевидно, при принятии важных государственных решений финикийские цари руководствовались интересами купцов.

Сами купцы сохраняли покорность царям, скорее, не потому, что зависели от них, по причине пожалованных им земель и привилегий, а потому, что царская власть была установлена богами. Шутить же с богами не смел еще никто, в том числе владельцы пурпурных заводов и гребных «пароходов».

Таким образом, власть царя была в определенной мере ограниченной. В Тире, как и в других финикийских городах, сложился, скорее, олигархический режим правления. Огромным влиянием пользовался совет старейшин, контролировавший также торговую деятельность горожан. Здесь решали все деньги, прибыль. Финикийцы даже воевали неохотно, потому что война — дело рискованное; она слишком дорого стоит и может обернуться разорением.

Еще «демократичнее» были порядки в колониях. В Карфагене, например, вскоре после основания города царская власть сменилась представительством богатых «патрициев». Нечто подобное наблюдается в Средние века в раннебуржуазных городских республиках. Недаром западные историки не раз давали Тиру и Финикии определение, вызывавшее резкую критику у их советских коллег: «античное капиталистическое общество».

Случались в Тире и восстания рабов. Так, римский историк Юстин сообщает: «Они, составив заговор, перебили весь свободный народ и господ и так, став хозяевами города, овладели очагами господ, вторглись в государственные дела, переженились и, хотя не имели на это права, объявили об освобождении рабов». Возможно, этот рассказ основан на каких-то реальных фактах. В богатстве и роскоши всегда зреют «гроздья гнева».

Конечно, богатства Тира и других городов Финикии не могли не пробуждать зависть и ненависть их соседей. Страницы пророческих книг Библии пестрят обличением «мерзостей Тирских» (Иез. 28, 2—5).

Город вызывал самые страстные и противоречивые чувства. Тир проклинали и... восхищались им. Тир ненавидели и... подражали его порядкам. Любопытно, что даже в арамейской Сирии в это время начинают поклоняться главному божеству Тира — Мелькарту. Около 850 года до нашей эры по приказу арамейского царя Бар-Хадада I близ Алеппо сооружают стелу, изображающую Мелькарта в облике бога грозы.

Мелькарт представлен на этой стеле в виде полуобнаженного мужа в коническом колпаке и с топором на плечах. Это — самое раннее его изображение, известное нам. В Тире подобного памятника не сохранилось.

На этой стеле имеется также надпись, восхваляющая Мелькарта и сделанная на финикийском, а не на арамейском языке. Возможно, полагает Ю.Б. Циркин, культ этот уже настолько укоренился в Сирии, «что не считался чужеземным». С другой стороны, близ Алеппо могла существовать торговая фактория финикийцев.

В самом Тире, разумеется, был храм Мелькарта. Он являлся одной из главных достопримечательностей города. Жрецы считали, что их святилище было возведено в XXVIII веке до нашей эры — при основании Фив. В центре храма, помимо колонн, находились также оливковое дерево и священный огонь. Полагают, что на месте колонн когда-то высились «священные камни», в образе которых почитался Мелькарт.

Хирам расширил этот храм и установил праздник «в честь пробуждения (то есть воскресения) Мелькарта». Праздник длился несколько дней. На это время из города удаляли всех иноземцев. Руководил праздничными церемониями царь.

Праздник состоял из четырех частей. Вначале под общий плач сжигали изображение Мелькарта. Затем золу хоронили. После это-

го жрица, — а, может быть, и царица, — вступала в священный брак со жрецом (или царем). Наконец, Мелькарт рождался заново. Во время праздника пели гимны и читали сказания о его делах.

Если храм Мелькарта известен нам хотя бы по описаниям античных авторов, то о других тирских храмах сохранились лишь самые отрывочные сведения. Мы даже не можем указать, где они находились. Где был храм Астарты, в котором лежал камень, упавший с неба? Где было святилище Баал-Шамима с золотой статуей? Мы не знаем даже, где был царский дворец в Тире, где находился царский некрополь и как велики были материковые владения Тира.

Раскопки Тира открывают нам сооружения арабской, византийской, римской эпохи, постройки времен крестоносцев, но археологи почти не находят ничего, что бы относилось к началу I тысячелетия до нашей эры. Здания того времени нещадно сносились и использовались позднейшим населением Тира в качестве строительного материала. Впоследствии, когда соседний Бейрут разросся, его жители использовали руины Тира в качестве каменоломни, разбирая местные постройки до основания. Землетрясения довершали беду. Сейчас облик древнего Тира почти не поддается реконструкции — так искажен он под бременем веков.

Теперь мы можем лишь мысленно представлять себе образ Тира, читая короткий очерк Страбона и сравнивая прочитанное с обликом современных городов. Несомненно, Тир напоминает Нью-Йорк хотя бы своим островным положением. Когда чужестранные корабли приближались к гавани Тира, их пассажирам открывалось величественное зрелище. Впереди, в голубом мареве, проступали невиданной высоты дома — небоскребы древнего мира. Такое же впечатление производил в двадцатые—тридцатые годы прошлого века и Нью-Йорк на всех, кто прибывал в него морем. (Одно время среди историков было популярно и другое сравнение: вслед за ливанцем М. Шехабом Тир называли «Лондоном древности».)

Впрочем, о высоте тирских небоскребов мы можем судить лишь приблизительно. Страбон писал, что они выше римских зданий, а в

Риме, по закону, нельзя было строить дома выше 21 метра. Таким образом, тирские здания были повыше нынешних девятиэтажек. В ту эпоху, когда мир был преимущественно одноэтажным, подобные дома казались колоссальными. Но время поглотило и их исполинские очертания.

...Постепенно «золотой век» подходил к концу. Понемногу Тир лишался своих владений. Уже в IX веке Библ опять стал самостоятельным. Там пришла к власти новая царская династия, которую основал Йехимильк. Сохранилась следующая надпись: «Да продлит владыка небесный, и владычица Библа, и собрание священных богов Библа дни Йехимилька и годы его (владычества) над Библом, ибо праведный царь и добродетельный царь перед лицом священных богов Библа он».

3.12. Сидон

К северу от Тира лежал Сидон. Расстояние между ними было невелико — как от одного конца Москвы до другого. Был Сидон так же прекрасен, но отличался красотой совсем другого рода. Он не был столь же эффектно украшен, как Тир, и был хуже его укреплен. Зато на весь мир славились его дворцы и виллы, окруженные пышными садами и утопавшие в зелени. Недаром греки называли Сидон «царством цветов», а персидский царь приезжал сюда отдыхать в свою резиденцию, названную «парадис». Она лежала посреди огромного сада. В окрестностях Сидона находились и резиденции персидских сатрапов и полководцев.

Располагался Сидон на берегу удобной естественной гавани, богатой рыбой. Само его название переводится как «место рыбной ловли». Очевидно, оно выдает род занятий первых жителей города.

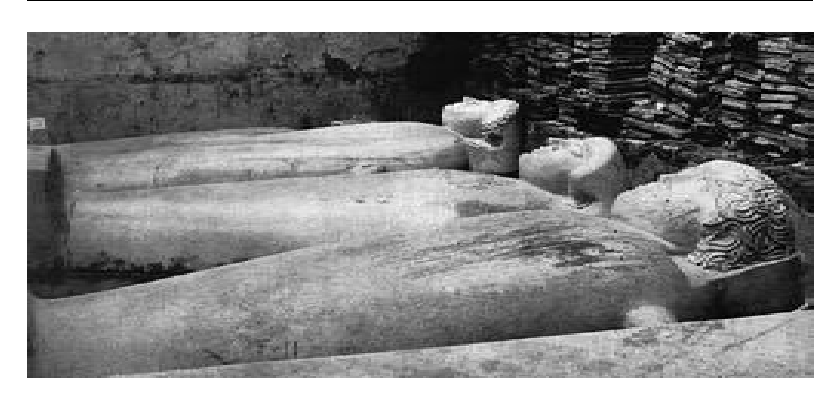
Сидон долго претендовал «на положение древнейшего города» Финикии. Недаром в Библии он назван «первенцем» Ханаана (Быт .10, 15). Город был основан на месте поселения, существо-

вавшего в IV тысячелетии до нашей эры. В бронзовом веке Сидон торговал с Угаритом и Месопотамией.

По словам Страбона, «предание изображает сидонян мастерами во многих изящных искусствах, как об этом ясно говорит и Гомер» («Илиада», XXIII, 741—745; «Одиссея», IV, 613—618). Известно, что сидоняне «занимались научными исследованиями в области астрономии и арифметики, начав со счетного искусства и ночных плаваний. Ведь каждая из этих отраслей знания необходима купцу и кораблевладельцу... Если верить Посидонию, то и древнее учение об атомах происходит от сидонянина Моха, жившего еще до Троянской войны» (Страбон). Говорилось даже, что астрономия и арифметика перешла к грекам от финикийцев.

Сидон: вид на город и Средиземное море

Антропоидные саркофаги из Сидона. V—IV вв. до н.э.

Раскопки в Сидоне принесли больше открытий исследователям финикийских древностей, нежели раскопки в Тире. Так, в 1855 году в Могхарат-Аблуне, к югу от Сидона, нашли отлично сохранившийся саркофаг, выполненный в египетском стиле. Надпись, высеченная на нем, гласила, что здесь похоронен Эшмуназар, царь сидонян, правивший в начале III века (по мнению ряда исследователей, в том числе Б.А. Тураева, — в VI—V веках до нашей эры):

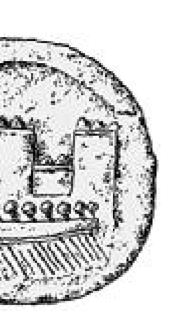
«Я был похищен безвременно, прожив считанные дни во славе, без отца, при матери-вдове... Я, Эшмуназар, царь сидонян… и моя мать, Амаштарт, жрица Астарты, владычицы нашей… построили храмы богам — храм Астарте в Сидоне, приморской стране, и мы поместили Астарту туда с величаньем; построили храм Эшмуну — святилище Эн-Инлал — на горе, и мы поместили его туда с величаньем. И мы построили храмы для богов сидонян в Сидоне, приморской стране: храм Баалу Сидона и храм Астартешем-Баал... Владыка царей (один из Птолемеев или один из персидских царей. — *А.В.*) дал нам… хлебные области великолепные... за великие деяния, которые я совершил, и мы присоедини-

ли их к пределам страны, чтобы они принадлежали сидонянам навеки» (пер. И.Н. Винникова).

Сейчас этот саркофаг хранится в Ливанском национальном музее археологии в Бейруте, так же, как и называемые «антропоидные» саркофаги из белого мрамора, найденные на окраине Сидона, и знаменитый «корабельный» саркофаг римской эпохи, на торцевой стороне которого имеется рельефное изображение одномачтового корабля с высокими бортами.

Впрочем, эти находки не позволяют воссоздать облик древнего города. На его месте лежит современный ливанский порт Сайда, что мешает проведению обширных археологических работ. Как отмечал Дональд Харден, мы скорее можем судить о Сидоне по ассирийским рельефам и изображениям на монетах, чем по результатам раскопок (на лицевой стороне некоторых сидонских монет изображена крепость, окруженная зубчатой стеной с башнями).

После Второй мировой войны французский археолог А. Пуадбар обследовал порт Сайды. Его работа облегчалась тем, что части древних портовых сооружений выступали над водой. Исследования показали, что сохранившиеся остатки конструкции относились к первым векам нашей эры. От древнейших портовых строений Сидона сохранились только части мощной башни (ее диаметр — 14 метров), прикрывавшей вход во внутреннюю гавань.

На сидонской монете (вторая половина V в. до н.э.) видны зубчатые стены, окружавшие город

Сидонский порт оказался устроен иначе, чем порт Тира. Внутренняя его часть была защищена от преобладающих юго-западных ветров мощными скалами. С севера порт был огорожен молом, напоминавшим молы Тира. Он немного не доходил до островка, где воз-

Набережная в современном Сидоне

вышается построенный крестоносцами «Замок моря». Узкий проход и был главным входом в древний порт. Между островом и берегом, где тянется песчаная отмель, имелся еще один вход в порт, однако он был таким мелким, что даже небольшие корабли не могли его миновать. Жители Сидона еще в древности прорыли здесь канал, чтобы обеспечить проход судам. Теперь он перекрыт дамбой, но следы этого канала обнаружены водолазами. Торговый порт Сидона находился в стороне от города — на острове, лежавшем к северу от него. В его районе обнаружены плохо сохранившиеся остатки мола.

Сидонский порт страдал от постоянных наносов песка, поэтому жители города соорудили целую систему каналов и бассейнов. При определенном направлении ветра во внутреннюю гавань прибывала чистая вода, а мутная стекала в отводной канал. Так, гавань очищалась сама собой.

Современный Сидон напоминает рыбацкую деревушку

Любопытно, что в 1935 году, когда акватория Сайды стала затягиваться, сужаться, здесь построили мол, защищавший гавань от подводного течения, приносившего песок. Правда, обойтись без современных землесосных снарядов все же не удалось. Каково же было изумление археологов, когда через несколько лет они обследовали подводные руины Сидона и открыли, что древние финикийцы, защищая свой порт, строили куда более сложные сооружения, чем те, что возвели в XX веке инженеры, работавшие в Сайде.

3.13. Нечестивый Ахав и финикийская Иезавель

В библейских исторических книгах финикиянка Иезавель, жена царя Ахава (871—852 гг. до н.э.), — один из главных отрицательных персонажей. Ее изображают и отчаянной интриганкой, и жестоким тираном, и хладнокровной стервой.

Так, когда израильтянин Навуфей, у которого виноградник был рядом с дворцом Ахава, отказался продать царю свой сад, именно Иезавель велела до смерти забить строптивца камнями, а потом сказала мужу: «Встань, возьми во владение виноградник Навуфея Изреелитянина, который не хотел отдать тебе за серебро; ибо Навуфея нет в живых, он умер» (3 Цар. 21, 15)

Когда пророк Илия поднял восстание против поборников чужеземной веры и велел: «Схватите пророков Вааловых, чтобы ни один из них не укрылся» (3 Цар. 18, 40), и когда все сторонники финикийцев были перебиты, Иезавель поклялась сделать с душой Илии то, «что сделано с душою каждого из них» (3 Цар. 19, 2). Спасаясь от гнева царицы, пророк бежал в соседнюю Иудею и укрылся в пустыне. По-видимому, он был убит, но его сторонники распустили слух о том, что «понесся Илия в вихре на небо» (4 Цар. 2, 11).

Именно в годы правления Иезавели и Ахава в Израиле был введен культ Ваала и Астарты. Сотни «пророков Вааловых» (жре-

цов-язычников) «прельщали» израильтян. Лишь семь тысяч мужей остались, как сказано в Библии, верны прежней вере. «Всех сих колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его» (3 Цар. 19, 18).

Стела Баалйатона, найденная в 1901 году к югу от Тира. Судя по головному убору, на стеле изображен финикийский священник

Самыми страшными проклятиями осыпали Иезавель библейские пророки. Так, пророк Елисей, призывая отомстить «за кровь всех рабов Господних, павших от руки Иезавели» (4 Цар. 9, 7), обещал, что «Иезавель же съедят на поле Изреельском, и никто не похоронит ее» (4 Цар. 9, 10).

Ее и впрямь ждала ужасная смерть. Была она выброшена из окна дворца евнухами и разбилась. «И брызнула кровь ее на стену и на коней, и растоптали ее» (4 Цар. 9, 33). Когда же приготовились погребать ее, «не нашли от нее ничего, кроме черепа, и ног, и кистей рук» (4 Цар. 9, 35). Так сбылось слово пророка.

Две с половиной тысячи лет прошло, а этот рассказ все еще пышет неугасимой ненавистью. Кто же была эта любительница «нарумянить лице свое и украсить голову свою» (4 Цар. 9, 30)?

Иезавель росла во дворце, где прежде жил тот самый царь Хирам, с чьей помощью и чьим

искусством был воздвигнут храм в Иерусалиме. Ее отец, Итобаал, был жрецом Астарты, но затем сам стал царем в Тире. Как и другие правители Тирской державы, он поддерживал дружеские отношения с израильтянами, чье государство давно уже распалось на два царства — Израильское на севере и Иудейское со столицей в Иерусалиме. Его распад лишил Тир важного политического союзника и торгового партнера. Доступ к Красному морю был потерян.

Израильский царь Амврий (Омри) (875—871 гг. до н.э.) стремился в неспокойное для Ближнего Востока время укрепить свою страну и заручиться дружбой с финикийцами, а для этого женил своего сына Ахава на дочери тирского царя, соединив династическим браком два государства. Подобный союз с Тиром был обусловлен внешними трудностями. Отпав от Иудеи и став самостоятельным государством, Израильское царство вплоть до правления Ахава постоянно сталкивалось с Иудеей.

Амврий правил из Самарии, новой столицы страны. Она господствовала над двумя важнейшими путями, один из которых вел на север, в Финикию, а другой на восток — от прибрежной средиземноморской долины к Иордану. Особое значение имели связи с Финикией, которые К. Кенион справедливо рассматривала как «последний всплеск финикийской цивилизации в Палестине».

«Самария, — пишет К.Кенион, — была обустроена как новый город, над которым доминировал царский квартал, изукрашенный мастерством финикийских ремесленников. Археология дает лишь дразняще отрывочные представления о нем, поскольку последующие постройки уничтожили его почти полностью, но мы можем мысленно реконструировать картину двора Ахава и Иезавели, роскошь которого возбуждала такой гнев пророков».

Красавица Иезавель, выросшая в одном из самых «открытых» городов мира, казалась «белой вороной» в провинциальной Самарии. Ведь к Иезавель как нельзя лучше подходят следующие слова советского историка И.П. Вейнберга: «Древневосточному... горожанину были свойственны известный динамизм, проявлявшийся в

значительной восприимчивости к новому, к «чужому»... заметный гедонизм,.. явная интеллектуальность, о которой свидетельствует настороженно-критическое отношение ко многим традиционным ценностям».

Ахав, храбрый солдат и хороший военачальник, был настолько захвачен умом и обаянием жены, что полностью подпал под ее влияние. Он решил просветить свой народ и привить ему новую религиозную культуру. «И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии» (3 Цар. 16, 32).

Сам Ахав, впрочем, продолжал веровать в Яхве, но делал все, чтобы расположить к себе влиятельную общину финикийцев, проживавшую в Самарии. Местом поклонения финикийским богам стал храм Мелькарта в Самарии («капище Ваалово»). Порядки, введенные «нечестивым Ахавом», обрадовали финикийцев, а вот израильтяне возмутились. Их общее мнение выразил пророк Илия: «Возревновал я о Господе Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили жертвенники Твои и пророков Твоих убили мечом» (3 Цар. 19, 14).

Однако Ахав думал совсем о другом. Все его мысли занимала Ассирия. Грозный царь Ашшурнасирпал II (883—859 гг. до н.э.) шел войной на соседние страны. Угрожал он и Израилю. Готовясь к возможной войне, Ахав укреплял союз с Финикией. В ожидании войны он примирился в 868 году до нашей эры с Иудейским царством и выдал свою сестру Аталию (Гофолию) за наследного принца Иорама.

В то же время царь Ахав много занимался строительством. Он велел укреплять города, сооружать амбары, конюшни и водопроводы. Не забывал царь и об украшении столицы. Так, он расширил дворец своего отца, Амврия, и возвел знаменитый «Дом из слоновой кости» (3 Цар. 22, 39), где поселился вместе с женой — Иезавель. Дворец Ахава мало в чем уступал роскошным дворцам ассирийских царей. Работы искусных резчиков по слоновой кости — изящные плитки — украшали помещения дворца и мебель. Очевидно, именно благодаря своей необычной внутренней отделке этот дворец получил такое название.

В 853 году до нашей эры сын Ашшурнасирпала и его преемник, Салманасар III (859—824 гг. до н.э.), попытались подчинить себе всю Сирию и Палестину. Тогда израильский и иудейский цари объединились с арамейским правителем Венададом II и победили ассирийцев в долине Оронта. Перед той битвой Ахав выставил десять тысяч воинов и две тысячи боевых колесниц — чуть ли не половину всех войск союзников.

Однако Ахав был, пожалуй, самым противоречивым израильским царем. При нем Израиль стал одним из сильнейших государств Ближнего Востока, но даже победа над ассирийцами не принесла Ахаву всенародной любви. Виной тому была внутренняя политика, проводимая им. Он «делал... неугодное пред очами Господа более всех бывших прежде него» (3 Цар. 16, 30).

Народ отнесся к его начинаниям совсем не восторженно. Страна оказалась во власти богатых финикийских купцов. Израильские крестьяне нищали и вынуждены были продавать свою землю, переселяясь в города. Все чаще они проявляли недовольство, а иноземная царица стала объектом их ненависти. Среди знати также нашлось немало консервативно настроенных людей. Все они мечтали о возврате к прошлому, к традиционным ценностям израильского народа. Особенно же возмущена была новыми порядками влиятельная каста жрецов. В стране, где процветало лишь капище Ваала, эти священники были никому не нужны.

В принципе финикийская религия была не внове для израильтян. Еще их отцы и деды могли, будь на то желание, веровать в Баала. Так, во времена царя Соломона израильтяне, помимо Яхве, вправе были поклоняться самым разным богам: «Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской... Хамосу, мерзости Моавитской... и Молоху, мерзости Аммонитской» (3 Цар. 11, 5—7).

Разумеется, и тогда пророки Израиля не одобряли многобожие. Однако пока цари твердо правили страной, их противники могли

лишь тайно возмущаться происходящим. Все изменилось со смертью Ахава, всегда и во всем защищавшего Иезавель.

Через несколько лет после кончины царя его противник, пророк Елисей, помазал на царствование военачальника Ииуя (845—818 гг. до н.э.), промолвив: «Погибнет весь дом Ахава» (4 Цар. 9, 8). Так и случилось. Сторонники пророка выбросили царицу Иезавель в окно. Так окончила свои дни самая знаменитая финикиянка.

Ииуй же со сторонниками пошел «в город, где было капище Ваалово. И вынесли статуи из капища Ваалова и сожгли их. И разбили статую Ваала, и разрушили капище Ваалово... И истребил Ииуй Ваала с земли Израильской» (4 Цар. 10, 25—38). И финикийская вера никогда уже не возвращалась на эту землю. Все отношения с финикийскими городами были прекращены. Ассирийскому же царю Ииуй стал выплачивать каждый год дань, получив за это некоторую самостоятельность.

«В первой половине IX века до нашей эры, — комментирует те бурные события Ю.Б.Циркин, — в еврейском обществе началось движение за признание Йахве не только верховным богом евреев, но и вообще единственным истинным богом... Окончательно еврейский монотеизм утвердился позже. И со времени его утверждения говорить об общности религиозных представлений евреев и финикийцев уже не приходится».

3.14. Пробираясь в капище Ваалово

Что же представляла собой религия, отвергнутая израильтянами? В кого верили финикийцы?

К сожалению, мы знаем о культах и религиозных ритуалах финикийцев меньше, чем о религии многих других народов древности, — в основном потому, что собственно финикийская литература до нас не дошла. Мы вынуждены восстанавливать облик финикийской религии по сообщениям античных авторов, по библейским книгам и текстам, найденным при раскопках Угарита. В этих текстах изложена угаритская мифология, родственная финикийской. Финикийцы почитали практически тех же богов, что и угаритяне. Лишь имена их произносили иначе. Так, угаритского бога Илу они называли Элом, а Балу — Баалом.

Еще одна проблема, мешающая нам понять исконную финикийскую религию, заключается в том, что мы не можем отличить истинно финикийские элементы от заимствований из других культов. Длительное господство Египта привело к тому, что финикийцы испытали сильное влияние египетской религии.

В Финикии почитали множество самых разных богов, чьи имена, как правило, свидетельствовали об их могуществе: Эл («Бог»), Баал («Хозяин»), Милк («Царь»), Адон («Господин»). Подлинное имя божества финикийцы боялись произносить, считая, что прогневают его. Кроме того, назвать бога по имени значило призвать его к себе. Смертный же не может лицезреть бога; он непременно погибнет, увидев его.

Таким образом, мы не знаем доподлинно названий многих финикийских богов. Например, верховный бог именовался просто «Богом». Его супруга звалась «Богиней» (Элат). Другие боги назывались «Царями» (Малк или Милк) или «Хозяевами», «Владыками» (Баал).

Сфера власти любого баала была ограничена; он хозяйничал на определенной территории, — например, властвовал над страной или городом, повелевал судьбой племени или народа или же правил некой стихией. Среди богов мы находим и «Владыку севера» (Баал-Цафон), и «Хозяина неба» (Баал-Шамим), и «Хозяина жара» — бога солнца (Баал-Хаммон). Каждый клочок земли, каждый ручей, каждое дерево имели своего владыку. Божественные покровители имелись у каждого города.

Для современных историков утаивание имени богов весьма затрудняет исследование финикийской религии. Как признавал Ю.Б. Циркин, «ни в одной области истории финикийской культуры нет столько неопределенностей и гипотез, иногда совершенно не-

доказуемых, сколько в истории финикийской религии конца II—I тысячелетия до нашей эры… Сам характер источников, до нас дошедших, и их фрагментарность не позволяют до конца постичь религию финикийцев».

Отсутствие политического единства в Финикии лишь увеличивало число почитаемых богов и богинь. Раздробленность страны находила свое отражение в религиозной обособленности. Каждая община имела своих божеств-покровителей, чаще всего триаду богов — верховного бога с супругой и сыном. По мнению Ю.Б. Циркина, появление подобных триад «объясняется, скорее всего, перенесением на божественный мир представлений о минимальном количестве членов семьи — мать, отец, ребенок». Это придавало верованиям определенное своеобразие, некий местный колорит. Самобытность культа вполне соответствовала самостоятельности городов-государств.

Такие триады имелись в ряде городов: в Тире, Сидоне, Арваде, Библе. Например, в Библе среди руин храма Баалат найдены три колоссальные фигуры божеств. По надписям установлено, что в бронзовом веке третьим великим божеством в Библе, наряду с Баал-Шамимом (Баал-Шамемом) и Баалат, был Решеф.

В Тире в VII веке до нашей эры существовала следующая троица богов: Баал-Шамим, Баал-Малаки и Баал-Цафон. Так, в договоре тирского правителя с ассирийским царем Асархаддоном сказано, что в случае нарушения договора тирийцами эти боги «поднимут свирепый ветер на их корабли... лишат их снастей, вырвут их якоря, а их самих потопят в море великой волной потопа».

Баал-Шамим считался владыкой небес и возглавлял список богов в Библе, Тире, Карфагене, но не пользовался особой популярностью у местных жителей. В X веке до нашей эры тирский царь Хирам воздвиг в его честь золотую колонну. Баал-Малаки считался морским божеством. В честь него, возможно, был назван один из финикийских городов в Испании — Малага. Баал-Цафон был в этой троице самым почитаемым богом. В сирийском Угарите его называли Силачом Балу, а его дворец находился на горе Цафон (Цапану).

Лишь некоторые боги почитались за пределами своей общины, например, Астарта, Йариху, Йево. Так, известны были Астарта Сидонская и Астарта Тирская.

Морские боги, в том числе Йево, особенно почитались в Беруте. Имя этого бога явно напоминает ветхозаветного Йахве (Яхве). Сходны были и их занятия: Йево правил бурным морем, а Йахве первоначально был богом бури.

Со многими божествами были связаны тотемические представления: либо их самих отождествляли с животным, растением или предметом (например, Эла уподобляли быку), либо те становились атрибутами бога.

Боги древней Финикии были во многом подобны человеку. Они любили собираться вместе и пировать, наслаждаясь мясом и вином. В свою очередь, люди могли обращаться к богам и нуждались в них. Они возводили для них жилища — храмы Божьи, — радовали их песнопениями и приносили им жертвы и дары.

По-видимому, высшим существом был Эл. Он царствовал, но не управлял. Он был самым могущественным богом и в то же время менее других богов проявлял внимание к тому, что творилось на земле. Он властвовал над всей землей, но вот отдельными территориями, народами или явлениями управляли другие боги, которым он поручил эту власть. А потому популярность Эла — «бога далекого и равнодушного» — у финикийцев была невысока. В I тысячелетии до нашей эры его почитают лишь в Беруте и Библе — городе, который, как считалось, был основан Элом. У Эла четыре глаза (по два спереди и сзади) и четыре крыла, два из которых сложены. Он одновременно спит и бодрствует: два глаза у него открыты, а два закрыты. Можно отметить, что еврейский бог Йахве отождествлялся именно с Элом. В Книге Бытия он буквально назван Высшим Элом, Творцом неба и земли.

Среди различных ипостасей Баала наиболее известны две — Адонис (так его называли в Библе) и Мелькарт (в Тире). Мы поговорим о них отдельно. Не менее популярен был у финикийцев Эшмун. Он считался богом-покровителем Сидона. Около Сидона, у источника Йидлал, находилось одно из самых знаменитых святилищ Эшмуна. Оно занимало площадь в 3500 квадратных метров и достигало высоты 20 метров. Его украшали колонны с резными основаниями и капителями. Развалины его были открыты в 1901 году в шести километрах от древнего Сидона. Согласно надписям, найденным здесь в 1901—1904 годах, храм построен по повелению Бодастарта, преемника упомянутого выше Эшмуназара.

По сохранившимся руинам можно судить о замысле древних зодчих. Храм высился на левом берегу реки Эль-Авали, возносясь над всей окружающей местностью. Рядом имелись небольшие культовые постройки. Древнейшая из них — бассейн, выложенный из камней. Посредине его было изображено божество. Вода в бассейн поступала в основном по подземному каналу. Здесь была устроена сложная водопроводная система. Мозаичные полы, выложенные в эллинистическую или позднее, — может быть, в византийскую эпоху, придавали святилищу нарядный, веселый вид.

Эшмун был связан с миром смерти и воскресения. Он излечивал от смерти, а если не побеждал ее, то помогал душе умершего обрести блаженство и избавиться от страданий. Эшмун и сам пережил смерть. По легенде, он был юным, прекрасным охотником. Спасаясь от Астарты, воспылавшей к нему страстью, он кастрировал себя и погиб, но богиня с помощью животворящего тепла воскресила его и сделала богом. Таким образом, Эшмун отчасти напоминает Адониса. Его культ был широко распространен в финикийском мире. В Карфагене Эшмун занимал центральное место.

У финикийцев были популярны имена, составной частью которых являлось имя Эшмун: Эшмуназар («Эшмун помог»), Эшмунхалас («Эшмун спас»), Эшмунамас («Эшмун исцелил»).

Священным животным Эшмуна считалась змея, весьма почитаемая финикийцами. Позднее греки отождествили его с богом-целителем Асклепием, а римляне — с Эскулапом. Так, Страбон сообщал, что между Берутой и Сидоном находится роща Асклепия, подразумевая Эшмуна.

Храм Эшмуна — лишь одно из множества святилищ, украшавших когда-то Финикию. Все они были устроены примерно по одному и тому же плану, хоть и не с таким размахом. Обычно финикийский храм — «капище Ваалово» — представлял собой площадку, расположенную под открытым небом. В центре ее либо находилось помещение, где, как веровали, обитало божество, либо лежал священный камень «бетил», или «бет-эл» («дом бога»), либо было то и другое вместе.

Жители Финикии издавна почитали камни или каменные столбы, хотя своих богов они вообще-то представляли антропоморфными существами. Очевидно, финикийцы видели в каменных столбах и камнях опоры неба. Во время своих путешествий они воздвигали бетилы в наиболее важных местах: на берегу бухт, на островах и скалах. Возможно, некоторые из бетилов были метеоритами. Так, эллинистический писатель Филон Библский, ссылаясь на финикийского историка Санхунйатона, упоминает камень, упавший с неба, который якобы нашла Астарта и посвятила тирскому храму: «Обходя вселенную, она нашла упавшую с неба звезду и, подняв ее, освятила в Тире, на святом острове».

Помимо камней или столбов, в храме имелся также священный источник или бассейн. По такому плану строились храмы во всех финикийских городах, а часто и в соседних странах за их пределами.

Рядом с храмом непременно был двор; в нем находился алтарь, а иногда росло священное дерево. Само здание стояло в глубине двора и состояло из вестибюля, храмового помещения (целлы) и Святая святых, куда мог войти лишь жрец. Помещения храма возводились на высоком фундаменте. Внутрь вели лестницы. Храм

На этой монете, датируемой III веком нашей эры, изображено одно из тирских святилищ. Надпись на монете гласит: «Умащенные амброзией»

был огорожен и считался домом бога. Сам бог присутствовал в храме в виде статуи или священного камня. В храмах хранились священные тексты. Их читали перед публикой в дни религиозных празднеств. Высокий порог храма разделял мир «светский» и мир божественный.

Святилища, сооруженные в финикийских городах, чаще всего были небольшими и простыми по схеме. Кроме того, финикийских богов почитали не только в храмах. Верующие могли поклоняться священному камню, дереву или источнику. Так, в горах Ливана почитали источник, в который, как считали, пролилась кровь Адониса. Существовали также священные леса вроде «рощи Асклепия», упомянутой Страбоном.

Собственно обителью богов считались горы, на что указывают сами имена богов: Баал-Цафон, Баал-Ливан (Баал-Лебан), Баал-Кармел. Исстари горы играли важную роль в финикийской религии. Люди взбирались на горные кручи, чтобы принести жертвы богам — прежде всего, Баалу. Следы древних святилищ и поныне встречаются там. Устроены они просто: алтарь, высеченный в скале, и несколько углублений — для жертв, приносимых богу. Будущий римский император Веспасиан, побывав в I веке нашей эры на священной горе Кармел, удивился, что там нет ни статуи, ни храма, а только алтарь на открытом воздухе.

Иногда имелся грот, служивший, очевидно, оракулом. По сообщению римского историка Светония, Веспасиан обратился к оракулу горы Кармел, «и ответы его обнадежили, показав, что все его желания и замыслы сбудутся, даже самые смелые» (пер. М.Л. Гаспарова). В гроте Васта между Тиром и Сидоном обнаружены различные культовые предметы и надписи на стенах, сделанные людьми, приходившими в пещеру узнать волю богов. Подобные святилища найдены также в Испании и на Сицилии, близ Палермо. Каждое из них имело свою необычную историю, свою особую легенду.

Отправляясь поклониться богам, люди старались задобрить их приношениями и дарами. Боги любили щедрость и благоволили дарителям. В жертву богам приносили крупный и мелкий скот — коров, овец, коз, оленей, а также различных птиц. Животных обмывали, кормили и под звуки флейты торжественно вели к алтарю. Здесь их убивали и сжигали на алтаре (можно было сжечь какую-то часть животного). По словам финикийского философа Порфирия, «жертвенники обливались кровью жертв ежедневно», при этом на них горело негасимое пламя. Сжигая жертву, жрец бросал на алтарь пахучие зерна и произносил молитву. Вместо животного можно было возложить на жертвенник продукты садов и полей: зерно, фрукты и овощи. В дар богам приносили также вино, молоко, мед, лепешки. Принесенные дары жрецы сжигали на алтарях или поедали, причем порой трапезу разделяли с ними сами жертвователи. Считалось, что в пиршестве принимает участие и бог — незримый, но особо почитаемый сотрапезник. Со временем утвердились более точные правила в проведении ритуала. Следуя им, определенную часть жертвы сжигали, другую — отдавали жрецу, а еще что-то жертвователь мог взять себе.

Часто богам дарили статуи или стелы с указанием своего имени. В особом сосуде можно было сжечь в честь бога ароматическое вещество.

Жертвоприношения были важнейшей частью служения богу. Обычно их совершали профессиональные жрецы. Иногда это делали цари, а во время войны — полководцы. Среди приносивших жертву было много моряков, только что вернувшихся из дальнего плавания.

За проведение церемониала взималась определенная плата. Сохранился, например, текст, в котором говорится, что «за каждого быка, является ли он искупительной жертвой, умилостивительной

Финикийская богиня. Обращает на себя внимание ее характерная египетская прическа

жертвой или же жертвой всесожжения, жрецу полагается 10 мер серебра за каждую».

В исключительно важных случаях финикийцы приносили в жертву людей, но об этом особый рассказ.

Лишь немногие финикийские храмы исследованы. Стоит упомянуть водное святилище в Амрите, относящееся к VI—V векам до нашей эры. Оно обустроено на скале и, хоть занимает площадь 13 квадратных метров, кажется величественным, поскольку возвышается на постаменте, расположенном посредине бассейна, а тот высечен в скале. Бассейн постоянно пополняется водой, притекающей из источника, что находится в соседнем гроте. Целла, закрытая с трех сторон, окружена венцом из зубцов. Верхняя часть святилища является квадратной в плане. Алтарь же его находился в небольшой пристройке, вдававшейся в бассейн с северной стороны здания. Сбоку от входа стояли две башни. Вероятно, храм был посвящен богу-врачевателю, а в бассейне совершали омовения больные люди.

Любопытен найденный в Амрите каменный рельеф, изображающий Баала (он датируется примерно IX веком до нашей эры). В нем заметно влияние различных соседних культур. Бог облачен в египетскую одежду, но — в соответствии с традициями Передней Азии — изображен стоящим на льве. Над Баалом виден египетский крылатый диск Солнца — мотив, получивший популярность и в искусстве Передней Азии.

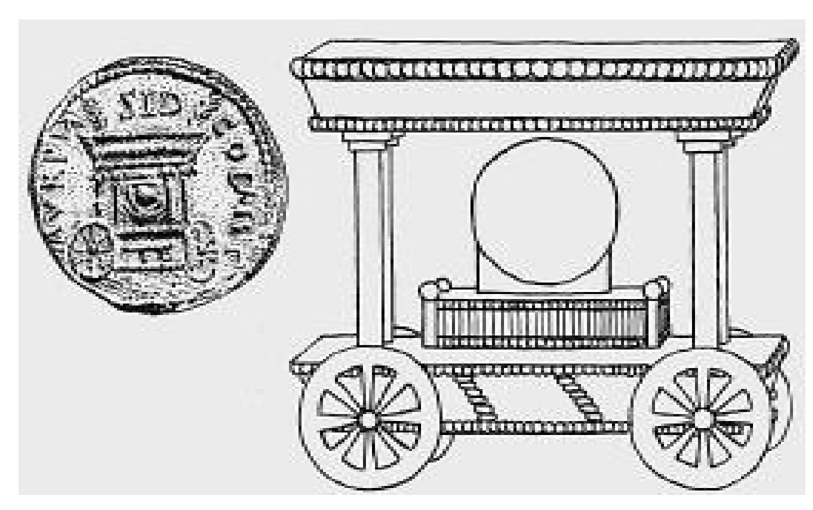
В самом Египте в период Нового царства получил распространение культ Баала. Сохранился египетский магический текст, в котором дух зла заклинают словами: «Да поразит тебя Баал кедровым деревом, что в руке его!»

В Библе пользовался популярностью храм Решефа — бога огня, пламени и света, а также бога войны, бури и благодатного дождя. Само его имя означает «пламя», «молния», «искра». В то же время «владыка стрел» Решеф насылал на людей эпидемии. Изображали его в виде юноши с луком. Греки отождествляли его со своим богом-светоносцем Аполлоном, ведь тот был одновременно и богом солнца, и божеством, навлекающим болезни: его золотые стрелы не знали промаха, сражая любого. Вероятно, храм Решефа — «храм обелисков» — оставался действующим вплоть до эллинистической эпохи.

В Библе почиталась также богиня любви и плодородия, чье подлинное имя нам известно — Астарта (Аштарт). Как и вавилонская Иштар, она была также богиней войны. Часто ее называли «Повелительницей» (Баалат). Она относилась к древнейшим семитским божествам. Вероятно, в глубокой древности она считалась Великой матерью богов.

Известны многочисленные статуэтки Астарты, где она изображена обнаженной с явно выделенными признаками пола. Обычно она сжимала руками грудь или сидела на троне. В Финикии такие фигурки встречаются уже в XVIII веке до нашей эры.

Астарта была ближе к людям, чем непостижимый Эл. Ей молились в надежде на урожай; ее просили даровать детей и долгую жизнь. Она считалась главным божеством сидонского пантеона. Ее храм был главным городским святилищем. На монетах, которые чеканили в Сидоне в римскую эпоху, изображена священная повозка Астарты Сидонской, предназначенная для торжественных процессий. Внутри повозки располагался трон богини.

Священная повозка Астарты Сидонской.
Изображение на медной монете, отчеканенной во время правления римского императора Элагабала в 219—220 гг. до н.э.

Подобные каменные троны были найдены в Библе и Тире. Тир также являлся одним из центров почитания Астарты. Благодаря тирским колонистам культ этой богини распространился по всему Средиземноморью. В Греции с ней отождествили Афродиту.

Древние евреи долго поклонялись Астарте. Они стали почитать ее вскоре после смерти Иисуса Навина, и еще в VII веке до нашей эры иудейский царь Манассия поставил статую Астарты в иерусалимском храме Йахве (4 Цар. 21, 3—9). Лишь его внук, Иосия, велел сжечь статую.

В принципе древнееврейская религия до утверждения у израильтян единобожия была очень схожа с финикийской. Израильтяне усвоили многие мифы и легенды ханаанеев и, в частности, финикийцев, и переняли многие их обычаи. Следы финикийских верований нередко встречаются на страницах книг Ветхого Завета.

Израильтяне, исповедовавшие достаточно примитивный культ Яхве, часто пленялись финикийской религией и начинали поклоняться Ваалу. Вера в чужих богов лишала их самобытности. Лишь самыми строгими мерами удавалось удержать их от «грехопадения». Так почитание незримого Господа сплотило разрозненные племена израильтян.

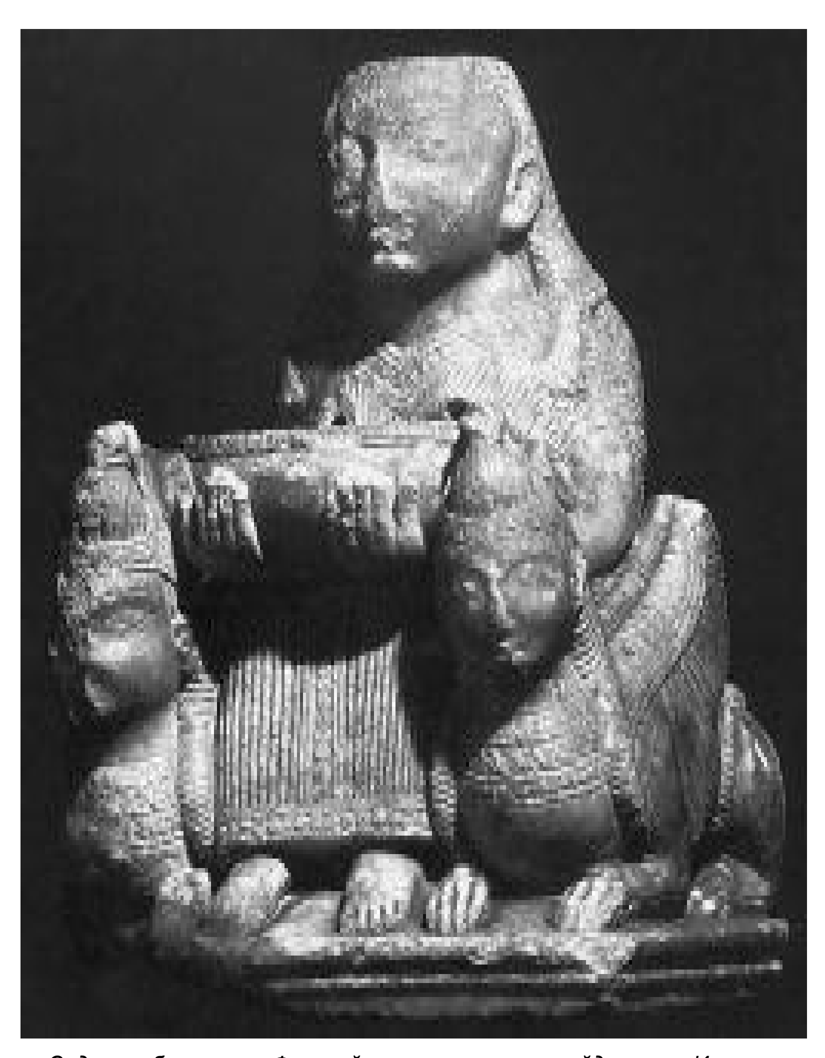
Благодаря торговым контактам финикийцев их вера распространилась по всему средиземноморскому региону. Впоследствии греки и римляне нередко отождествляли финикийских божеств со своими богами. Так, отец богов Эл был уподоблен греческому Крону. Других двойников мы уже назвали: Эшмун-Асклепий, Астарта-Афродита, Мелькарт-Геракл.

В свою очередь, финикийцы заимствовали чужих богов, например, египетских Хатхор и Исиду. Культ последней стал общенародным. Ей поклонялись и финикийские колонисты в Центральном и Западном Средиземноморье.

В греческую и римскую эпоху финикийцы начинают почитать прежних богов как различные ипостаси бога Зевса: например, Баал-Цафона стали называть Зевсом Кассием.

Можно подвести некоторые итоги. Для финикийской религии характерны следующие черты: почитание умирающего и воскресающего бога земледельцев; второстепенное положение верховного бога Эла; исключительная активность богини-охотницы и богини любви; победа главного божества над своими противниками, в том числе над богом, олицетворявшим морскую стихию, осознавалась как победа доброго начала над злым. Эти особенности их верований хорошо видны на примере приводимых ниже «биографий» таких популярных богов, как Адонис и Мелькарт.

Финикийская религия существовала на протяжении многих веков. Окончательно она исчезла только после победы христианства, а в некоторых регионах — ислама.

Сидящее божество. Финикийская скульптура, найденная в Испании

Говоря о финикийской религии, нельзя не упомянуть некоторые обряды, в частности погребальные ритуалы. В Финикии было принято хоронить умерших, а не кремировать. Перед похоронами тело покойника обмывали, одевали в лучшие одежды, натирали благовониями и украшали драгоценностями. Хоронили умерших в пещерах, каменных гробницах, вырубленных в скале, или специально вырытых колодцах. Их глубина достигала шести и более метров; известны случаи, когда колодец уходил вглубь на 20, а то и 30 метров. Очевидно, так надеялись защитить захоронение от грабителей. Погребальная камера располагалась в стороне от колодца; к ней вел небольшой коридор. Иногда саркофаг устанавливали прямо на дне колодца. Случалось, что хоронили людей и в мелких могилах. Под землей устраивали также семейные склепы, но обычно могила предназначалась для одного человека и лишь изредка — для двоих: мужа и жены.

Древние могилы были особенно глубокими. Возможно, финикийцы боялись, что мертвецы превратятся в злых духов, а может быть — защищали погребения от грабителей. Кладбище находилось неподалеку от города и часто располагалось на склоне холма. Если город лежал на берегу реки, то оно располагалось на другом берегу. В любом случае могилы находились в отдалении от жилищ. В могилы клали керамические или металлические сосуды с едой и питьем, сосуды с благовониями, гребни, ложки, лезвия, светильники, предметы одежды и покрывала. Среди других находок — ювелирные украшения, амулеты, маски, ритуальные статуэтки. Как отмечает английский историк Дональд Харден, «в ранних погребениях артефактов гораздо больше, чем в поздних».

Обилие погребальных принадлежностей не должно удивлять. Вероятно, финикийцы считали, что у человека две души: духовная и растительная. Первая — это дыхание, которое исчезает из тела в момент смерти. Сопровождаемая Эшмуном, эта душа направляется в царство богов. А вот растительная душа остается в теле после смерти и требует еды, питья и света. Поэтому непременным атри-

бутом финикийских погребений были столовая посуда, съестные припасы, кувшины с питьем и лампа. Иногда вместо настоящей еды оставляли ее глиняные изображения, помещали также амулеты, чтобы отогнать злых духов. Часто это были изображения демонов с искаженными чертами лица. Особенно популярны были амулеты с изображением кривоногого карлика Беса — египетского божка, полюбившегося финикийцам.

Они, кстати, часто прибегали к магии. При постройке дома клали в фундамент бронзовые фигурки скорпионов, чтобы защититься от ядовитых насекомых. Носили пластинки с записанными на них заклятиями и амулеты, защищавшие от злых сил.

Для своих царей финикийцы строили подземные гробницы. Тело царя лежало в саркофаге. В I тысячелетии до нашей эры возникла мода на антропоидные саркофаги, повторявшие очертания человеческого тела и передававшие черты лица. Мода на подобные саркофаги пришла из Египта.

Гробы царей и других знатных людей были снабжены проклятиями, адресованными будущим грабителям, готовым ради драгоценностей осквернить чужой прах. Так, на антропоидном саркофаге Табнита (VI в. до н.э.), царя Сидона, красовалась пространная надпись, сообщавшая, что внутри нет ни золота, ни серебра, «только я лежу в этом гробу». Если же «ты посмеешь открыть ее и потревожишь меня, пусть не будет у тебя ни потомства под солнцем… ни отдохновения с мертвыми».

Случись такое, что грабитель был человеком неграмотным, то его могли отпугнуть хотя бы буквы надписи — таинственные значки, способные навлечь проклятие богов. Впрочем, сами участники погребения, кажется, не очень-то доверяли силе проклятий и предпочитали хоронить своих умерших в сложно устроенных шахтных гробницах, проникнуть в которые было делом трудным.

В древности, опасаясь грабителей, даже избегали ставить надгробия. Впоследствии над могилой водружали стелу или памятный камень, а некоторые возводили для умерших целые «мавзолеи».

Жители западных финикийских колоний долгое время кремировали своих умерших. Этот обычай принесли в страны Средиземноморья в XII веке до нашей эры варвары. В различных районах Сирии и Турции обнаружено множество кладбищ с кремационными захоронениями, датируемыми XII—VII веками до нашей эры. В Палестине подобные некрополи встречаются в VIII—VII веках. В Карфагене этот обычай появляется в VII веке, — а, возможно, и ранее. Через некоторое время он был забыт и возродился — под влиянием греков — лишь в III веке до нашей эры, хотя карфагеняне теперь все-таки чаще хоронили покойников в могилах.

3.15. «Христос» у реки Ибрахим

В Библе самым популярным богом был Адонис. Страбон говорит, что Библ посвящен этому богу. Неподалеку от города показывали могилу Адониса. Его имя чисто семитское и означает «Господь» или «Мой господь». Так финикийцы обращались порой к богам, боясь назвать их по имени. Родственные финикийцам по языку и культуре израильтяне также называли своего Бога «Адонай».

Вот как звучит легенда об Адонисе в пересказе Ю.Б. Циркина: «Баалат-Гебал была царицей Кипра. Сначала она полюбила воинственного бога, а затем влюбилась в юного пастуха и охотника [Адониса]... и, покинув Кипр, направилась в Финикию, в город Библ, который тогда был самым сильным городом этой страны… Завистливый и ревнивый супруг Баалат-Гебал принял облик огромного свирепого кабана. [Адонис], встретив кабана невиданного размера, бросился на него. Кабан увлек [Адониса] в чащу на крутом склоне горы и напал на него. Справиться с ним [Адонис] не мог. Кабан разорвал [его] на части. Баалат-Гебал долго искала своего возлюбленного и наконец нашла его останки. Она собрала их и похоронила в Афке, у истоков реки Адонис, протекавшей к югу от Библа». После этого богиня осталась в городе и стала его «хозяйкой». Адониса же она воскресила. Таким образом, Адонис, вернувшийся из

подземного царства, символизирует природу, умирающую осенью и воскресающую весной.

По предположениям ученых, Адонис первоначально был божеством деревьев. Любопытно, что богом деревьев был и Осирис, чей культ издавна был связан с Библом. Греческий писатель Лукиан и некоторые другие авторы решительно отождествляют Адониса с Осирисом.

Адониса почитали в священных рощах и садах. Эти сады были моделями божьего жилища. Считалось, что бог живет в саду вместе с теми, кого поселил там. Это поверье напоминает знаменитое библейское предание: «И насадил Яхве-Бог Сад в Эдеме, на востоке, и поместил там Человека, которого сотворил» (Быт. 2, 8; пер. И.Ш. Шифмана). Первые люди, жившие в Эдеме, слышали

Финикийское скальное святилище, находившееся близ устья реки Ибрахим

«голос Яхве-Бога, прохаживавшегося в Саду, по ветру дневному» (Быт. 3, 8; пер. И.Ш. Шифмана). Очевидно, Райский Сад был примером традиционной для семитов священной рощи, в которой обитал бог Яхве.

Культ Адониса, хотя имя его не встречается в собственно финикийских текстах, был распространен по всей Финикии. Жители Беруты считали, например, что их город основан Бероей — дочерью Адониса. Повсеместно справлялись ежегодные праздники в его честь, на которые стекались гости даже из соседней Сирии.

Главное празднество проходило в конце лета в местечке Афка, у истока реки Ибрахим (кстати, вплоть до средних веков ее называли рекой Адониса). Источник пробивался из-под земли под сводами огромной пещеры. Считалось, что именно в ней Адонис умер от ран. Словно в подтверждение, вода в реке иногда окрашивалась в кровавый цвет. Река словно бы несла кровь убитого бога в море. Это сейчас ученые понимают, что поток периодически размывает краснозем. В древности же люди верили, что в водах реки проступает кровь убитого Адониса. Появление «крови» знаменовало начало праздника. В эти дни на небе восходила звезда Сириус, а с моря начинали дуть сильные ветры. Город погружался в траур.

Процессия паломников, отправившаяся из Библа, в течение трех дней достигала Афки, находившейся примерно в полусотне километров. Там же, в Афке, располагался храм Баалат. Торжественная процессия поднималась по склону Ливанских гор, повторяя скорбный путь Адониса. Многие бичевали себя. Женщины обрезали волосы. Все молили бога о воскресении. Люди возлагали на его «могилу» цветы и фрукты, оплакивали его смерть. Траур продолжался три дня, пока из Египта не приходила весть о воскресении Адониса, а затем все бурно радовались возвращению божества к жизни и начавшемуся обновлению природы. Из гробницы извлекали изображение бога и торжественно выносили на улицу. Вновь шли толпы людей; звучали радостные гимны.

Легенда об Адонисе укоренилась и в греческой мифологии. Богиня Афродита влюбляется в юного героя. Из ревности бог войны Арес насылает на юношу дикого вепря, и тот убивает его, смертельно раня громадными клыками. Греки почитали Адониса, включив его в сонм своих богов. В честь него устраивали пышные праздники. По Гесиоду, Адонис был сыном Финика, прародителя финикийцев. Возможно, греки заимствовали этот миф еще во II тысячелетии до нашей эры, когда стали плавать на Кипр и в Библ.

Во II веке до нашей эры праздник в честь Адониса устраивают и в Александрии, полагая, что он — тот же египетский Осирис, супруг богини Исиды. Подобный праздник проводился также в Афинах и сирийской Антиохии. По сообщению римского историка Аммиана Марцеллина, жители Антиохии еще в середине IV века нашей эры плакали и стенали по Адонису.

Можно отметить, что среди всех ближневосточных богов, пожалуй, Адонис своей трагической судьбой более всего напоминал Иисуса Христа, которому также уготованы были смерть и воскресение.

3.16. За колоннами из золота и изумруда

В Тире всенародной любовью пользовался бог Мелькарт — бог-хранитель города. По преданию, именно он основал Тир. Его имя означает «Царь города» и происходит от слов «Мелек» (царь) и «карт» (город). Мелькарта называли также «Владыкой Тира» — Баал-Цор. Ему приписывали изобретение пурпура и вина.

Когда Тир стал играть центральную роль в жизни Финикии, почитание Мелькарта распространилось по всей стране. Его собственное имя тщательно скрывалось; его нет ни в одном тексте, дошедшем до нас.

Мелькарт был одним из самых молодых богов Финикии. Он считался покровителем мореплавания. С началом тирской колонизации культ Мелькарта широко распространился по всему Средиземноморью. Всюду, где появлялись тирийцы, они воздвигали святилища или алтари в честь его, считая, что именно Мелькарт привел их туда. Следы его культа найдены практически во всех финикийских колониях Центрального и Западного Средиземноморья.

В образе Мелькарта заметны черты, характерные для божества Солнца. Он сражается с мрачными чудовищами, порожденными землей, — подобно Гильгамешу или библейскому Самсону, боровшемуся со львом. Среди соперников Мелькарта — семиглавый змей Лотан, подземный пес, могучие лев и вепрь, медноногий олень, великан, конь и бык с человечьими головами.

Стела Мелькарта. В руках божества типичное оружие бронзового века

Изображали Мелькарта в виде бородатого мужа. Иногда он восседал на гиппокампе — «морском коне», а иногда сражался со зверями или чудовищами. Подобные изображения сохранились на монетах, стелах, пластинах из слоновой кости.

Не позднее VI века до нашей эры греки отождествили Мелькарта с Гераклом. По-видимому, существовали финикийские сказания о его подвигах, напоминавшие греческие легенды о Геракле. Так, по предположению Ю.Б. Циркина, анализировавшего описание изображений на вратах храма Мелькарта в Гадесе (оно содержится в поэме Силия Италика), рассказ о борьбе Геракла с Лернейской гидрой восходит к истории

поединка Мелькарта со Змеем. Миф о борьбе Геракла с Немейским львом также имеет ближневосточное происхождение.

Украшением Тира считался храм Мелькарта. Сами жители города полагали, что он был построен еще в XXVIII веке до нашей эры. По словам Геродота, в этом храме высились две колонны: одна из золота, другая из смарагда. «Я видел это святилище, богато украшенное... Среди прочих посвятительных приношений в нем было два столпа, один из чистого золота, а другой из смарагда, ярко сиявшего ночью». На монетах римской эпохи встречается изображение этих колонн. Несомненно, что знаменитый иерусалимский храм возведен по образцу храма Мелькарта, ведь у его притвора также высятся две колонны — Воаз и Иахин.

Драгоценные колонны тирского храма побуждали историков к самым разным гипотезам. Едва ли кто среди них верит, что жители Тира впрямь соорудили одну колонну из чистого золота, а другую — из изумруда. По поводу последней высказывались предположения, что на самом деле она была изготовлена из толстого зеленого стекла, а внутри нее постоянно горело пламя, причудливо освещавшее ее. В любом случае прообразом колонн были два священных камня, когда-то лежавших под деревом, посвященным Мелькарту. Колонны же со временем стали символом неслыханного богатства финикийцев.

В храм Мелькарта люди шли нескончаемой чередой. Многие приходили сюда, чтобы бог даровал им вещий сон. Ведь финикийские божества не только правили миром и судьбами людей, но и предвещали их. Посетители спали в особых помещениях, расположенных вокруг священного двора. Утром жрецы толковали эти сны и предсказывали сновидцам будущее.

Со всех концов финикийского мира — не только из горстки городов Ливана — в храм Мелькарта стекались пожертвования, прежде всего золото и ювелирные изделия. Даже жители Карфагена присылали сюда десятую часть всех доходов, в том числе военной добычи. Возможно, что в храме хранились также городская казна, архив и записи священных преданий. Его жрецы всегда готовы были ссудить часть этих богатств. Так, храм превращался в банк, самыми частыми посетителями которого были, возможно, купцы, пускавшиеся в рискованные предприятия.

Возглавлял храм верховный жрец. Мы знаем, что в IX веке до нашей эры им был Ахерб, второе лицо в государстве и зять тирского царя Мутона. Жреческие должности передавались по наследству, жрецы вправе были иметь семью. Помимо них, в храме можно было встретить также предсказателей и пророков, музыкантов и писцов, священных цирюльников и храмовых рабов. В финикийских храмах практиковалась также священная проституция.

Со времени правления Хирама тирийцы ежегодно устраивали праздник в честь Мелькарта. Возможно, он был самым главным торжеством в Финикии. В ожидании его в город съезжались и жители подвластных Тиру поселков, и депутации далеких колоний. По замечанию одного из историков, Тир был для финикийцев тем же, чем Иерусалим — для израильтян: их священным городом.

Греки тоже ревностно почитали Геракла-Мелькарта, воздвигая в его честь святилища по всей стране и устраивая пышные празднества. Для них он был своим героем. Между тем именно финикийское происхождение Геракла, по мнению ряда исследователей, объясняет одну странность в его судьбе. По легенде, он убил всех своих детей, а также детей своего брата Ификла. В то время он жил в семивратных Фивах — греческом городе, якобы основанном финикийцем. Это убийство лишь грекам могло казаться безумием; для финикийцев же это был обычай человеческого жертвоприношения. Из поколения в поколение сотни и сотни финикийцев убивали детей, причисляя их к сонму своих небесных заступников. Многие чужеземцы слышали об этом странном обряде, существовавшем у них. Считалось, что они поклоняются жестокому богу Молоху и приносят жертвы ему.

3.17. А был ли Молох при Тофете?

В исключительно важных случаях, — например, в момент смертельной опасности, грозившей их родному городу, — финикийцы приносили в жертву своих детей. Так, по сообщению римского историка Квинта Курция Руфа, жители Тира во время осады их города Александром Македонским собирались совершить страшную «жертву Сатурну», то есть Элу, но в последний момент отказались от этого плана. В одном из отрывков, приписываемых Санхунйатону, сказано, что «во время великих бедствий, происходивших либо от войн, либо от засух или моровой язвы, финикийцы приносили кого-нибудь из самых дорогих людей в жертву». Известны случаи, когда одновременно жертвовали сразу несколько сотен детей. В подобных случаях удача считалась гарантированной. Принесение в жертву сына, в особенности единственного, считалось подвигом благочестия, совершавшимся во имя бога и, как правило, ради блага народа.

Закладывая город, финикийцы также считали необходимым положить под его стены урну с костями младенца, отданного богу. В древности подобные «строительные жертвы» были широко распространены среди различных народов. Их подробный обзор приводил английский этнограф Джеймс Джордж Фрэзер в своей книге «Фольклор в Ветхом Завете». Однако грекам и римлянам — современникам финикийцев и карфагенян — такой обычай справедливо казался жестоким варварством.

В Испанской Финикии человеческие жертвоприношения случались еще и в римскую эпоху, например, один такой случай был отмечен в 43 году до нашей эры. Цезарь, управлявший Испанией в 61—60 годах, решительно запрещал эти «варварские» обряды.

Часто финикийцы приносили в жертву военнопленных, стараясь выбрать самых красивых. Считалось, что так будет угоднее богам. Известно, что на Сардинии, наоборот, убивали стариков. Людей могли жертвовать самым разным богам, а также душам предков.

Так, детей приносили обычно в жертву Баал-Хаммону, владыке солнечного жара, то есть одному из солнечных божеств. В африканских и сицилийских колониях он являлся верховным божеством. Его изображали в виде могучего старца, восседавшего на троне. В одной руке он держал посох, другой благословлял. В финикийских колониях в Западном Средиземноморье часто встречались стелы, посвященные Баал-Хаммону. Там же было обнаружено несколько жертвенных мест. Рядом с ними находились детские кладбища, на которых, очевидно, хоронили жертв этого страшного культа.

Убивали чаще всего мальчиков, но нередко и девочек, причем в основном из аристократических семейств. Обычно жертвовали детей в возрасте до полугода. Нередко новорожденных. В некоторых случаях возраст ребенка достигал четырех и более лет. По словам античного историка, возраст приносимых в жертву детей в дни войны вызывал жалость даже у врагов.

Порядок страшного ритуала был таков. Ребенка сначала убивали, а затем сжигали на бронзовых руках статуи бога. Он скатывался с них и «падал в некую полную огня бездну», как писал историк Диодор Сицилийский. Финикийцы считали, что души убиенных детей поднимаются прямо к богу и отныне защищают родину и свою семью. Впоследствии в Карфагене знатные люди стали покупать чужих детей, отдавая их богу под видом собственных.

Человеческие жертвоприношения назывались по-финикийски «молк», «молх», «молек» или «молок», а по-еврейски «молех». По предположению испанского историка Э.Г. Вагнера, подобный обряд распространился в Финикии в конце бронзового века, когда на побережье переселилось множество ханаанеев, изгнанных со своей родины арамеями и израильтянами. В стране сложилась напряженная демографическая ситуация. Тогда «лишними» стали дети. Вскоре часть населения отправилась обустраивать колонии по берегам Средиземного моря, но жестокий обычай сохранился.

Чужестранцы, прослышавшие про этот обычай, решили, что финикийцы почитают некоего бога Молоха. Этот кровожадный бог яко-

бы питается людьми. На самом деле, Молоха никогда не существовало. Получателем жертвы был верховный бог города или страны.

Останки жертв помещали в специальные урны и хоронили на кладбищах, называвшихся «тофет», или «топет». Они находились на окраине города, рядом с городскими стенами, а иногда и за ними. Над каждой урной ставилась стела, на которой было помечено имя жертвователя.

При раскопках в святилище Тиннит в Карфагене найдены тысячи урн с кремированными останками детей — в основном грудных. Самому старшему ребенку, похороненому здесь, исполнилось двенадцать лет. Встречаются также останки птиц и мелких животных, которыми заменяли детей. Находилось кладбище всего в полусотне метров от порта.

Финикийский тофет в Сардинии. Здесь приносили в жертву детей

Принесение в жертву детей зафиксировано также в соседних с Финикией странах, например Моаве и Израиле. Недаром в Библии категорично сказано: «Из детей твоих не отдавай на служение Молоху и не бесчести имени Бога твоего» (Лев. 18, 21; также Лев. 20, 2—5). Иудеи вплоть до Вавилонского пленения совершали подобные жертвы в долине Хинном недалеко от Иерусалима. «И устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сожигать сыновей своих и дочерей своих в огне» (Иер. 7, 31). Из еврейского «ге Хинном» возникло слово «геена». Христиане стали называть «гееной огненной» ад.

Со временем финикийцы все чаще практиковали, наряду с человеческими жертвами (молходом), принесение в жертву барана (молхомор). В жертву богам старались отдать также выкидыш, чтобы потом не жертвовать рожденного ребенка.

Похожая трансформация верований, очевидно, произошла и в древнееврейской среде. Напоминает о ней знаменитый эпизод из Книги Бытия (22, 1—13), где Авраам собирается принести в жертву Богу своего сына: «И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего». Лишь вмешательство Бога остановило его: «Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам!.. не поднимай руки твоей на отрока, и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня».

В отличие от израильтян, финикийцы — прежде всего жители колоний в Центральном Средиземноморье — так окончательно и не отказались от человеческих жертвоприношений вплоть до римского завоевания.

4. ОТ АЛЕФА ДО ФИЛОНА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА

4.1. Алфавит родился в Финикии

Немногие древние народы могут похвастаться таким количеством изобретений, изменивших судьбу человечества, как финикийцы: корабли и пурпур, прозрачное стекло и алфавит. Пусть не всегда они сами были их авторами, но именно они внедряли эти находки и усовершенствования в жизнь, а также популяризовали их. Последнее из перечисленных изобретений во многом определило судьбу современной цивилизации. Мир был бы совсем иным, если мы не располагали бы самой простой и удобной системой письма из всех, что когда-либо были созданы человечеством. Эту систему придумали финикийцы.

Говорили они на языке, которого давно уже нет. Финикийский язык — это один из семитских языков, и его ближайшие родственники — древнееврейский (иврит) и моавитский, о котором мы знаем лишь по одной сохранившейся надписи. Обычно три этих языка, именуемых также «ханаанейскими», противопоставляют арамейскому. В то же время вместе с арамейским языком они составляют северо-западную ветвь семитской языковой семьи, в которую входят также восточная (аккадская) и южная, или арабо-эфиопская, ветвь.

Почти все ханаанейские языки мертвы. Единственное исключение — иврит, государственный язык Израиля. Мы можем судить о родственных ему языках лишь по сохранившимся текстам. Однако не осталось даже надписей, запечатлевших, например, аммонитский или эдомитский языки.

На финикийском языке говорили жители прибрежных районов Ливана, Палестины и Южной Сирии, а также часть населения Кипра. Он известен нам лишь по надписям, древнейшая из которых датируется примерно 1000 годом до нашей эры. Литература на финикийском языке, о существовании которой говорят и греческие, и римские авторы, полностью утрачена.

Благодаря колониальной политике финикийцев их язык получил распространение также в других частях Средиземноморья, например в Карфагене и его окрестностях. Здесь он стал называться «пуническим». Отдельные пунические надписи встречаются и в других районах Западного Средиземноморья.

Как ни странно, финикийский язык исчез в метрополии раньше, чем в западных колониях. Еще в эллинистическую эпоху его постепенно вытеснили арамейский и греческий. Жители Ближнего Востока перестали говорить по-финикийски примерно во II веке до нашей эры. В Западном Средиземноморье этот язык употреблялся гораздо дольше — вероятно, до VIII века нашей эры — и был окончательно вытеснен лишь после арабского завоевания Северной Африки. Отныне местные жители говорили лишь на арабском.

Самые поздние из дошедших до нас финикийских текстов датируются на Ближнем Востоке II веком нашей эры, а в Западном Средиземноморье — III—IV веками.

Создание алфавита — величайшее культурное достижение финикийцев. С их родины, с узкой береговой полоски на территории современного Ливана, алфавит начал триумфальное шествие по миру. Постепенно финикийский алфавит и родственные ему системы письма вытеснили практически все другие древние формы пись-

менности, кроме китайской и производных от нее. Кириллица и латиница, арабское и еврейское письмо — все они восходят к финикийскому алфавиту. Со временем буквенный шрифт стал известен в Индии, Индонезии, Средней Азии и Монголии. Финикийцы создали «универсальную систему письма, совершенство которой доказано всей последующей историей человечества, ибо ему с тех пор не удалось придумать ничего лучше», — писал Г.М. Бауэр.

Что же такое Финикия? Клочок земли на периферии двух миров: месопотамского и египетского или «мостик», проложенный между ними? Или зеркало, в котором отражаются обе реальности, сливаясь воедино?

С незапамятных времен жители Финикии знали две основные формы письменности Древнего Востока: клинопись Месопотамии и иероглифическое письмо египтян. У последних они научились использовать специальные значки, указывающие, какая гласная идет за этой согласной или перед ней. Изучая клинопись, поняли, что одну и ту же систему письма можно применять для записи самых разных языков.

Чаще всего жители финикийских городов, как и соседней Сирии, хоть и подчинялись Египту, но пользовались не его иероглифами, а силлабической клинописью. Пользовались, составляя официальные грамоты и дипломатические послания, деловые документы и торговые договоры. Даже в канцелярию фараона отсылали таблички с клинышками, которые следовало читать — нет, не по-финикийски, а по-аккадски, этой «латыни бронзового века». Однако хлопотное это было дело — излагать свои мысли словами чужого языка, да еще записывать их мало понятными значками.

Во-первых, язык был неродным. Даже профессиональные писцы нередко не могли подобрать нужные слова и — свидетельством тому амарнские письма — то и дело вставляли во фразы знакомые им с детства ханаанейские слова. Рано или поздно, кто-нибудь из писцов отказался бы разбавлять родную ханаанейскую речь вызубренными аккадскими словами. Так оно и случилось.

Во-вторых, клинопись была сложным письмом. Писцу требовалось помнить до шестисот клинописных знаков, каждый из которых мог иметь несколько значений. При дворе каждого финикийс-

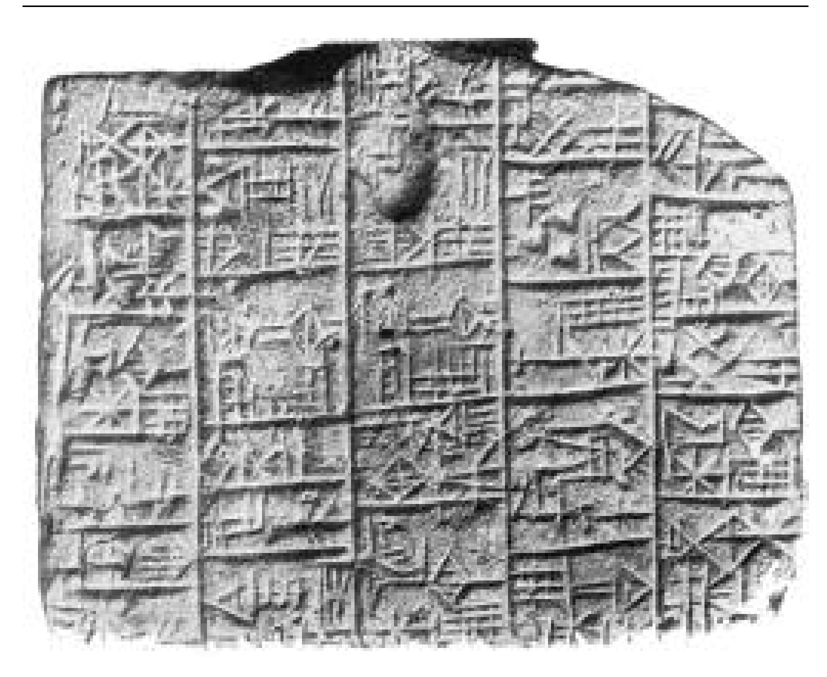
Египетские иероглифы

кого царька нужен был целый штат писцов, занимавшихся только перепиской и делопроизводством. Да и любому купцу не помешала бы свита из нескольких грамотеев, учившихся клинописи много лет. Вот только самим купцам это не нравилось. Они предпочитали вести дела быстро и неприметно, не доверяя своих секретов посторонним. Для этого нужна была простая система, позволявшая делать записи на родном языке и не тратить много времени и сил на овладение грамотой. Так возникло линейное письмо. Видимо, одним из важнейших центров, где оно разрабатывалось, был Библ. Для такого письма годился любой материал. Очевидно, первые памятники письменности Финикии были деловыми документами, записанными на каком-нибудь легком, недолговечном материале, например коже или папирусе.

Для создания своей оригинальной системы финикийцы использовали в качестве букв, как считает большинство специалистов, видоизмененные египетские иероглифы. Самые древние надписи, напоминающие более позднее финикийское письмо, были найдены в Палестине и на Синайском полуострове, где египтяне и семиты довольно тесно контактировали. Они датированы первой половиной II тысячелетия до нашей эры. Возможно, именно здесь происходили отбор и упрощение некоторых египетских иероглифов, которыми ханаанеи стали обозначать определенные звуки своего языка.

Однако, как подчеркивал И.Ш. Шифман, «знаки синайской и собственно финикийской письменности, служившие для обозначения одних и тех же звуков, сильно отличались друг от друга. Это не дает возможности считать синайское письмо непосредственным предком финикийской графики, несмотря на всю соблазнительность такого рода предположений, широко распространенных в научной литературе».

Возможно, высказывалась другая гипотеза, алфавитная система письма возникла в ханаанейских городах Палестины. Письменность — плод городской цивилизации. В конце II тысячелетия до

Клинопись

нашей эры города Ханаана пали под натиском израильских кочевников, и тогда система письма продолжала существовать только у ханаанеев побережья — в Финикии — и впоследствии была заимствована у них другими народами.

В некоторых палестинских городах, действительно, найдены образцы линейного письма, оставленные на долговечных материалах. Подобные находки сделаны в Лахише (надписи на кинжале, сосуде и чаше), Сихеме (надпись на пластинке) и Гезере (надпись на черепке). Все они относятся к середине II тысячелетия до на-

шей эры. Однако, по мнению большинства исследователей, они все-таки не имеют отношения к основной линии развития алфавитного письма.

Очевидно, идея создания алфавитной письменности зародилась в самой Финикии, а не была заимствована ее жителями у соседних народов. Впрочем, истоки линейного алфавитного письма, отмечает Н.Я. Мерперт, «все более удревняются новыми открытиями и могут быть связаны еще со средним бронзовым веком».

Сами финикийцы приписывали изобретение букв некоему Таавту. Возможно, что это бог письма. Ведь «сакрализация письменности на Востоке не вызывает сомнения, — отмечает Ю.Б. Циркин. — Поэтому в памяти народа ее создатель (или один из создателей) вполне мог приобрести черты бога, которому затем уже придумали генеалогию». Нечто подобное произошло в Египте, где знаменитый врач Имхотеп стал богом врачевания. Ведь, как подчеркивал известный советский лингвист Т.В. Гамкрелидзе, «сейчас в науке принята точка зрения, что создание системы письма не было и не могло быть плодом коллективного творчества, но это результат творческого акта конкретного создателя».

В любом случае в бронзовом веке в разных частях Передней Азии возникла огромная потребность в простой системе письма. В отдельных районах Сирии, Финикии и Палестины делались попытки создать линейную буквенную письменность. В конце концов, они привели к появлению алфавита. Первые свидетельства его существования обнаружены в Финикии — стране, ориентированной на торговлю с другими странами Средиземноморья и потому нуждавшейся в надежных и удобных средствах связи.

Свой особый алфавитный шрифт существовал в XIV—XIII веках до нашей эры в Северной Сирии, в крупном купеческом городе Угарите. Этот шрифт представлял собой трехмерную клинопись. У букв имелась не только высота и ширина, но и глубина. Использование таких значков было возможно только на определенном материале, — например глине.

Угаритский алфавит содержал всего тридцать знаков, а потому был гораздо проще, чем слоговая клинопись Месопотамии. Уже тогда, как видно из найденных в Угарите алфавитных таблиц, складывался характерный для финикийского алфавита порядок букв.

Однако будущее принадлежало не угаритскому, а линейному алфавиту, ведь его буквы годились для письма на папирусе и коже, а не только глине и камне. К сожалению, во влажном ливанском климате папирус не может долго сохраняться, поэтому мы не располагаем сейчас ни архивами финикийских царей — в отличие от архивов многих других восточных правителей бронзового века, — ни первыми свидетельствами становления финикийского алфавита.

В истории линейного алфавита еще много неясного. По-видимому, его предшественником было псевдоиероглифическое библское письмо. В то же время в основе угаритской клинописи и финикийского письма лежал один принцип.

Советский историк А.Г. Лундин высказывал в связи с этим предположение, что алфавитное линейное письмо возникло около 1500 года до нашей эры и вскоре «разделилось на южносемитскую и северосемитскую ветви, принявшие разный алфавитный порядок знаков... Финикийский алфавит произошел из северосемитского линейного в 27 знаков из-за совпадения ряда звуков языка и исчезновения пяти звуков».

Долгое время в Финикии сосуществовали разные системы письма: аккадская клинопись, псевдоиероглифика, линейное. Лишь к концу II тысячелетия до нашей эры более доступное линейное письмо победило.

Сравнительная его простота привела к его широкому распространению. Его стали использовать для написания различных официальных документов, например посланий, которыми финикийские цари обменивались со своими соседями, как то Хирам с Соломоном. Очевидно, возникли храмовые архивы, где хранились священные тексты, записанные алфавитными значками. Можно предположить, что появилась и светская историография.

Поначалу любой символ угаритского и финикийского письма обозначал все возможные сочетания определенного согласного звука с любыми гласными: например, один и тот же символ обозначал такие слоги, как Б(а), Б(и), Б(у), Б(е) и т.п. Это позволило резко сократить число знаков. Финикийское линейное письмо насчитывало всего 22 буквы. При чтении к каждому согласному звуку добавлялся нужный по смыслу гласный. Правила подобного письма было легко усвоить.

Однако у этой системы были свои неудобства. Так, отсутствие гласных на письме было крайне неприятно. «Даже хорошее знание языка не всегда гарантировало точное понимание смысла слова, потому что одно и то же сочетание согласных могло иметь практически несколько значений, — отмечал И.Ш. Шифман. — Тогда финикияне решили, если уж и не обозначать все гласные на письме, то по крайней мере как-то сигнализировать читателю о том, как следует читать то или иное слово».

Они изобрели для удобства читателей систему «вспомогательных знаков», в роли которых выступали некоторые буквы, более или менее похожие по своему произношению на данный гласный звук. Так, звук u обозначался буквой, используемой для передачи согласного звука w, а звук i — буквой j. Сперва наличие гласных букв помечали для большей ясности на конце слов, а затем и в середине. Это явствует из надписей, находимых в Сирии и датируемых X—IX веках до нашей эры.

Другое неудобство связано с тем, что финикийцы со временем отказались от так называемых словоразделителей (в нашем языке их роль играет пробел, разделяющий слова). В древнейших надписях имелись вертикальные линии или точки, помечавшие, где кончается слово. Начиная с VIII века до нашей эры эти значки вышли из употребления. Теперь слова в надписях сливаются друг с другом. Посторонний человек, не зная, о чем идет речь, практически не мог понять, где кончается одно слово и начинается другое.

Самые ранние финикийские надписи, известные нам, относятся лишь к XI веку до нашей эры. Выполненные на наконечниках стрел, они указывали на имена владельцев. Были найдены в долине Бекаа и неподалеку от палестинского Вифлеема. Пять надписанных наконечников являются важнейшими памятниками письменности XI века до нашей эры. Самый длинный образец раннеалфавитного письма — уже известная нам надпись на саркофаге царя Ахирама из Библа.

Собственно финикийский алфавит появляется в начале железного века. Составившие его согласные звуки довольно точно передают семитскую речь финикийцев. Буквенное письмо быстро распространилось по всему сиро-палестинскому региону. Различные его варианты стали применяться для передачи родственных языков — арамейского, моавитского и древнееврейского. Финикийская письменность вытеснила все местные системы графики. Она получила широкое распространение в Сирии, Палестине и Заиорданье. В Кумране найден даже отрывок из библейской книги Левит, написанный финикийским письмом. Кстати, восточные соседи финикийцев сохранили их принцип — написание только согласных, и на этом основаны и современное арабское, и еврейское письмо.

По-видимому, предполагал И.Ш. Шифман, быстрое распространение линейного письма в первые века I тысячелетия до нашей эры было связано с тем, что народы Передней Азии перестали использовать в деловой переписке аккадский язык — язык клинописи.

Появление алфавита — легко разучиваемой системы письменных знаков — имело важнейшие социальные последствия. Отныне письменность перестала быть привилегией особых каст населения (жрецов, писцов), члены которых в течение многих лет изучали сотни иероглифов или клинописных значков. С этого времени она стала общим достоянием, владеть которым мог и богач, и бедняк.

Финикийский алфавит быстро получил распространение не только в городах Финикии и прилегающих странах, но и во всем Восточном Средиземноморье. Образцы линейного письма фини-

кийцев находят на Кипре, Родосе, Сардинии, Мальте, в Аттике и Египте. Его навыки разносили с собой по всей тогдашней ойкумене финикийские купцы и колонисты.

Когда финикийцы проникли в бассейн Эгейского моря, греки познакомились с их алфавитом и, поняв его преимущества, заимствовали. По-видимому, это произошло в IX веке до нашей эры. Очевидно, первыми переняли новую систему письма греки, проживавшие на островах Эгейского моря по соседству с финикийцами. Они не забывали, кому обязаны этим шрифтом, и довольно долго называли его «финикийскими знаками».

Алфавитное письмо, легкое и простое, потеснило сложное слоговое микенское («линейное письмо Б»), которым население Греции пользовалось во II тысячелетии до нашей эры. Оно содержало почти сотню знаков, обозначавших различные слоги. Этим письмом владели лишь профессиональные писцы. Если бы греки не отказались от него, то рядовой житель полиса вряд ли сумел научиться читать и писать. В таком случае никогда бы не родилась великая греческая литература.

Итак, самим ее существованием мы обязаны сметливым финикийцам, разъявшим человеческую речь на два десятка звуков. Если бы не они, то жители Москвы и Нью-Йорка, Лондона и Парижа зубрили бы, подобно китайским школьникам, несколько сотен иероглифов, и этого багажа знаний хватало только на то, чтобы читать простенькие статьи в газетах. Теперь же в течение года любой школьник может выучиться нормально читать и писать.

«Без алфавитного письма, — признают историки, — бурное развитие мировой письменности, науки и литературы, то есть записей любого характера, не стесненных площадью писчего материала и медленностью изучения письма и чтения, было бы невозможно».

Для большего удобства греки дополнили алфавит новыми символами, обозначавшими гласные звуки, приспособив его к своему языку, который изобилует именно гласными. Греки заимствовали у финикийцев даже названия букв. Так, финикийское «алеф» (бык)

Финикийские алфавиты

Транскрипция	Ахирам XIII в. до н.э.	Йехимилк XII в. до н.э.	Меша IX в. до н.э.	Средне-финикийский V—III вв. до н.э.	Пунийский	Новопунийский
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]	
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]		[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

превратилось в «альфу», «бет» (дом) — в «бету» и так далее. Таким образом, знакомое всем слово «алфавит» восходит к финикийскому языку.

Со временем греки изменили и направление письма. Они стали писать слева направо, в отличие от принятого у финикийцев и евреев направления справа налево.

Позже евреи и арабы тоже внесли свои новшества. Они начали применять специальные надстрочные и подстрочные значки, обозначающие гласные звуки. Делалось это, чтобы избежать разночтений в священных текстах — Библии и Коране.

Сами же финикийцы, где бы они ни жили, твердо придерживались своего собственного языка и письменности, хотя со временем в различных областях их расселения появлялись свои диалекты. Понемногу менялось и начертание букв.

Форма их написания стала стандартной самое позднее к IX веку до нашей эры. Этот тип написания букв колонисты увозили с собой на запад. Поэтому классическая финикийская письменность почти не отличалась во всех областях Средиземноморья. Именно эту форму письменности восприняли греки, а также этруски.

Впоследствии в Карфагене на основе финикийского возникает несколько отличающееся от него по графике и лексике пуническое письмо. Сохранились пунические надписи, датируемые IX—II веками

Финикийская надпись

до нашей эры, а также так называемые новопунические, датируемые II веком нашей эры.

Памятники финикийского письма, принадлежащие, прежде всего, карфагенянам, можно обнаружить почти во всех странах, с которыми те торговали. В основном это короткие эпитафии или дарственные надписи на камне, которые мало что говорят о политической истории своего времени, о хозяйственной и общественной жизни финикийцев и других народов Средиземноморья.

Письменные памятники на территории самой Финикии встречаются крайне редко. В основном это — короткие посвящения, строительные надписи или же заговоры, предостерегающие от осквернения захоронений, а также остраконы — надписи на черепках. Все эти тексты выполнены линейным финикийским письмом; в них практически отсутствуют обозначения гласных звуков. Поэтому особое место среди памятников финикийского языка занимают «огласованные» тексты, записанные греческим или латинским алфавитом. Эти тексты воссоздают звучание живой пунической речи, как она воспринималась в иноязычной среде.

Можно не сомневаться, что когда-то у финикийцев существовала обширная деловая корреспонденция, ведь метрополия поддерживала связь со своими колониями, а купцы, очевидно, записывали результаты хотя бы некоторых своих сделок, а не держали в памяти все торговые операции. Так, при встрече Ун-Амона с Закар-Баалом последний «приказал, чтобы принесли поденные записи его отцов. Он приказал, чтобы огласили их передо мной» (пер. М.А. Коростовцева). Однако финикийцы делали подобные записи, видимо, на недолговечных материалах, а потому они не сохранились, и мы не можем теперь в полной мере оценить весь размах финикийской торговли.

Поэтому при изучении культурной, политической и хозяйственной жизни Финикии в I тысячелетии до нашей эры приходится полагаться на свидетельства библейских и античных авторов. Увы, народ, создавший первую удобную алфавитную систему, не оста-

вил практически никаких письменных источников. Нам остается лишь с грустью перечитывать слова Иосифа Флавия: «У тирийцев с древних времен существуют государственные летописи, писавшиеся и хранившиеся с особой заботой».

Утрата восточных финикийских книг — там были и исторические, и поэтические труды — частично восполняется находками угаритских текстов и литературой на древнееврейском языке. В то же время мы практически лишены богатой карфагенской литературы. Мы располагаем лишь несколькими десятками цитат, касающихся ведения сельского хозяйства, приготовления вина, животноводства и пчеловодства. Они включены в сочинения Колумеллы, Плиния, Варрона.

Несколько лучше мы знакомы с религиозной жизнью финикийцев, поскольку в надписях содержатся клятвы и проклятия, а также имена богов, призванных следить за соблюдением клятвы или же карать ослушников. Финикийские боги и ритуалы упоминаются в книгах Ветхого Завета. Греческие и римские писатели сообщают о верованиях финикийцев, их религиозных традициях и праздниках. Некоторые финикийские божества пользовались особым уважением в Карфагене, и потому получили известность в греко-римском мире. Это относится, например, к Мелькарту.

Впрочем, несмотря на почти полное отсутствие финикийских памятников письменности, ряд историков настроен до определенной степени оптимистично. Так, Дональд Харден писал: «Еще можно надеяться, что ценные археологические находки будут сделаны на востоке, например, обнаружится архив глиняных табличек, сравнимый с угаритским. Однако в западных колониях Финикии вряд ли удастся найти глиняные таблички или документы, дополняющие наши скудные запасы».

Нельзя не привести и слова И.Ш. Шифмана, звучавшие как наказ ученым XXI века: «Наше время — это время замечательных археологических открытий. Раскопки в Рас-Шамре открыли науке угаритский язык и угаритскую литературу. Открытия у берегов Мертвого моря предоставили в распоряжение ученых многочисленные, крайне интересные, до того времени неизвестные памятники древнееврейской письменности. Остается только выразить надежду, что раскопки в песках Сахары, в Сирии и в Ливане со временем откроют нам произведения финикийской литературы, что позволит поднять изучение финикийского языка на более высокую ступень».

Собственно говоря, изучение финикийского языка началось сравнительно недавно. Впервые связный текст на финикийском языке — греко-финикийская билингва с острова Мальта — был опубликован в 1735 году командором Мальтийского ордена Гюйо де Марном. Более или менее правильное чтение этого памятника было предложено лишь в 1758 году аббатом Бартелеми. В 1837 году было издано первое собрание финикийских текстов, которому предшествовали разрозненные их публикации. В 1951 году вышла в свет основополагающая работа по финикийскому языку. Ее автором являлся немецкий лингвист И. Фридрих — один из крупнейших современных знатоков древневосточных языков.

На русском языке памятники финикийской литературы были впервые изданы в 1903 году Б.А. Тураевым. Почетное место в мировом финикиеведении занимают труды российских и советских ученых, прежде всего Б.А. Тураева, И.Н. Винникова, М.Л. Гельцера и И.Ш. Шифмана. Немало времени и сил уделяет популяризации забытой финикийской культуры Ю.Б. Циркин.

4.2. Санхунйатон, неведомый историк

Финикийцев часто упрекали в том, что они старательно умалчивали о себе, не оставив даже — в отличие от соседей, израильтян, — собственных исторических хроник. Об этом народе мы узнаем в основном из летописей, составленных другими. Финикийцев представляют перед судом истории лишь их соперники, а то и враги — египтяне, ассирийцы, евреи, греки, римляне.

Некоторые исследователи делали поспешные выводы, предполагая, что финикийцы с недоверием относились к слову, запе-

чатленному в письменных знаках,.. и не оставили после себя никаких литературных произведений. Они были обывателями, грубыми дельцами, капиталистами и не питали никакой склонности к словесному искусству.

В 1836 году немецкий теолог Фридрих Вагенфельд попытался развеять предубеждение, сложившееся о древних жителях Ливана. Он издал сочинения финикийского историка Санхунйатона, о котором знали лишь по скудным упоминаниям у позднеантичных авторов.

В «Истории» Санхунйатона якобы собрано все, что было известно о финикийском народе в эпоху Троянской войны, то есть в середине XIII века до нашей эры. Появление из тьмы веков, как Deus ex machine, неведомого летописца вызвало волнение среди профессоров древней истории. Внимание к его трудам и доверие к ним подогревались еще и тем, что имя Санхунйатона уже было известно по трудам церковного писателя и епископа Евсевия, жившего в IV веке в Кесарии (Палестина). Теперь пришел черед говорить самому Санхунйатону.

Интерес к открытию Вагенфельда был так велик, что о нем заговорили в газетах. Какое-то время древними финикийцами — народом иной цивилизации — увлекались так же рьяно, как четверть века назад — инопланетянами. Отголоски той моды — роман Гюстава Флобера «Саламбо» (1862), посвященный финикийскому Карфагену («Восточная сказка навевает на меня порывами, овевая смутным ароматом, от которого ширится душа», — признавался Флобер), и повесть немецкого прозаика Вильгельма Раабе «Абу Тельфан» (1867), герой которого, заперев дверь, украдкой листает «книгу тайн» — сочинения Санхунйатона.

Однако в разгар увлечения финикийскими древностями произошло неожиданное — раскрылся подлог. Немецкий историк и теолог Фридрих Карл Моверс доказал, что манускрипт Санхунйатона — это от первой до последней строчки фальшивка. Вагенфельд был разоблачен. «Первооткрыватель финикийских древностей» закончил жизнь редактором бульварной газеты и пьяницей. «Ученый, который сочинил на отличном греческом языке восточную историю, приписанную им фиктивному Санхунйатону, мог бы легко и с меньшими издержками приобрести репутацию солидного эллиниста» (пер. Е.М.Лысенко), — удивлялся французский историк Марк Блок.

Между тем мода на Финикию прошла, а надежда отыскать подлинные документы, относящиеся к ее истории Финикии, почти угасла. В настоящее время ученые считают, что подлинник «Истории» Санхунйатона уже никогда не будет найден и нам остается, как прежде, черпать все сведения о финикийцах — этом исчезнувшем народе — лишь из еврейских и греческих источников. Их скрупулезным изучением и занимались ученые.

Уже в 1841 году Фридрих Карл Моверс опубликовал первую книгу своего четырехтомного труда «Финикийцы». В нем он собрал из сочинений античных и библейских авторов все, что сообщалось о Финикии, а также истолковал приведенные цитаты. С этого времени началось строго научное изучение этой страны и ее культуры.

Особый интерес вызывали упомянутые отрывки из Евсевия. В 1858 году, незадолго до своей ливанской экспедиции, Эрнест Ренан, размышляя об их подлинности, восклицал: «Немного проблем в области семитологии и древней истории вообще имеют больше важности, чем этот вопрос».

В 1903 году тогда еще приват-доцент Санкт-Петербургского университета Б.А. Тураев собрал и перевел на русский язык все известные отрывки из грекоязычных авторов, в которых цитировались финикийские писатели, и издал книгу под названием «Остатки финикийской литературы». Тексты он снабдил обширными комментариями (в одном случае комментарий в три раза превышает оригинальный текст). Книга Б.А. Тураева отчасти не потеряла своей научной ценности по сей день. Несколько лет назад его сочинения были переизданы, хотя теперь сами требуют определенного научного комментария. Ведь исследования Финикии за минувшее столетие продвинулись далеко вперед.

После открытия угаритских записей, выполненных жившим в XIV веке до нашей эры писцом Илимильку, никто уже не сомневается в том, что в XII или XI веке до нашей эры в Беруте жил финикиец по имени Санхунйатон, который изложил верования финикийского народа и основные вехи его истории. Очевидно, его сочинение хранилось в главном храме этого города и считалось «словом божьим» — приписывалось непосредственно богу-изобретателю письма Таавту. Нечто подобное могло существовать и в других финикийских городах.

Однако до нас не дошло ни одного произведения Санхунйатона, хотя он был писателем известным и разносторонним. Санхунйатон «был человеком великой учености и тщательности, желая всячески знать начало всего, от которого произошло все» (пер. Б.А. Тураева) — так отзывался о нем Филон Библский — грекоязычный писатель I—II веков нашей эры.

О самом Филоне также мало что известно. Мы даже не знаем, был ли он греком, проживавшим в Библе, или финикийцем, писавшим по-гречески. Он написал десятки книг, в том числе «Финикийскую историю» в девяти (или восьми) книгах. Однако они, очевидно, не пользовались особой популярностью. До нас дошли только разрозненные цитаты из первого тома «Истории», повествовавшего о мифологии финикийцев.

Они сохранились лишь в сочинении Евсевия Кесарийского «Приготовление к Евангелию», обличавшего пагубность языческой веры. Цитируя Филона, Евсевий, «отец церковной истории», пытался показать читателю мерзостность и безбожность язычества. Его задача облегчалась тем, что сам Филон видел в богах обожествленных людей. Филон даже предуведомлял своих читателей, «что наиболее древние из варваров, особенно финикийцы и египтяне… считали величайшими богами тех, которые изобрели что-либо необходимое для жизни или как-нибудь облагодетельствовали народы».

Можно лишь предполагать, что «История», написанная Филоном, напоминала исторические труды египтянина Манефона, вавилонянина Бероса или же «Иудейские древности» Иосифа Флавия.

В основе «Финикийской истории» Филона лежали сочинения Санхунйатона. Он обратился к ним, «движимый горячим желанием знать историю финикийцев». Греческие же источники, считал Филон, «противоречивы и составлены... скорее в виде полемики, чем правды». Долгое время в науке считалось, что Филон выдумал Санхунйатона, чтобы придать своему сочинению больший авторитет. Однако теперь это мнение отвергнуто.

В существовании исторической традиции у финикийцев уже нет сомнений. Все народы стремятся сохранить память о каких-то важных событиях. Финикийцы не отличались в этом от других.

Уже к началу XX века ученые, опираясь на накопленный опыт изучения древневосточных культур, уверенно признавали, что у финикийцев имелись свои летописи. «Хроники финикиян велись в городах при храмах, а может быть при дворах, — писал Б.А. Тураев, — местами это простые списки царей с годами, местами — повествования о событиях. Вероятно, оригинал имел характер повествовательный в стиле вавилонской хроники и Книги Царств... В основу их положен так называемый религиозный прагматизм — освещение исторических фактов с точки зрения верности религии. Подобное же направление существовало в эти поздние эпохи и в других восточных литературах».

Так, в древнееврейском обществе на основе подобных священных преданий впоследствии была составлена Библия. Начало изложения финикийской истории по Санхунйатону также напоминает первые строки Библии: «Началом всего был Воздух, мрачный и подобный ветру, или дуновение мрачного воздуха, и мутный мрачный Хаос; они были безграничны, и в продолжение многих веков не имели конца» (пер. Б.А. Тураева).

Очевидно, у финикийцев существовало своего рода священное писание — собрание мифов и исторических преданий. Его за-

писывали псевдоиероглифами — тайнописью, доступной лишь посвященным, и хранили в специальной комнате в храме. Это писание включало те же разделы, что и Ветхий Завет: собрание мифов («Бытие»), исторические хроники, речи пророков. «И иудейско-израильская, и финикийская словесность развивались в рамках общей литературной системы и, несомненно, общего литературного процесса», — подчеркивал Ю.Б. Циркин.

Вообще говоря, в последние десятилетия постоянно возникает вопрос о влиянии финикийской литературы на Книгу книг — Библию. Мы уже не раз подчеркивали культурное превосходство финикийцев на рубеже I тысячелетия до нашей эры над израильскими племенами, захватившими Ханаан. Последние, в частности, усвоили финикийский линейный алфавит. «Но это значит, — делал вывод И.Ш. Шифман на страницах книги «Ветхий Завет и его мир», — что в Иудее и Израиле имела хождение и читалась финикийская литература. Многие особенности ветхозаветного стиля — лаконичность, точность, отсутствие внешней орнаментировки и экспрессии — сложились, по всей видимости, под влиянием финикийской прозы, какою она предстает перед нами из составленных на финикийском языке надписей исторического содержания».

К сожалению, собственно исторические части книги Санхунйатона не сохранились. Некоторые представления о тирских летописях дают лишь выписки, сделанные Иосифом Флавием, правда, не из них, а из цитировавших их эллинистических писателей — Менандра Эфесского и Дия, живших около II века до нашей эры и писавших на греческом языке. В сохранившихся отрывках идет речь о царствовании Хирама и мятеже Элулая. Кроме того, приводятся списки царей, наследовавших Хираму, и списки судей, правивших Тиром незадолго до прихода персов.

Итак, фальшивое и подлинное разделено. Сейчас ученые больше спорят о том, когда именно жил Санхунйатон. В сохранившихся цитатах самого финикийского историка есть некоторые подсказки. Так, он упоминает железо и способы его обработки, появившиеся лишь в конце II тысячелетия до нашей эры: «От них произошли два брата, которые открыли железо и изобрели его обработку... Крон приготовил из железа серп и копье» (I, 11, 18). В другом месте он говорит о царствовании одного из финикийских богов над Африкой, Сицилией и западными землями. А это было возможно только после первого этапа финикийской колонизации.

Немецкий историк Отто Айсфельдт отмечал, что имя Санхунйатона, как и имя угаритского писца Илимильку, по праву могло бы находиться в известном библейском списке мудрецов: «И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола» (3 Цар. 4, 30—31).

Сочинения Санхунйатона содержали историю финикийского народа и излагали его верования. В первой книге говорилось о происхождении мира и богов, о борьбе различных поколений богов, а во второй книге — о деяниях «молодых богов».

В Финикии — стране, раздробленной на множество городов-государств, так и не сложилось единой мифологии. Существовало несколько ее версий. Все финикийцы почитали одних и тех же богов, хотя в разных городах бытовали различные рассказы о них. Как полагают современные историки, Санхунйатон придерживался библской, тирской и отчасти берутской традиций.

В то же время финикийцы всегда ощущали свое этническое единство. Поэтому история всей Финикии не могла не появиться у этого народа. Вероятно, Санхунйатон переходил к изложению земной истории в своей третьей книге. Его труд мог напоминать произведения греческих логографов — например, жившего в VI веке до нашей эры Гекатея, — соединявших описание мифической древности с конкретной земной историей и доводивших ее вплоть до современности.

Еще меньше мы знаем о другом финикийском авторе доэллинистической эпохи: его звали Мох, или Малх. Его имя упоминает

Иосиф Флавий; на него ссылается философ Дамаский, «последний официальный представитель языческой науки» (Б.А. Тураев). Мох был известен античному читателю как философ, мудрец и автор космогоний. По словам греческого философа Секста Эмпирика, учение об атомах, из которых состоит все сущее, создано задолго до Демокрита, которого мы считаем его основоположником, и подлинным творцом атомистической теории был финикиец Мох.

Вероятнее всего, Мох тоже написал историю, в которой сначала изложил сидонскую версию возникновения мира, затем рассказал о богах и, наконец, остановился на событиях земной истории. По Страбону, Мох жил до Троянской войны, однако это означает лишь, что он жил очень давно. Труды Санхунйатона и Моха позволяют говорить о наличии в Финикии своей оригинальной историографии.

У финикийцев существовала также довольно обширная и разнообразная философская литература. Диоген Лаэртский в своей книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» упоминает некоторых финикийских писателей. Среди них — стоик Боэф, автор книг «О судьбе» и «О природе», называвший сущностью бога круг неподвижных звезд; Антипатр Тирский, автор книги «О мире», считавший, что весь мир есть живое существо, и стоик Аполлоний Тирский.

Наконец, уроженцем кипрского города Кития, где проживали финикийцы, был основатель стоической школы — Зенон. По легенде, в тридцать лет он «плыл из Финикии в Пирей с грузом пурпура и потерпел кораблекрушение» (пер.М.Л. Гаспарова). Добравшись до Афин, он решительно переменил жизнь и стал, несмотря на насмешки (его звали «финикийчиком»), учиться философии. Впоследствии он говорил: «Как хорошо, что Удача сама толкает нас в философию!»

Со временем афиняне полюбили Зенона и оказали ему почет. «Они даже вручили ему ключ от городских стен и удостоили его золотого венка и медной статуи». Соотечественники тоже почитали его — и в Китии, и в Сидоне.

Жил он просто и не по-эллински бережливо. Любил ученые споры, склонен был к тонким рассуждениям. «Чтобы овладеть науками, — говорил он, — самое нежелательное — это самомнение, а самое надобное — это время». Нужно приучить ум к извлечению пользы. «Кто умеет хорошо выслушать совет и воспользоваться им, более достоин похвалы, чем тот, кто все соображает сам». Был он закален и неприхотлив, пищу ел сырую, а плащ носил тонкий. Диоген Лаэртский приводит следующие стихи о нем:

Ни ледяная зима, ни льющийся дождь бесконечный
Не укрощают его, ни зной, ни жало болезней,
Ни многолюдные праздники духа его не расслабят:
Ночью и днем прилежит он душой к обретению знанья.

Среди поэтов, родившихся в Финикии, нельзя не вспомнить Антипатра Сидонского (170—100 гг. до н.э.), писавшего на греческом языке. От него сохранилось около ста эпиграмм. Он считается основателем так называемой «финикийской школы» грекоязычных поэтов. К ней причисляют живших в I веке до нашей эры Мелеагра и Филодема — уроженцев сирийской Гадары. Мелеагр долгое время жил в Тире, в то же время всегда ощущая себя «гражданином мира», что «вскормлен божественным Тиром и почвой священной Гадары» (пер. Л.В. Блуменау).

К сожалению, финикийская литература погибла почти вся целиком.

4.3. Полцарства за капельку сока!

Мы познакомились с финикийцами-купцами, финикийцами-философами, финикийцами-историками, но они были еще и мастерами на все руки. Достаточно лишь назвать «пурпур» и «стекло» — два прославленных товара древности, которыми была знаменита

Улитка мурекс трункулюс выделяет красный пурпур

Финикия. Пусть в их изобретении участвовали умельцы других городов и стран, для античного человека оба эти товара были финикийскими. Действительно, в городах Финикии было налажено широкое производство того и другого, а местные мастера внесли в технологию важные новшества.

По легенде, финикийцы первыми открыли пурпур — чудесную краску, напоминавшую пламя. Не обошлось тут без помощи богов. Сам бог Мелькарт в сопровождении нимфы Тир прогуливался по берегу моря. Его собака случайно разгрызла валявшуюся на берегу раковину мурекса, и тут же ее морда стала пурпурно-кровавой. Удивленная необычной яркостью цвета, нимфа попросила бога подарить ей ту же краску для платья. Мелькарт не мог отказать своей возлюбленной и начал собирать для нее раковины. Одежда нимфы тоже стала удивительно красивой.

Отныне, говорит предание, люди добывали со дна моря эти чудесные раковины и раскладывали их на берегу. На солнце моллюски гнили, а раковины раскрывались. В каждой из них оставалась капелька сока — всего одна капля очень дорогой краски.

Пурпур — это естественный краситель, добываемый из трех видов морских улиток. Он выделяется железами этих животных. Улитка мурекс трункулюс выделяет красный пурпур, а улитки мурекс брандарис и пурпура хемастома — фиолетовый пурпур. На пляжах Сайды можно и сегодня найти подобных улиток. Местные мальчишки готовы за бесценок показать иностранцам, как с их помощью окрасить шерстяную ткань в пурпурный цвет.

Промышленный способ получения пурпура, не в пример преданию и советам мальчишек, был сложен. Его описание можно найти в «Естественной истории» Плиния Старшего. Сперва требовалось наловить достаточное количество морских моллюсков. Ловили их на мясную приманку с помощью снастей, напоминавших верши. Раковины пойманных моллюсков вскрывали, извлекая оттуда их тельца. Они содержат желтоватый секрет — из него и приготавливают краситель. Чтобы добыть этот сок, тельца моллюсков давили в каменных ступах. В полученную смесь добавляли соль в качестве консерванта. Три дня смесь отстаивалась. Потом ее десять дней вываривали на медленном огне в металлических котлах. Наконец, краситель готов; он выглядел желтоватым, но ткани, окрашенные им, после сушки на солнце приобретали характерную пурпурную окраску. Цвет менялся под воздействием солнечных лучей.

Искусные финикийские мастера, варьируя способы обработки красителя и его состав, а также прибегая к повторному окрашиванию тканей, получали самые разные оттенки. Овечью шерсть красили до того, как приготавливали из нее пряжу. Окрашивали и привозные ткани — египетское полотно, а позднее китайский шелк.

Цвет пурпура, по словам римского архитектора и инженера Витрувия, зависел от того, в какой части Средиземного моря была поймана пурпурная раковина. Так, у берегов Галлии и Понта (часть побережья Малой Азии) пурпур — черный (или темный), в северо-западной части моря — синеватый, на востоке и западе — фиолетовый, на юге — красный.

В Финикии производство пурпура процветало. Правда, первыми научились окрашивать ткани в пурпур все-таки жители Угарита — города, где ханаанеи жили вперемежку с амореями и хурритами. Позднее секрет пурпура узнали жители Тира. Возможно, им выдали его «народы моря», разграбившие разрушенный Угарит и его окрестности около 1200 года до нашей эры.

В начале I тысячелетия до нашей эры главными центрами пурпурной промышленности стали Тир и Сидон. Изготовление пурпура являлось самым прибыльным промыслом Финикии. Особой популярностью во всем Средиземноморье пользовались ткани из Тира. «Тирийский пурпур считается безусловно самым красивым из всех, — писал Страбон. — Ловля раковин багрянки производится поблизости, и все прочее, что необходимо для крашения, легко доступно». Размах древнего производства выдают его сохранившиеся отходы.

Так, в окрестностях Сайды в 1864 году была найдена огромная груда раковин, оставшихся от пурпуроносных моллюсков. Эта рукотворная стена простиралась на 120 метров; ее высота достигала восьми метров! По оценкам исследователей, здесь содержится свыше 200 тысяч кубических метров раковин.

Впоследствии финикийские мореплаватели специально пускались на поиски в Средиземном море новых отмелей, где водились эти моллюски. В принципе добыча пурпура никогда не была монополией финикийских городов. В Риме перерабатывалось такое множество раковин, писал немецкий зоолог Альфред Брем, что из них постепенно накопилась целая гора, названная Монте-Тестацео.

Особая же популярность финикийского пурпура объяснялась его качеством, умением местных мастеров добиваться необычных оттенков — от красного и розового до лилового и фиолетового, — а также развитием в Финикии ткацкого ремесла. Особым спросом пользовались тонкие шерстяные ткани, окрашенные в пурпурный цвет.

Однако производство пурпура было каторжным трудом. Ныряльщикам приходилось погружаться на дно моря и, рискуя жизнью, собирать раковины. А какой тяжелый, удушливый смрад стоял в мастерских! Здешние работники ходили по отбросам, спали среди отбросов, тут же заболевали и умирали. Античные авторы не раз жаловались на зловоние, исходившее от мастерских, где ткани красили в пурпур. «Многочисленные красильные заведения делают город неприятным для жизни в нем», — сетовал Страбон. Из-за отвратительного запаха приходилось красить ткани на улице. Красильни располагались неподалеку от берега моря, в стороне от жилых кварталов.

Впрочем, сами финикийцы по этому поводу могли бы философски заметить: «Деньги не пахнут». Эти зловонные, — какими они казались ремесленникам и чужестранным гостям, — пурпурные ткани приносили купцам баснословную прибыль. Ведь качество их было очень высоким. Их можно было стирать и подолгу носить — краска не линяла и не выгорала на солнце.

По преданию, Александр Великий нашел в Сузах, во дворце персидского царя, десять тонн пурпурных тканей, изготовленных почти два столетия назад и ничуть не вылинявших с тех пор. Ткани эти были куплены за 130 талантов (один талант равнялся тогда 34 или 41 килограмму драгоценных металлов).

Такая цена на пурпурную ткань объяснялась ее высокой себестоимостью и дефицитом красителя. Из одного килограмма красителя-сырца после выпаривания оставалось всего 60 граммов красящего вещества. А для окраски одного килограмма шерсти требовалось примерно 200 граммов пурпурной краски, то есть более трех килограммов красителя-сырца. Остается добавить, что тельце моллюска весит лишь несколько граммов и содержит ничтожно малое количество секрета. Для получения одного фунта красителя добывали около 60 тысяч улиток. Вот почему пурпурные ткани, в отличие от финикийского стекла, всегда оставались предметами роскоши, доступными лишь отдельным счастливцам.

Тирский пурпур был буквально на вес золота. Цена его со временем лишь росла. Так, в начале нашей эры, во время правления императора Августа, килограмм шерсти, дважды окрашенной в пурпурный цвет, стоил примерно 2 тысячи денариев, да и самая дешевая ткань стоила 200 денариев. При императоре Диоклетиане в 301 году нашей эры тирская пурпурная шерсть выс-

шего качества поднялась в цене до 50 тысяч денариев, а цена на фунт пурпурного шелка достигала 150 тысяч денариев. Огромная сумма!

Если прибегнуть к пересчету на современную валюту, то, по оценке Хорста Кленгеля, фунт шелка, окрашенного в пурпурный цвет, стоил 28 тысяч долларов. Конечно, шелк, привозимый из Китая, был самой дорогой тканью, продававшейся тирскими красильщиками. Дешевле были и крашеная шерсть (ее привозили обычно из Сирии), и виссон — тонкое полотно, доставленное из Египта. Однако стоимость их все равно была высока.

Одежда из пурпура издавна являлась привилегией царей и императоров, жрецов и сановников. В пурпур облачались сенаторы Рима и богачи Востока. Пурпурная ткань всегда была знаком отличия, символом верховной власти.

В Ветхом Завете не раз упоминаются пурпурные одежды: «Пусть сделают священные одежды Аарону, брату твоему... Пусть они возьмут золота, голубой и пурпуровой и червленой шерсти и виссона» (Исх. 28, 4—5), «пурпуровых одежд, которые были на царях Мадиамских» (Суд. 8, 26), «одежда на них — гиацинт и пурпур» (Иер. 10, 9), «и Мардохей вышел от царя... в мантии виссонной и пурпуровой» (Есф. 8, 15).

Пурпурные ткани использовали для украшения храмов и дворцов: «И очистят жертвенник от пепла и накроют его одеждою пурпуровою... И возьмут пурпуровую одежду, и покроют умывальник и подножия его» (Чис. 4, 13—14), «И сделал завесу (в Иерусалимском храме. — *А.В.*) из яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани» (2 Пар. 3, 14).

Пурпур упоминали в своих произведениях многие римские и греческие авторы. Плиний говорил о модах на цвет пурпура в Риме. Гораций высмеивал в своей сатире богатого выскочку, который ради тщеславия велел стирать со стола пурпурными платками. «Жалкое чванство богатства!» Чтобы обрисовать очередного объекта своей сатиры, Гораций мельком замечает:

Вот Приск, например, то по три он перстня
Носит, бывало, то явится с голою левой рукою.
То ежечасно меняет свой пурпур...»

(Пер. М. Дмитриева)

Овидий в «Науке любви» даже советует модницам умерить свои аппетиты: «Не хочу дорогих отороченных тканей, не хочу шерстяных одеяний, крашенных багрянцем тирских моллюсков. Ибо и за более низкую цену можно иметь так много одежд различных расцветок».

Слава пурпурных тканей не померкла даже в Средние века. Еще Карл Великий импортировал подобные ткани.

Кстати, пурпур служил не только для окрашивания тканей, но и для приготовления косметики, особых чернил, а также краски пурпурисс, используемой живописцами. В ее состав, помимо пурпура, входила диатомовая земля — микроскопические кремневые панцири одноклеточных диатомовых водорослей, а еще глина, зерна кварца и шпата.

Плиний Старший приводит следующий рецепт использования этой краски: «Живописцы, накладывая сначала сандик (ярко-красная краска. — *А.В.*), затем нанося на него пурпурисс, смешанный с яйцом, достигают яркости миния (киноварь. — *А.В.*). Если они предпочитают добиться яркости пурпура, то накладывают сначала лазурь, затем наносят на нее пурпурисс, смешанный с яйцом» (пер. Г.А. Тароняна).

...В наши дни добыча пурпура давно прекратилась. Его научились изготавливать искусственным путем. Получается даже лучше, чем у финикийцев, но это никак не умаляет их заслуг. Ведь они сумели изготовить краситель, не имея понятия ни о каких химических формулах и законах.

В настоящее время в Ливане мало что напоминает о финикийском промысле пурпура. Большую часть скопившихся когда-то ракушек — отходов производства красильщиков — давно смыло море. Лишь в Сайде осталась груда раковин.

4.4. В умелых руках песок превращается в золото

Стекло тоже научились делать первыми не финикийцы, но они внесли важные новшества в технологию его производства. В Финикии это ремесло достигло совершенства. Стеклянные изделия местных мастеров пользовались огромным спросом. Античные авторы были даже убеждены, что стекло изобрели финикийцы, и эта ошибка является весьма показательной.

На самом деле все начиналось в Месопотамии и Египте. Еще в IV тысячелетии до нашей эры египтяне научились изготавливать глазурь, которая близка по своему составу к древнему стеклу. Из песка, золы растений, селитры и мела они получали мутное, непрозрачное стекло, а потом формовали из него небольшие сосуды, которые пользовались большим спросом.

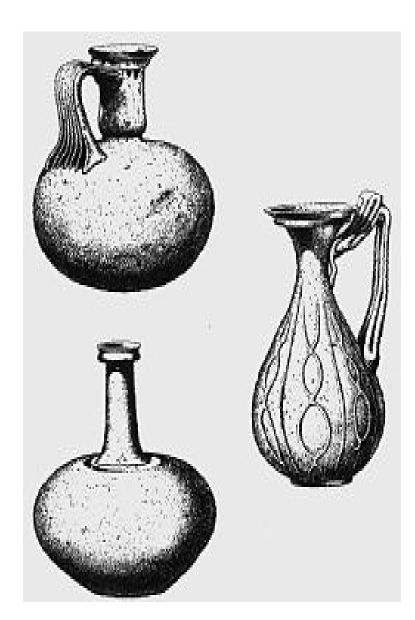
Самые ранние образцы настоящего стекла — бусы и другие украшения — появляются в Египте около 2500 года до нашей эры. Стеклянные сосуды — маленькие чаши — известны в северной Месопотамии и Египте примерно с 1500 года до нашей эры. С этого времени начинается широкое производство этого материала.

Стеклоделие в Месопотамии переживает настоящий расцвет. Сохранились клинописные таблички, в которых описывается процесс изготовления стекла. Готовое стекло сверкало различными оттенками, но не было прозрачным. В начале I тысячелетия до нашей эры, очевидно, там же, в Месопотамии, научились изготавливать полые предметы из стекла. В Египте в XVI—XIII веках до нашей эры также изготавливали стекло высокого качества.

Финикийцы использовали опыт, накопленный мастерами Месопотамии и Египта, и вскоре стали играть ведущую роль. Временный упадок, переживаемый ведущими державами Древнего Востока в начале I тысячелетия до нашей эры, помог финикийцам завоевать рынок.

Начиналось же все от бедности. Финикия была обделена полезными ископаемыми. Немного глинозема — и все. Только лес, камень, песок и морская вода. Казалось бы, нет никакой возможности развивать свою промышленность. Можно лишь перепродавать купленное у соседей. Однако финикийцы сумели наладить производство товаров, которые пользовались необычайным спросом повсюду. Из ракушек они добывали ценную краску; из песка стали делать... стекло.

В горном Ливане песок богат кварцем. А кварц представляет собой кристаллическую модификацию диоксида кремния (кремнезема); это же вещество является важнейшим компонентом стекла. Обычное оконное стекло содержит более 70 процентов кремнезема, а свинцовое — около 60 процентов.

Финикийские стеклянные вазы, найденные в Тире

Особенно славился своим качеством песок, который добывали у подножия горы Кармел. По словам Плиния Старшего, там «есть болото, которое называется Кандебия». Отсюда вытекает река Бел. Она «илиста, с глубоким дном, песчинки в ней можно увидеть только при отливе моря; перекатываемые волнами и таким образом очищаясь от грязи, они начинают сверкать. Считают, что тогда они и затягиваются морской едкостью... Это пространство берега составляет не больше пятисот шагов, и только оно в течение многих веков

было источником для производства стекла». Тацит в своей «Истории» тоже упоминает, что в устье реки Бел «добывают песок, из которого, если варить его с содой, получается стекло; место это совсем небольшое, но, сколько ни берут песка, запасы его не иссякают» (пер. Г.С. Кнабе).

Проверив эти рассказы, археологи выяснили, что в песке реки Бел содержится 14,5—18 процентов извести (карбоната кальция), 3,6—5,3 процента глинозема (оксида алюминия) и около 1,5 процента углекислого магния. Из смеси этого песка с содой получается прочное стекло.

Итак, финикийцы брали обычный песок, которым была богата их страна, и смешивали его с гидрокарбонатом натрия — питьевой содой. Ее добывали в египетских содовых озерах или же получали из золы, оставшейся после сгорания водорослей и степной травы. Добавляли к этой смеси щелочноземельный компонент — известняк, мрамор или мел, — а затем нагревали все это примерно до 700—800 градусов. Так возникала пузыристая, вязкая, быстро застывавшая масса, из которой изготавливали стеклянный бисер или, например, выдували изящные, прозрачные сосуды.

Финикийцы не довольствовались простым подражанием египтянам. Со временем, проявив невероятную выдумку и упорство, они научились изготавливать прозрачную стекловидную массу. Можно только гадать, сколько времени и труда им это стоило.

Первыми в Финикии занялись стеклоделием жители Сидона. Случилось это сравнительно поздно — в VIII веке до нашей эры. К тому времени почти тысячу лет на рынках господствовали египетские поставщики.

Впрочем, Плиний Старший приписывает изобретение стекла именно финикийцам — экипажу одного судна. Оно якобы шло из Египта с грузом соды. В районе Акко моряки причалили к берегу, чтобы пообедать. Однако рядом не удалось найти ни одного камня, на который можно было бы поставить котел. Тогда кто-то взял с

корабля несколько кусков соды. Когда же они «расплавились от огня, смешавшись с песком на берегу», то «потекли прозрачные ручьи новой жидкости, — таким было происхождение стекла». Многие считают эту историю выдумкой. Однако, по мнению ряда исследователей, в ней нет ничего невероятного — разве что место указано неверно. Произойти она могла близ горы Кармел, да и время изобретения стекла точно неизвестно.

Поначалу финикийцы изготавливали из стекла покрытые орнаментом сосуды, украшения и безделушки. Со временем они разнообразили производственный процесс и стали получать стекло различных сортов — от темного и мутного до бесцветного и прозрачного. Они умели придавать прозрачному стеклу любой цвет; оно не мутнело от этого.

По своему составу это стекло было близко современному, но отличалось соотношением компонентов. Тогда оно содержало больше щелочи и оксида железа, меньше кремнезема и извести. Это снижало температуру плавления, но ухудшало качество. Состав финикийского стекла был примерно следующим: 60—70 процентов кремнезема, 14—20 процентов соды, 5—10 процентов извести и различных оксидов металла. В некоторых стеклах, особенно непрозрачных красных, обнаружено много свинца.

Спрос рождал предложение. В крупнейших городах Финикии — Тире и Сидоне — выросли стекольные заводы. Со временем цены на стекло снизились, и оно превратилось из предмета роскоши в античный ширпотреб. Если библейский Иов приравнивал стекло к золоту, говоря, что мудрость не оплатить ни золотом, ни стеклом (Иов. 28, 17), то со временем стеклянная посуда потеснила и металлическую, и керамическую. Финикийцы наводнили все Средиземноморье стеклянными сосудами и бутылками, бисером и плиткой.

Свой наивысший расцвет это ремесло переживает уже в римскую эпоху, когда, вероятно, в Сидоне открыли способ выдувания стекла. Случилось это в I веке до нашей эры. Славились умением выдувать стекло также мастера Беруты и Сарепты. В Риме и Гал-

лии это ремесло тоже получило широкое распространение, поскольку туда переселилось немало специалистов из Сидона.

Сохранилось несколько сосудов из дутого стекла, помеченных знаком мастера Энниона из Сидона, работавшего в Италии в начале или середине I века нашей эры. Долгое время эти сосуды считались самыми ранними образцами. Однако в 1970 году при раскопках в Иерусалиме был обнаружен склад с литыми и дутыми стеклянными сосудами. Они были изготовлены в 50—40 годах до нашей эры. Очевидно, дутье стекла появилось в Финикии несколько раньше.

По словам Плиния Старшего, в Сидоне придумали даже зеркала. Они были в основном круглыми, выпуклыми (их также изготавливали из дутого стекла), с тонкой металлической подкладкой из олова или свинца. Вставляли их в металлическую рамку. Подобные зеркала изготавливали вплоть до XVI века, когда венецианцы изобрели оловянно-ртутную амальгаму.

Именно знаменитая венецианская мануфактура продолжила традиции сидонских мастеров. В Средние века ее успехи привели к упадку спроса на ливанское стекло. И все же даже в эпоху крестовых походов стекло, произведенное в Тире или Сидоне, пользовалось большим спросом.

В наши дни остатки стекловаренных печей, построенных в римскую или византийскую эпоху, еще можно встретить на побережье между современными городами Сур (Тир) и Сайда. В Сарепте море, отступив от берега, обнажило остатки древних печей. Среди развалин древнего Тира руины печей отыскали археологи. Стекло, оставшееся в печах, приятного зеленоватого цвета, довольно чистое, но не прозрачное.

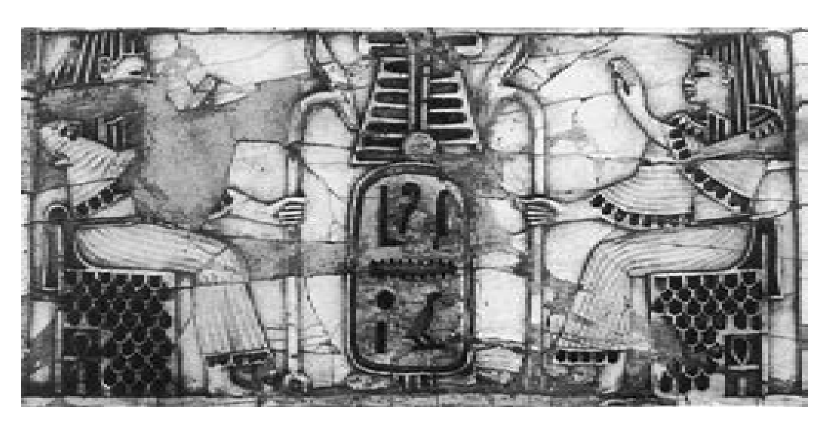
4.5. Что породила роскошь?

Скажем несколько слов и о других финикийских мастерах, изготавливавших фигурки из слоновой кости, сосуды из золота, бронзы или серебра, резную деревянную мебель, темно-красные керамические вазы, чаши, ожерелья, браслеты, оружие.

Еще Гомер славил искусные безделицы из металла, изготовленные мастерами Финикии. Чаши из драгоценных металлов, нередко украшенные финикийскими надписями, обнаруживают в различных уголках Средиземноморья. Их вид примечателен. Они демонстрируют популярные мотивы самых разных культур того времени, причудливо смешивая их. Так, на финикийской серебряной чаше VII века до нашей эры, найденной на Кипре, — ее диаметр всего 20 сантиметров, — изображено множество человеческих фигурок. Это — ассирийские, греческие и египетские солдаты, штурмующие стены города; египтяне, срубающие деревья эгейскими двойными топорами. Рядом виднеются египетские боги, крылатые скарабеи, стилизованная финикийская пальма. Такие же красивые, многофигурные финикийские чаши найдены в Италии. Их художе-

Эти бронзовые женские фигурки работы финикийских мастеров найдены в Алеппо, Баальбеке и Хомсе

Эта работа финикийского мастера, найденная во дворце ассирийских царей в Калахе, напоминает работы египетских умельцев. Пластина вырезана из слоновой кости

ственные достоинства точно оценил Дональд Харден: «Во всех этих чашах проявляется удивительное чувство композиции финикийских художников. Хотя на бордюрах изображено множество деталей, они совершенно не теснят друг друга». Обращает на себя внимание обилие египетских мотивов в произведениях финикийских художников. Подобные мотивы достаточно рано начинают восприниматься как свои собственные. Так, еще в бронзовом веке финикийские мастера вырезают из слоновой кости изделия, напоминающие египетские. На пластинках из этого материала изображают сфинксов, цветы лотоса, женщин в египетских париках, атрибуты египетских божеств.

Финикийские штемпельные печати часто изготавливаются в форме скарабеев. Их вырезают из сердолика и других камней, оправляют в кольца, подвешивают к ожерельям или браслетам. Штемпельные печати к началу I тысячелетия до нашей эры постепенно

вытеснили цилиндрические, поскольку оставлять с их помощью оттиск можно было не только на глине — самом распространенном когда-то письменном материале Передней Азии, — но и на других материалах. В Финикии эти печати напоминают произведения египетского искусства не только своей формой, но и сюжетами изображений.

В этом нет ничего случайного. Само положение Финикии и особенно успехи местных купцов делали эту страну посредником между культурами Египта, Месопотамии, Малой Азии, Эгейского региона и Западного Средиземноморья. Финикия соединяла Восток и Запад, Север и Юг, заимствовала у них все лучшее и синтезировала свое оригинальное искусство, в котором составляли одно целое египетские, ассирийские, греческие черты.

Подводя итоги, можно сказать, что к финикийским ремесленникам и купцам как нельзя лучше относится фраза, столь попу-

Корова с теленком — шедевр финикийского искусства. Слоновая кость

Финикийский сфинкс. Мегиддо (слоновая кость, XIII в. до. н.э.)

лярная у социологов в начале прошлого века: «Великие состояния возникали за счет удовлетворения самых изысканных потребностей». Экономическая история Финикии неожиданно заставляет вспомнить фразу немецкого экономиста Вернера Зомбарта: «Роскошь породила капитализм».

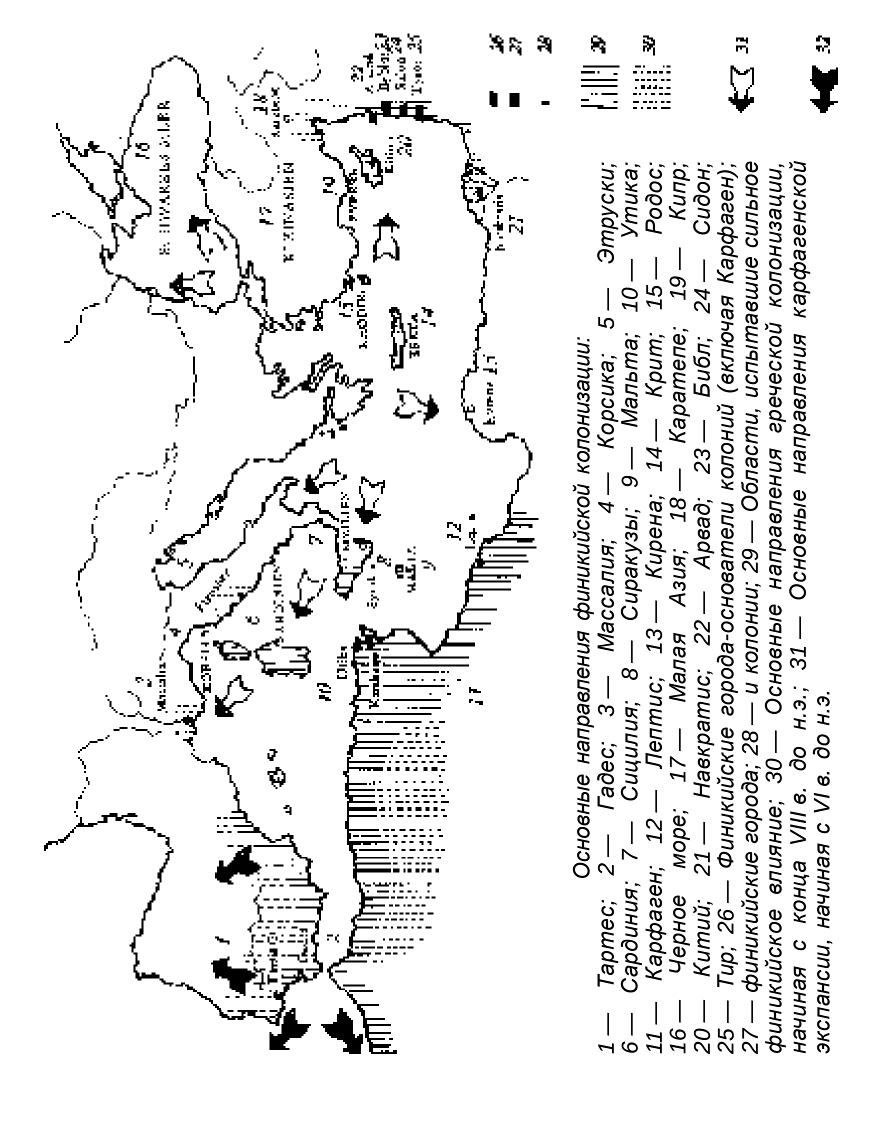
5. ВРЕМЯ СВОИХ КОЛОНИЙ

5.1. Путь в бескрайнее море

Что такое Финикия? Клочок земли. Россыпь песка. Груда скал. Западня, из которой как будто не выбраться. Почти со всех сторон света сюда приходят армии, чтобы разграбить финикийские города. Лишь одна дорога свободна от врагов — дорога на запад. Морская дорога. Она уходит вдаль, в бесконечность. По краям ее — на берегах и островах — много пустующих земель, где можно строить новые города, с прибытком торговать, не бояться ни египетского царя, ни ассирийского.

И когда у финикийцев появились быстролетные корабли, они отрядами и общинами стали покидать родину и переселяться в заморские страны. Там они основывали свои колонии, поскольку их небольшая страна не могла прокормить их. Большинство финикийских колонистов выезжало из города Тира. Каждое новое бедствие, постигавшее родину, порождало новую волну эмиграции. По словам Квинта Курция Руфа, земледельцы Финикии, «измученные частыми землетрясениями… были вынуждены с оружием в руках искать для себя новых колоний на чужбине» — искать счастья за пределами родины.

Где бедствия, там и бедность. Где бедность, там неизбывная беда. От нее бегут хоть на край света. На рубеже I тысячелетия до

Основные направления финикийской колонизации:
1 — Тартес; 2 — Гадес; 3 — Массалия; 4 — Корсика; 5 — Этруски; 6 — Сардиния; 7 — Сицилия; 8 — Сиракузы; 9 — Мальта; 10 — Утика; 11 — Карфаген; 12 — Лептис; 13 — Кирена; 14 — Крит; 15 — Родос; 16 — Черное море; 17 — Малая Азия; 18 — Каратепе; 19 — Кипр; 20 — Китий; 21 — Навкратис; 22 — Арвад; 23 — Библ; 24 — Сидон; 25 — Тир; 26 — Финикийские города-основатели колоний (включая Карфаген); 27 — финикийские города; 28 — и колонии; 29 — Области, испытавшие сильное финикийское влияние; 30 — Основные направления греческой колонизации, начиная с конца VIII в. до н.э.; 31 — Основные направления карфагенской экспансии, начиная с VI в. до н.э.

нашей эры в Финикии усиливается имущественное неравенство. Обстановка внутри крошечных городов-государств обостряется. Ни один из них не способен ни навести у себя порядок, ни объединить страну. Их правители — особенно цари Тира — могут лишь ослабить напряжение среди подданных. Они отправляют разоренных сограждан в заморские колонии, опасаясь их волнений, тем более что им приходилось страшиться и восстания рабов.

Время начала колонизации — XII век до нашей эры — отнюдь не случайно. В более ранний период почти вся морская торговля находилась в руках критян и ахейцев. После гибели микенского общества торговля между Востоком и Западом оказалась в руках финикийцев. В эпоху великого переселения «народов моря» их страна в основном избежала разрушения.

Теперь конкуренции можно было еще долго не опасаться. Ослабев в конце Нового царства, Египет почти на 500 лет перестал быть морской державой. Угарит был разрушен. «Народы моря» участвовали в морской торговле, но без особого успеха. При таких благоприятных условиях финикийцы стали создавать торговые фактории и колонии на берегах Средиземного моря. Первые из них появились на Кипре в XII веке до нашей эры. В том же столетии, ориентировочно в 1101 году до нашей эры, возникла первая колония финикийцев в Северной Африке — город Утика, расположенный к северо-западу от современного города Туниса.

В XII—XI веках до нашей эры финикийцы обустраивают свои колонии вдоль всего побережья Средиземного моря: в Малой Азии, на Кипре и Родосе, в Греции и Египте, на Мальте и Сицилии. Финикийцы основали колонии в самых известных гаванях Средиземного моря: в Кадисе (Испания), Валетте (Мальта), Бизерте (Тунис), Кальяри (Сардиния), Палермо (Сицилия). Около 1100 года до нашей эры финикийские купцы поселились на Родосе. В это же время они обосновались на богатом золотом и железом Фасосе, на Фере, Кифере, Крите и Мелосе, а, возможно, и во Фракии.

Мелос, по сообщению Стефана Византийского, даже в своем названии хранил память о своих первооткрывателях: «Финикийцы были его первыми жителями; тогда остров именовался Библис, поскольку они прибыли из Библа». Действительно, этот островок поначалу называли Мимблис, и название это может происходить от слова Библис. Затем Мимблис стал Мималлисом и, наконец, Мелосом.

В то время острова Эгейского моря значительно отставали в своем развитии от финикийских городов-государств. Здесь финикийцы могли не опасаться конкуренции со стороны местных торговцев. Совсем иначе протекала колонизация к юго-западу от метрополии. Здесь на пути финикийских купцов лежал Египет — страна, на побережье которой совсем нелегко было основать свои торговые фактории. Египтяне не позволяли приезжим купцам хозяйничать в их стране. Им приходилось снимать жилье и повиноваться египетским законам.

Впрочем, финикийцы соглашались и на такие условия. По словам Геродота, со временем в Мемфисе даже образовался «тирский квартал». В нем был воздвигнут и храм «чужеземной Афродиты», то есть Астарты. Кроме того, финикийскую керамику находят в различных уголках Нильской дельты — там, где, вероятно, разгружались корабли финикийцев или располагались их склады. Конечно, финикийские торговцы в Египте не играли особой роли. Их колонии процветали только в слаборазвитых странах, а Египет к таковым не относился.

Более знамениты были другие африканские колонии финикийцев, о которых сообщал в своей «Югуртинской войне» римский историк Саллюстий: «Впоследствии финикияне, одни — чтобы уменьшить численность населения на родине, другие — стремясь к господству, побудив простой народ и других людей, жадных до переворотов, основали на морском побережье Гиппон, Гадрумет, Лепту и другие города, и те, вскоре значительно усилившись, стали для своих городов-основателей одни оплотом, другие украшением» (пер. В.О. Горенштейна).

В материковой Италии, где греки впоследствии основали множество колоний — «Великую Грецию», — тоже никогда не было финикийских поселений, но торговые контакты финикийцев с жителями Италии были довольно тесными. Вероятно, поселение финикийцев имелось даже в Риме.

Так, финикийцы стали наследниками критских и микенских купцов и мореходов. Их города и торговые фактории превратились в крупнейшие пункты сбыта сирийских и ассирийских товаров, продукции Вавилонии и Египта.

Именно финикийцы приобщили к культуре дорийских греков — грубых мужланов, разрушивших микенские города. Финикийцы обучили их мореплаванию и привили им вкус к роскоши, за которую те расплачивались металлом и белокурыми, голубоглазыми рабынями.

Позднее ученики бросили вызов учителям. Уже в VIII веке до нашей эры, судя по археологическим данным, начинают проявлять активность греческие купцы. К этому времени «золотой век» Финикии был уже позади. Страна страдала от притеснений со стороны ассирийских царей.

Пока же до этого времени было далеко. Процветание Финикии только начиналось. И «золотой век» лишь забрезжил — еще не воссиял. Не снаряжая армии, не высылая в дальние страны целый флот, финикийцы постепенно подчинили своей власти все Средиземноморье, полагаясь лишь на хитроумие отдельных корабельщиков.

Финикийцев часто сравнивают с греками. Обе страны были политически раздроблены и состояли из отдельных городов-государств; обе были морскими державами и колонизовали побережье Средиземного моря. Однако финикийская колонизация принципиально отличалась от греческой. Между Тиром и его колониями существовала неразрывная связь. Последние составляли часть Тирской державы. Греческие же колонии были чаще всего независимы от метрополий.

Иначе финикийцы выбирали и место для поселения. Они не продвигались вглубь чужой для них страны, не стремились к территориальному завоеванию. Владевшие полоской земли на родине, они и на чужбине довольствовались таким же клочком суши. Они лишь

возводили города на берегу бухт, удобных для их кораблей, укрепляли свои поселения и начинали торговать с туземцами. Так берега Средиземного моря покрылись финикийскими факториями.

А бескрайняя даль воды, все открывавшаяся перед ними, звала их вперед. Финикийцы не ограничились средиземноморским миром. Они вышли за Гибралтарский пролив и проложили морскую дорогу на север — к Британским островам. Плавали они и на юг — вдоль атлантического берега Африки, хотя эта акватория не нравилась им из-за сильных приливов и бурного нрава. Впервые в истории человечества финикийцы совершили плавание вокруг Африки, пройдя от Красного моря до Гибралтара. Они осмеливались заплывать даже в глубь Атлантического океана, удаляясь от берегов. Известно, что финикийцы побывали на Азорских и, очевидно, Канарских островах.

Возможно, что именно у финикийцев греки заимствовали идею Мирового океана. Ведь те плавали во «внешнее море» — в Атлантический океан. «Думается, — развивал эту мысль Ю.Б. Циркин, — что плавания финикийцев и испано-финикийцев по океану, где они не могли найти ни противолежащего берега, ни конца, ни начала, и породили мысль о текущей в себя реке, за которой находится царство смерти».

На ближнем берегу этой реки, в преддверии царства смерти, финикийцы деловито обживались и обустраивали свои колонии. Согласно Плинию Старшему, самая первая колония тирийцев в Западном Средиземноморье была создана за Гибралтаром на африканском берегу при впадении реки Ликс (современный Луккус) в Атлантический океан. Однако это поселение находилось в стороне от торговых путей, ведущих в Южную Испанию. Следующее место для колонии было выбрано более удачно: на юге Пиренейского полуострова возник город Гадес (современный Кадис). Так финикийцы впервые в истории пришли с крайнего востока Средиземноморья на крайний запад. Морским путем можно было добраться из Тира в Гадес примерно за два с половиной месяца. Путь этот был полон опасностей.

Только вдумайтесь: жители ничтожно малой страны — пятнышка на берегу Средиземного моря — сумели покорить почти все его побережье и все его острова, везде обустроив колонии, и с той же легкостью выбрались за его пределы. Жители пары скалистых островков снаряжали экспедиции, которым могли лишь завидовать их соседи, царившие над огромными странами. В крохотных, как скорлупки, судах они смело пускались в любую часть Средиземного моря и даже в Атлантический океан, а ведь в то время, когда они лишь отправлялись в плавание к побережью Испании или Ливии, Средиземное море было известно им и их современникам хуже, чем нам поверхность Луны. Берега моря и его проливы населяли чудовища, воспетые Гомером, — циклопы, сциллы, харибды... Пускаясь в плавание, финикийцы не знали ни протяженности моря, ни его глубины, ни опасностей, ожидающих их. Они плыли вперед наудачу, положась на нее, как никто из современных им народов. И удача пришла к ним.

Конечно, и корабельщики со временем набирались опыта, и плыть они старались вдоль берега от одной базы к другой, да и немало лет прошло, пока, обживая незнакомые берега, они добрались до южной оконечности Испании, но ведь кто-то — решительный и смелый — плыл этим маршрутом первый раз, кто-то отважился искать счастья на чужбине, не надеясь на помощь многочисленной армии! И кто-то платил за это по самому большому счету — жизнью. Мы не знаем в подробностях историю колонизации Средиземного моря, но можем предположить, что множество людей погибло в его волнах, прежде чем судоходство в его акватории (а она охватывает два с половиной миллиона квадратных километров) стало надежным.

Ради чего гибли эти люди? Ради голой наживы? Вряд ли финикийцы — этот талантливый во всех отношениях народ — с упрямством идиотов пускались в путь, думая только о том, чтобы после нескольких лет отчаянных приключений и бедствий продать товар чуть выгоднее, чем их прямые конкуренты. Не только расчет гнал

их вперед, но и самые разные чувства: любовь к странствиям, одолевавшая еще их предков — аравийских бедуинов, любопытство, жажда новизны, азарт, тяга к приключениям, авантюрам, рискованным опытам. Потомки степных номад превратились в морских кочевников. Когда же оказалось, что эти странствия с лихвой окупались, потому что в любой незнакомой стране можно было выгодно выменять золото или серебро, олово или медь, тогда и романтика понемногу уступила место коммерческому расчету.

В последние десятилетия не раз обсуждалась возможность плавания финикийцев даже в Америку. «Очень часто делались попытки доказать пребывание финикиян в Америке, — писал Ричард Хенниг. — Так, например, 16 октября 1869 года близ Ла-Файетта были якобы найдены древнефиникийские надписи, а в 1874 году такие же надписи были найдены в Параибе (Бразилия)... В 1869 году у реки Онондаги (штат Нью-Йорк) якобы была обнаружена в земле огромная статуя с сильно стертой финикийской надписью. Все эти сообщения оказались недостоверными». Подобные подделки появлялись и впоследствии. Например, в 1940 году некий Уолтер Стронг нашел «не более и не менее как 400 (!) камней с финикийскими письменами».

Конечно, какой-нибудь финикийский корабль, миновавший Гибралтар, мог быть — во время шторма или из-за поломки — отнесен далеко на запад и по случайности достичь Америки. Вероятно, экипаж этого корабля, в конце концов, ждала гибель. Если кому-то из моряков и суждено было, претерпев муки голода и жажды, — а финикийцы, часто делавшие остановки в пути, старались не брать с собой запасы продовольствия и воды, — наконец, добраться до Америки, то обессиленные, полумертвые моряки становились легкой добычей воинственных индейцев — или жертвой рокового случая. Однако у археологов нет ни малейших доказательств того, что финикийцы совершали регулярные плавания к берегам Америки или поддерживали торговые отношения с индейцами. Никаких фактов, подтверждающих это, нет.

Колонии, созданные финикийцами, сохраняли связь с метрополией и платили ей дань. Находясь на чужбине, финикийцы хранили верность не только родным богам, но и родному языку. Не менее прочными были узы хозяйственных интересов, связывавшие колонию с метрополией. Длительная изоляция непременно привела бы к гибели колонии.

Впрочем, взаимоотношения между метрополиями и их колониями подчас складывались драматично. Колонии стремились стать самостоятельными государствами. Метрополия же всячески сдерживала развитие колоний, добиваясь, чтобы те занимались лишь торговлей с окрестными жителями, а не устанавливали отношения с другими державами. Однако такой покорности было уже не добиться. Постепенно все большая часть прибыли оставалась у них. Порой они отказывались платить дань. Тогда приходилось отправлять войска, чтобы силой оружия принудить своих недавних земляков к повиновению. Так, по сообщению Иосифа Флавия, при тирском царе Хираме I была предпринята карательная экспедиция против африканского города Утика (или кипрского города Китий, как предлагают читать эту фразу современные историки). Заметим, что греки никогда не занимались разграблением своих собственных колоний. Когда же ничто не могло удержать колонию от разрыва с метрополией, то последней оставалось только искать новые рынки сбыта и основывать новые поселения.

Величайшей колонией финикийцев и их величайшим соперником в торговле стал город Карфаген в Северной Африке, основанный в IX веке до нашей эры. Долгое время карфагенские власти ежегодно направляли посольство в Тир и уплачивали десятину главному храму метрополии. Эти отношения имели отчетливый религиозный подтекст. Жители африканской колонии не столько платили дань Финикии, сколько воздавали должное богам родной земли, оберегавшим их в далекой стране.

Со временем Карфаген начал доминировать в Западном Средиземноморье. Карфагеняне сами стали основывать колонии в

Испании, Северной Африке и на атлантическом побережье Африки. Иногда это были укрепленные гавани, в которых торговали с местным населением; иногда — купеческие кварталы в местных городах.

Культурное влияние финикийцев (и карфагенян) в средиземноморских странах было очень велико. Жители стран, на побережье которых финикийцы создавали свои колонии, перенимали у них секреты ремесел. Население Северной Африки вслед за пришлыми колонистами стало выращивать оливковые деревья и виноград. Финикийский язык превратился в «лингва франка» — международный язык купцов — во всем Средиземноморье. «Золотой век» Финикии еще долго бросал свой отсвет на все соседние и заморские страны.

5.2. Под солнцем Кипра, на медных рудниках

По мнению Сабатино Москати, финикийцы уже во II тысячелетии до нашей эры основали свои торговые фактории на Кипре. С начала I тысячелетия до нашей эры, как показали раскопки, проведенные В.Карагеоргисом, значительная часть Кипра, прежде захваченного «народами моря», принадлежала финикийцам. Здесь располагались важнейшие колонии Тира и Сидона. Кипр стал промежуточной стоянкой финикийских кораблей.

Финикия была промышленной страной. Ее мастерским требовались все новые поставки сырья — особенно нужна была медь. Ливанские горы были ей бедны, а вот на Кипре имелись обширные залежи медной руды. На склонах гор в центре острова еще и поныне видны целые холмы шлаков, оставшиеся от древних разработок руды.

Медь на острове добывали еще до прихода финикийцев. Так, среди амарнских писем найдено послание кипрского царя фараону: «Смотри, мой брат, я направил тебе пятьсот талантов меди… и я пришлю тебе (впредь) столько меди, сколько захочешь».

Таким образом, цари Тира и Сидона были не первыми и не последними, кто направлялся на Кипр за медью. Для них она была жизненно важна. Они основали на Кипре не менее пяти городов, в окрестностях которых добывали медь или из гаваней которых ее вывозили в метрополию. Важнейшим финикийским центром на Кипре был портовый город Китий (Китион). Медь здесь выплавляли еще в начале XIII века до нашей эры — задолго до появления тирийцев.

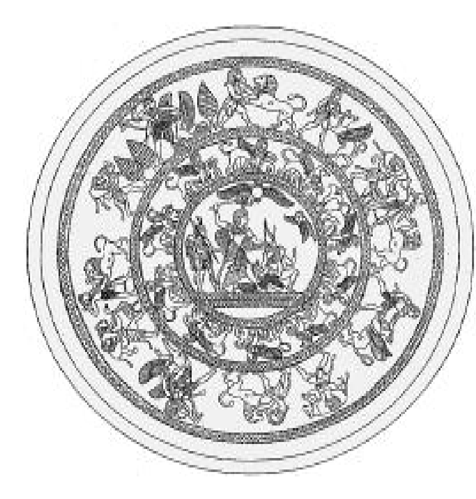
Фрагмент финикийской серебряной чаши из Амата (Кипр). Диаметр — 18,7 см. На внешнем фризе чаши изображены египетские, греческие и ассирийские воины, штурмующие финикийский город; на внутреннем фризе изображены египетские божества, VII в. до н.э.

Постепенно финикийские города на Кипре — Тамасс, Идалий, Амат — все больше напоминали родину. Здесь строились храмы финикийских богов. Здесь правили цари с нарочито финикийскими именами: Баалмильк, Осбаал, Баалрам. Самый знаменитый уроженец Кития — философ Зенон, основатель стоицизма, тоже наверняка был финикийцем. Во всяком случае, судя по сохранившемуся бюсту, Зенон был наделен отчетливыми семитскими чертами.

В одном отношении Кипр представлял собой исключение среди финикийских колоний. Только здесь финикийцы владели обширными земельными владениями. Обычно они стремились не

обременять себя сельскохозяйственными заботами. Ведь эти занятия, как выразился немецкий историк Герхард Херм, «противоречили их представлениям о рациональности».

Отношения между финикийцами и кипрскими колониями не всегда были теплыми. В конце VIII века до нашей эры тирский царь Элулай даже совершил поход на Кипр, чтобы подавить восстание, вспыхнувшее в Китии. Это возмутило ассирийцев, владевших в то время Финикией. Они решили покарать своевольных подданных, скорых на войны.

Кипро-финикийская чаша. В центре традиционный египетский мотив: «Фараон побивает своих врагов». На внутреннем фризе изображены сфинксы, в лапах которых трепещут враги. На внешнем фризе изображены воины, сражающиеся со львами и драконами (месопотамский мотив). Чаша напоминает также работы греческих мастеров

В XVII веке в Ларнаке — городе, лежащем на месте Киттия, — были найдены несколько надписей. Именно с них началась история дешифровки финикийской письменности. В 1750 году способ их прочтения предложил Джон Суинтон, хранитель архива Оксфордского университета. Впрочем, если бы не близкое родство финикийского языка с древнееврейским, дешифровка не произошла бы так быстро, ибо даже в наши дни количество известных нам текстов на финикийском языке сравнительно невелико. Вскоре после этого аббат Бартелеми опубликовал в Париже собственные результаты дешифровки, основанные на обозначениях на монетах и двуязычных надписях — греческой и финикийской, — найденных на Мальте.

5.3. Есть страна, зажатая между двумя столпами...

Один из маршрутов финикийцев вел их на север Эгеиды, возможно, даже в Черное море. На унылом и диком острове Фасос финикийцы отыскали железную руду и начали разрабатывать ее месторождение. Геродот, посетивший Фасос в V веке до нашей эры, нашел, правда, лишь следы рудника, обустроенного колонистами — к тому времени их вытеснили греки. Историк писал, что в поисках металла финикийцы разрыли здесь целую гору.

Этот финикийский амулет найден при раскопках в Испании

Появление этого рудника, как и других подобных ему, знаменовало новую эпоху в истории человечества — железный век. Финикийские мастера начинают обрабатывать железо вскоре после вторжения «народов моря». Если в бронзовом веке железо было дороже золота и серебра и из него изготавливали культовые статуэтки и украшения, то теперь оно перестало быть предметом роскоши. Из него мастерили орудия труда: мотыги, серпы, леме-

ха плуга. Стоимость железа резко упала. Уже в X веке до нашей эры две трети орудий и украшений в Восточном Средиземноморье изготавливают из железа. В VI веке до нашей эры железо будет стоить в Вавилоне вдвое меньше, чем бронза. С появлением железных орудий расширится площадь обрабатываемых земель; в горных районах станут прокладывать каналы, пробивая железными орудиями скальные породы; в степных районах и горах начнется рытье колодцев, что расширит область оседлого поселения людей.

Поблизости от рудника финикийцы возвели храм Мелькарта. Очевидно, при нем проживали купцы из Тира. В то время любого чужеземца подстерегали опасности. Его могли ограбить, убить или продать в рабство. Храм же считался священным местом. Мало кто решался нарушить его неприкосновенность и бросить вызов богам. В минуту опасности купцы укрывались в храме; за это и платили его жрецам сторицей — приносили им богатые дары и отдавали десятую часть дохода.

Именно здесь, на Фасосе и других островах Эгейского моря, финикийцы узнали о том, что где-то далеко — там, где заходит солнце, а море зажато между двумя скалами, вознесшимися как столпы, — лежит удивительная страна. Кому удается побывать там, — а случается это редко, — тот привозит олово и серебро, ведь люди, населившие ту страну, не знают настоящей цены металлам.

Путь туда труден. Страна лежит на краю света, и за ней простирается безбрежный океан. Даже божья власть не распространяется на нее — так она далека. Недаром библейский пророк Иона собрался бежать от Господа в эту страну вместо того, чтобы проповедовать истинную веру ассирийцам.

Туда, в эту даль, на Пиренейский полуостров, и добрались финикийцы. Они завязали дружбу с местным населением — иберами. Те, правда, вовсе не походили на дикарей и не раздаривали металлы, а продавали их. После этого финикийцы ехали с покупками «в Грецию, Азию и другие страны, получая большой доход, и занимались такой торговлей долгое время» (Диодор).

Позднее финикийцы продавали жителям Испании керамику, в частности, амфоры, оливковое масло, ювелирные изделия и обработанную слоновую кость. Финикийские амфоры, кстати, заметно отличались от греческих: они были биконическими, то есть сужались не только кверху, но и книзу, образуя острие. В конце IV века до нашей эры дно амфор стало заканчиваться заостренным выступом. Ее легко можно было воткнуть в землю или вставить в отверстие, предусмотренное на полке или полу.

Древнейшей и важнейшей финикийской колонией на Пиренейском полуострове был город Гадир, что на пуническом языке означает «огороженное место» или «крепость». Город этот больше известен под своим латинским названием — Гадес. Что касается даты его основания, то, писал Ю.Б.Циркин на страницах своей книги «Финикийская культура в Испании», нет причин сомневаться «в традиционной, восходящей к местным преданиям датировке основания Гадеса в XII веке до нашей эры», приблизительно в 1104 году. По преданию, финикийцы дважды приносили жертвы богам, выбирая место для будущего города, но оба раза боги отвергали приношение. Лишь третий раз, остановившись у небольших островков возле побережья, они дождались благоприятных знамений.

Впрочем, еще до основания Гадеса финикийцы бывали в Испании. Со временем на ее южном побережье появились другие финикийские колонии — Малага (Малака), Секси, Абдера. Время их основания трудно определить. Предположительно, они возникли в IX—VI веках до нашей эры. Обычно эти поселения, как и города в Финикии, лежали на островах в устьях рек, холмах близ них или же скалах, вдававшихся в море. Расстояние между поселениями составляло от 800 метров до 4 километров. Первоначально они были якорными стоянками. Люди, жившие здесь, занимались не только торговлей, но и земледелием и животноводством. При раскопках археологи часто находят здесь кости животных.

Сеть поселений, созданных финикийцами в Южной Испании, оказала огромное влияние на культуру жителей Пиренейского по-

луострова. Они перенимали многие обычаи финикийцев: поклонялись их богам, хоронили умерших по финикийскому образцу.

В VIII веке до нашей эры на юге Испании возникло царство Тартесс — первое государственное образование в Европе за пределами Греции и Италии. Находясь в удобном месте, на границе Средиземного моря и Атлантического океана, Тартесс связывал средиземноморские страны с атлантической Европой. Позднее жители Тартесса попытались завоевать Гадес. Однако финикийцы сумели отбить нападение и отстоять независимость. Этому способствовало удобное положение города.

Гадес, как и Тир, находился на острове, отделенном от материка узким проливом. Остров был длиной около 20 километров и шириной не более километра. Он словно рассекал бухту, в которой расположился. На острове имелся источник питьевой воды, поэтому в случае войны с местными племенами город был готов выдержать осаду. Со временем остров соединился с материком, но некоторые районы древнего города и его некрополи исчезли под водой.

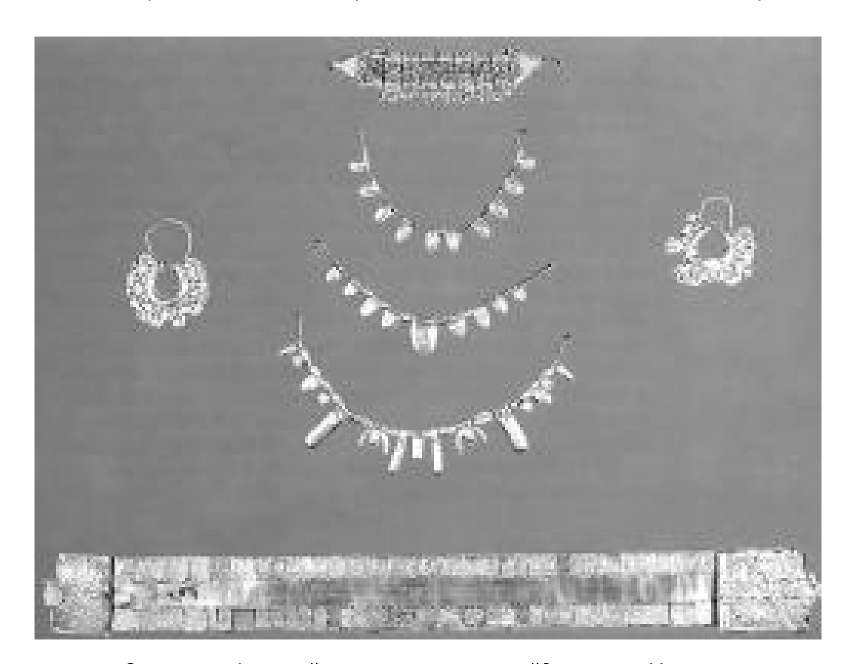
Город лежал в западной части острова, а на другой его половине — примерно в 15 километрах от города — располагался храм Мелькарта, по преданию, возведенный за 70 лет до строительства Гадеса. Храм был каменным; сверху его покрыли кедровыми досками, привезенными из Финикии. Внутри храма не было никаких изображений божества. Здесь стояли лишь бронзовые алтари Мелькарта, на которых горело негасимое пламя. Имелась здесь и «гробница» этого бога, а также различные атрибуты, связанные с его именем. Двор перед храмом окружала стена. Здесь же высились два бронзовых столба, покрытые надписями, которые никто не мог прочитать уже в римскую эпоху. Возле храма находился источник пресной воды.

Жрецы храма ходили босиком, облачившись в белые льняные одежды и не подпоясывали их. Головы их были обриты. Они давали обет безбрачия. Женщины вообще не допускались в святилище.

Очевидно, храм Мелькарта, подобно Парфенону, был также хранилищем городской казны. Здесь находились и дары верующих.

По преданию, когда флот, снаряженный царем Тартесса, стал осаждать город Гадес, на стороне его жителей выступил сам бог Мелькарт. Вмиг к тартессийским кораблям протянулись лучи, подобные солнечным, и от их жара корабли воспламенились и погибли.

Дома в Гадесе были многоэтажными, а улицы узкими. Основными строительными материалами были речная галька, известковый туф, сланцы и глина. Фундамент сооружали из крупных камней. Нижние ряды стен выкладывали из камня, верхние — из сырцового кирпича. Методы строительства были те же, что и на роди-

Золотые финикийские украшения, найденные в Испании

не, например, камень клали в два ряда, а промежуток заполняли глиной. Ряды камней выкладывали так, чтобы швы в соседних рядах не совпадали. Это укрепляло стену.

Жители Гадеса вряд ли занимались земледелием — уж слишком малы были их владения. Как пишет Страбон, даже для проведения собраний им приходилось отправляться в соседнюю Асту, поскольку в своем родном городе не было для этого места. Сказанное, впрочем, относится уже к римской эпохе, но вряд ли раньше положение дел было иным.

Излюбленным занятием испанских финикийцев было рыболовство, а также приготовление особой рыбной приправы — гарума.

В конце VII — начале VI века до нашей эры финикийцы, поселившиеся в Южной Испании, столкнулись с новой угрозой. Здесь попытались закрепиться их конкуренты — греки. Опасность была столь велика, что жители Гадеса, не надеясь, видимо, на свои силы, обратились за помощью к карфагенянам. Впрочем, последних они тоже боялись и не желали допускать их к торговле металлами. В решающий момент они попросту закрыли ворота перед отрядом карфагенян. Тех не смутил такой поворот дела. Они взяли штурмом город, пригласивший их отразить восстание. Точную дату этого события установить невозможно. Судя по разрушениям, выявленным во время археологических раскопок, город Гадес пережил нападение врагов в VI веке до нашей эры.

Захватив Гадес, карфагеняне запретили кому-либо плавать через Гибралтарский пролив. Недаром в 474 году до нашей эры греческий поэт Пиндар жаловался, что теперь уж нельзя отправляться за Столпы Геракла в «недоступное море». Вскоре после этого карфагеняне покорили распавшуюся Тартессийскую державу и окончательно обосновались на Пиренейском полуострове. К 348 году до нашей эры вся Южная и значительная часть Юго-Восточной Испании оказалась под их властью. А ведь было время, и сам Карфаген был скромным поселением финикийцев — колонией, как гласит легенда, уместившейся на шкуре быка.

5.4. Карфаген Тирский

Важным опорным пунктом финикийцев на пути в Испанию стала Сицилия. Очень рано они создали там свои торговые фактории. В конце II — начале I тысячелетия до нашей эры они появились в Сардинии и Северной Африке.

Однако самой важной финикийской колонией на западе стал Карфаген. Город этот расположился в глубине Тунисского залива. Финикийские мореходы давно облюбовали это место. Во время своих плаваний в Испанию они регулярно заходили сюда, укрываясь от непогоды, и даже устроили здесь небольшое святилище. Но только в 825 или 823 году до нашей эры (называется и другая дата — 814/813 годы) здесь был заложен новый большой город.

В то время, после смерти Мутона, царя Тира, власть наследовали его взрослая дочь Элисса и малолетний сын Пигмалион (Пумийатон). Когда тот подрос, то приказал убить мужа сестры, который фактически правил городом, а сама Элисса, узнав о случившемся, решила бежать куда глаза глядят. Она собрала самых знатных горожан и при их содействии снарядила ночью флот.

После долгого плавания, пополнив свои ряды жителями Кипра, где корабли делали остановку, Элисса и верные ей люди прибыли к берегам Северной Африки — туда, где собирались начать новую жизнь и основать новый город.

Легенда гласит, что Элисса подружилась с обитателями этой местности — ливийцами. Они обрадовались прибытию чужеземцев, готовых меняться с ними товарами. Увидев их радость, Элисса обратилась с просьбой к ливийскому царю. Мои спутники утомлены долгим плаванием, сказала она. Им надо собраться с силами, прежде чем отправиться в путь. Чтобы им было где отдохнуть, она готова купить участок, который можно было бы покрыть шкурой быка. Царь посмеялся над этой просьбой, потому что не мог себе представить, как такое количество людей может уместиться

на таком небольшом участке. Однако Элисса перехитрила его. Ночью она приказала разрезать шкуру на мелкие полоски и покрыла ими большую площадь. Наутро изумленный ливийский царь вынужден был отдать Элиссе всю эту территорию.

Так что величайший финикийский город был основан мятежниками, бежавшими из родной страны. Позднее жители Карфагена строже и последовательнее, чем жители Тира или Сидона, придерживались старинных финикийских традиций. Если жители метрополии охотно перенимали египетские, ассирийские, персидские традиции, то карфагеняне боролись за «чистоту нравов» и «заветы отцов», а потому с неколебимым упорством продолжали приносить своему богу человеческие жертвы.

Основание Карфагена знаменует новую эпоху в истории Финикии. Применительно к истории Европы это событие сопоставимо с основанием Соединенных Штатов Америки. Пройдет несколько столетий, и скромное поселение — колония финикийцев — превратится в могущественную империю, которая будет диктовать свою волю метрополии. Впрочем, этому способствовали и драматичные события, происходившие в конце VI века до нашей эры на родине финикийцев. Именно тогда Тир, Библ, Сидон и Берута навсегда потеряли независимость.

Возникший на холме Бирса — очень хорошем естественном укреплении — и прилегающем к нему морском берегу небольшой поселок был назван Новым городом (по-финикийски Картхадашт; по-гречески Кархедон; в русской литературе обычно употребляется название Карфаген, происходящее от латинской формы этого названия Carthago), или, если хотите, Нью-Тиром. Город рос быстро. Беглецы трудились не покладая рук.

Всюду работа кипит у тирийцев: стены возводят,
Города строят оплот и катят камни руками
Иль для домов выбирают места, бороздой их обводят,
Дно углубляют в порту, а там основанья театра

Прочные быстро кладут иль из скал высекают огромных
Множество мощных колонн — украшенье будущей сцены
(пер. С.А. Ошерова) —

так представлял себе строительство Карфагена римский поэт Вергилий.

Руины Карфагена

Образцы карфагенской керамики

После смерти царицы Элиссы карфагеняне упразднили монархию, и Карфаген стал республикой, правда, олигархической. Историки называют форму организации карфагенского общества полисом, поскольку верховной властью в нем обладал гражданский коллектив. Однако эта форма не похожа на традиционный греческий полис.

Постепенно Карфаген рос. Его удобное положение привлекало к нему многих людей. Сюда ехали не только финикийцы, но и греки, италики, этруски. Со временем карфагеняне построили искусственный порт. Там кораблям было удобнее укрываться от непогоды, чем в естественной гавани. Порт состоял из двух частей, соединенных между собой узким каналом. В одной его части, имевшей форму круга, располагались боевые корабли. В другую — прямоугольную часть — заходили торговые суда. Внутри военного порта был насыпан искусственный остров; там находилась база командующего флотом. Город покрылся многочисленными верфями и судоремонтными мастерскими, где работали государственные и частные рабы. Так Карфаген стал одним из крупнейших портовых городов своего времени. Пассажиры

кораблей, прибывавших сюда, видели впереди лес мачт со свернутыми парусами.

Теперь Карфаген и сам начал основывать колонии в западной части Средиземного моря. Первой такой колонией стал остров Ибица, лежащий недалеко от Испании и покоренный в 654—653 годах до нашей эры. На Ибице был хороший порт. Здесь было удобно отражать нападения греков и других конкурентов.

Археологические исследования показали, что карфагеняне после распада Тирской державы часто силой заставляли финикийские города Сицилии, Сардинии, Мальты, Северной Африки, Испании и Балеарских островов подчиниться их власти. С этого момента судьба восточных финикийцев разошлась с судьбой западных. Так в западной части Средиземного моря возникла Карфагенская держава.

Впрочем, отношения между Карфагеном и метрополией и в дальнейшем оставались дружественными. Когда в 525 году до нашей эры персидский царь Камбиз, в чью державу входила в то время Финикия, задумал покорить Карфаген, финикийские города отказались поддержать его и не передали свой флот, без поддержки которого было бессмысленно вести войну против морской империи, в какую превратился тогда Карфаген.

5.5. Откуда вино у греков?

В начале I тысячелетия до нашей эры на Кипре появились греческие колонии. В некоторых городах Кипра греки и финикийцы жили по соседству. Вероятно, именно там, на Кипре, греки познакомились с финикийскими мифами и полюбили их. Сюжеты восточных легенд пополнили их мифологию. Некоторые боги и герои Греции стали удивительно похожи на финикийских богов.

Историки отмечают, что особенно сильно финикийское влияние ощущается в образах и культах Афродиты и Геракла, которого греки уже в VI веке до нашей эры отождествили с богом Мелькартом. Финикийский бог Адонис также превратился в греческого ге-

роя. Основателем знаменитого греческого города Фивы сами греки считали финикийца Кадма, а матерью греческого бога виноделия Диониса — дочь Кадма, Семелу.

По-видимому, греки научились искусству виноделия у финикийцев. Вино для греков поначалу было экзотическим напитком. А вот ханаанейские жрецы любили пить вино до тех пор, пока не заслышат голоса богов и не впадут в экстаз. В принципе Дионис с его оргиастическим культом всегда оставался немного чужим для греков. Они редко отождествляли себя с неистовым Дионисом, готовым приказать своим спутницам — менадам — растерзать любого человека, проявившего непочтительность к нему. Подобные поступки были похожи, скорее, на древнейший обряд человеческих жертвоприношений. Сам Дионис напоминал восточных богов — Таммуза и Адониса, погибающих и воскресающих вновь.

Афродита: «секс-символ» доклассической эпохи и «роковая богиня» классической Греции

У финикийцев же бытовала легенда о том, как было открыто вино: «Около города Тир жил один очень гостеприимный пастух. Однажды к его хижине подошел юноша и попросил приюта. В благодарность за гостеприимство он предложил хозяину свое угощение. Из принесенного им меха он налил в чашу красивый напиток цвета пурпура и с улыбкой предложил пастуху выпить его. Когда же тот осушил чашу, то пришел в неописуемый восторг, ведь эта жидкость услаждает не только вкус, но и обоняние, а будучи холодной, согревает желудок. И юноша ответил, что это — кровь винограда. И был этот юноша богом, которого греки зовут Дионисом, а финикийцы — Шадрапой. Так люди научились изготавливать вино. В Тире в честь этого события ежегодно справляется великолепный праздник, во время которого люди пьют много вина».

А вот что говорят греческие и финикийские легенды об основании Фив. Некогда в Тире правил царь Агенор. У него была красавица дочь — Европа. Ее увидел верховный бог и, влюбившись в нее, похитил. С тех пор она жила на Крите, где ее сыновья стали царями. Отец Европы ничего об этом не знал и горевал о потере дочери. Наконец, он решил послать на ее поиски своих сыновей. Один из них, Кадм, прибыл в Грецию и, не найдя сестры и боясь отцовского гнева, задумал остаться в этой стране. Обратившись за советом к Дельфийскому оракулу, он получил от него повеление основать город в том месте, где ляжет корова с лунным знаком на боку — белым кругом. Однажды, увидев такую корову, он долго следовал за ней, пока в Беотии — области Центральной Греции — корова не легла на землю. Кадм понял, что это божественное знамение. Вознеся благодарность Аполлону, он опустился на колени, поцеловал землю и призвал благословение богов. В этом месте он основал город Фивы. Он долго и счастливо царствовал в семивратных Фивах и стал одним из могущественных царей Греции.

И греки, и финикийцы, и римляне считали Фивы тирской колонией. Во время раскопок в Фивах были найдены восточные цилиндрические печати XIV—XIII веков до нашей эры. Само имя Кадм — не греческое, а финикийское, и означает «восток». Павсаний в своем «Описании Эллады» рассказывал, что некогда в Грецию при-

был из Тира финикиец Кадм со своими спутниками и основал здесь поселение Кадмея, вокруг которого позже вырос город Фивы. Произошло это во II тысячелетии до нашей эры.

Впоследствии Фивы стали одним из самых знаменитых городов Греции. По преданию, именно здесь родились Геракл, Антигона и Эдип. Итак, с одной стороны, если верить Гомеру и Геродоту, Финикию населяли мошенники и кознодеи, а, с другой стороны, греки многим обязаны финикийцам. Чем объяснить такое противоречие?

Когда в XII веке до нашей эры в Микенскую Грецию вторглись дорийцы, они встретили здесь культуру, которая во многом превосходила их собственную. Жившие здесь ахейцы умели читать и писать, строить корабли и купольные сооружения. Захватчики же, пожалуй, даже не понимали, зачем все это нужно. Они были настоящими варварами, и только их потомкам суждено было приобщиться к культуре и усвоить ее.

Пока счет вели лишь потерям. Забыты были «линейное письмо Б», каменное строительство, дальние морские плавания... Захватчики воистину были «людьми дремучими»; они ничего не знали ни о пирамидах и сфинксах Египта, ни о городах благословенного Ханаана. Когда же до них стали долетать слухи о дальних странах, об их чудесах и обычаях, то удивлению не было предела. Казалось, в этих странах жили волшебники, которые все умели и всему могли научить других людей. Очевидно, и греки, жившие в Микенах, тоже учились чему-то у заморских кудесников. Это поверье не могло не отразиться в легендах и мифах. Вот из страны далекой и помчался за море Кадм, чтобы поделиться с туземцами своим искусством.

Эти древнейшие представления о Финикии все-таки нашли свое отражение и в «Илиаде», восходящей к давним эпическим традициям: в ее стихах финикийцы — искусные художники и мастера.

Позднее, когда дорийские греки сами стали плавать по Средиземному морю, восхищение превратилось в ревность. Теперь финикийцы из учителей превратились в соперников. Их старались опередить, обогнать, но, куда бы ни прибывали греческие купцы, всюду они заставали финикийцев. Ревность переросла в ненависть. По замечанию Герхарда Херма, распространению антисемитизма в средиземноморских странах предшествовали вековые антифиникийские настроения.

Для нас древние греки настолько же красноречивы, насколько финикийцы немы. Во многом мы знаем финикийскую культуру и историю благодаря словоохотливости греков, составлявших многотомные «Истории» и «Географии». Однако именно греки, наши проводники по лабиринтам финикийских городов, успели возвести на их жителей немало напраслины и раскрасить мир Финикии в неприятные темные цвета. Их инвективы и сетования превратили всех финикийцев в мошенников, насильников, пиратов, жадных добытчиков, предателей и лжецов. Столпы античной культуры — «отец истории» Геродот и «отец поэзии» Гомер — клеймили позором «разбойников финикийцев».Современным историкам пришлось долго реабилитировать этот народ и сетовать, что молодая, энергичная греческая цивилизация вскоре попросту растворила в себе финикийскую культуру.

После завоеваний Александра Македонского греки селились в финикийских городах, где многому учились у исконных жителей. А те, живя бок о бок с греками, перенимали их культуру и обычаи. Теперь финикийцы все чаще говорили по-гречески, забывая свой родной язык. Греческие имена, ставшие модными среди жителей Тира и Сидона, лишь способствовали исчезновению финикийцев. Ученые теряются в догадках, кем были люди, носившие эти имена: поселившимися здесь греками или эллинизированными финикийцами.

Однако сама Греция и в эту эпоху продолжала испытывать финикийское влияние. Купец Зенон, прозванный «финикийчиком», переселился в Афины и там учил всех желающих философии, он стал основателем стоицизма — одного из самых распространенных философских направлений в древности, в котором заметное место занимали финикийские представления о мире.

Финикийцем был и другой великий греческий философ — Фалес Милетский (625—547 гг. до н.э.). Как писал Диоген Лаэртский, он происходил «из рода Фелидов, а род этот финикийский, знатнейший среди потомков Кадма и Агенора». Теперь ученые понимают, что идея Фалеса о том, что первоначалом всего в природе является Вода.

5.6. Знаменитые плавания

Около 600 года до нашей эры финикийские моряки, отправившись в путь от берегов Красного моря, совершили по поручению фараона Нехо II (610—595 гг. до н.э.) — в то время Финикия вновь вошла в состав Египта — плавание вокруг Африки.

Фараон Нехо был одним из самых энергичных царей Египта в I тысячелетии до нашей эры. Он пытался восстановить египетскую власть над Азией вплоть до Евфрата, строил флот на Средиземном и Красном морях, рыл канал, чтобы соединить оба моря и превратить Африку в остров. «Разве у такого решительного государя, — задавался вопросом австрийский историк А.Л. Херен, — не могла возникнуть мысль отдать приказ определить очертания и величину Африканского материка?»

Могла. Но пока все его помыслы поглощал канал. Он пролегал примерно там же, где построен современный Суэцкий канал. Длина канала, по словам Геродота, равнялась четырем дням пути, он был достаточно извилист, а широк настолько, что по нему могли идти «гонимые веслами две триремы рядом; вода в него проведена из Нила». Грандиозная работа унесла множество жизней: «при проведении канала погибло сто двадцать тысяч египтян». Его сооружение близилось к концу, когда фараон был напуган оракулом, возвестившим, что строит он «для варвара», а варварами египтяне называли всех говорящих на чужом им наречии.

Тогда, «остановив рытье канала из Нила в Аравийский залив, — писал Геродот, — он (Нехо. — *А.В.*) отправил на кораблях финикиян,

приказав проплыть назад через Геракловы Столпы (сами финикийцы называли их «Столпами Мелькарта». — *А.В.*), пока не войдут в Северное море (Средиземное море. — *А.В.*), а через него — в Египет. Финикияне двинулись из Эритрейского моря (Красного моря. — *А.В.*), вошли в Южное море (Индийский океан. — *А.В.*)». Целью их путешествия было открытие морского пути из Красного моря в Средиземное, раз строительство канала потерпело неудачу.

Канал еще будет построен и снабжен шлюзом, но произойдет это лишь в III веке до нашей эры, при царе Птолемее II. Последний раз этот канал ремонтировался в 640 году нашей эры, после арабского завоевания. В VIII веке он окончательно пришел в упадок.

Пока же горстка финикийцев плыла на юг, гонимая жестокой волей фараона. Сам Геродот, любитель исторических басен, не поверил, когда ему поведали об этом путешествии. Высмеивая «вралей», он сообщил одну деталь их рассказа — она, казалось ему, разоблачала их выдумки.

«Рассказывали также, — писал Геродот, — чему я не верю, а другой кто-нибудь, может быть, и поверит, что во время плавания кругом Ливии (так греки называли Африку. — *А.В.*) финикияне имели солнце с правой стороны». Но именно эта деталь не позволяет ученым сомневаться в правдивости рассказа. Она доказывает, что финикийцы пересекли экватор. Ведь тогда Солнце оказывалось для них вовсе не там, где его привыкли видеть жители Северного полушария.

Продолжая путешествие, финикийцы неизменно двигались вдоль берега. «Когда наступала осень, они, пристав к берегу, засевали землю, в каком бы месте Ливии, плывя, ни находились, и ожидали жатвы, а убрав хлеб, продолжали плавание. Так прошли два года, а на третий год, обойдя Геракловы Столпы, финикияне прибыли в Египет» уже из Средиземного моря.

Другие подробности плавания неизвестны. Геродот не сообщил ни о тропической растительности, ни о больших реках, ни о смене времен года, ни о встречах моряков с африканцами. «Быть может, —

задавался вопросом И.Ш. Шифман, — информаторы Геродота — финикияне или египтяне — не захотели поведать ему о том, что видели путешественники, не желая открывать свои коммерческие тайны».

Так, финикийцы задолго до Васко да Гамы совершили подвиг, за который впоследствии португальский адмирал был причислен к сонму самых великих мореплавателей всех времен и народов: они сумели обогнуть Африку морским путем, причем добились этого, используя куда более примитивные технические средства, чем средневековые моряки.

Передвигаясь по Индийскому и Атлантическому океану, как по Средиземному морю, то есть делая небольшие переходы и вновь выбирая для стоянки «типичный пунический пейзаж» — бухту с пологим берегом, — финикийские моряки миновали горы в окрестности мыса Доброй Надежды и поросшее тропическим лесом устье реки Конго, встретили враждебные им негритянские племена, столкнулись с необычными заболеваниями — желтой лихорадкой, малярией и сонной болезнью. История экспедиции финикийцев могла бы читаться как приключенческий роман, но, к сожалению, до нас дошел лишь крайне скупой отчет об этом плавании. Можно лишь гадать, что поведали путешественники фараону Нехо, вернувшись в Египет.

Впоследствии рассказ Геродота чаще вызывал сомнение, чем доверие, и не только в древности, но даже в наше время. Казалось неправдоподобным, что финикийцам с первого раза удался подвиг, для осуществления которого морякам средневековья, начиная с 1291 года, понадобилось около двух веков.

Однако невозможно оспаривать, что хотя бы значительную часть пути финикийцы проделали — добрались до Южного полушария. Само же по себе плавание вокруг Африки (его протяженность составляет более 25 тысяч километров) нельзя считать невозможным, если учесть, что финикийцы неизменно держались вблизи берега и могли постоянно добывать себе пищу и воду. Как подсчитано, первые мореходы, плававшие в Индию и обратно, проходили не меньшее расстояние, в точности следуя всем изгибам береговой линии.

В начале VI века до нашей эры Финикия переживала кризис. Страна утратила господство на море и монополию в торговле металлом. Возместить потери финикийцы пытались освоением новых сырьевых районов. Именно в этот период власти Карфагена решили исследовать берега Атлантического океана и, возможно, основать на них новые колонии. На разведку снаряжаются как минимум две экспедиции; одна плывет на север, другая — на юг.

Около 525 года (по мнению ряда исследователей, около 480—450 года до нашей эры) карфагенянин Гимилькон, миновав Столпы Мелькарта, достигает «Страны олова» (Британии), а именно полуострова Корнуэлл. По словам Плиния Старшего, Гимилькону надлежало «исследовать внешние границы Европы» и, может быть, найти не только Страну олова, но и Страну янтаря. Необходимость такого путешествия была вызвана происками греков, перекрывших прежние пути поступления олова — древние торговые пути, проложенные по территории Франции.

Путь экспедиции Гимилькона, пустившейся за край земли, был труден. «Тут нет течений ветра, чтобы гнать корабль; ленивая поверхность тихих вод лежит недвижно... Среди пучин растет здесь много водорослей, и не раз, как заросли в лесах, движенью кораблей они препятствуют... Дно морское здесь не очень глубоко, и мелкая вода едва лишь землю покрывает. Не раз встречаются здесь и стаи морских зверей... Мрак одевает воздух, как будто какое одеяние, всегда густой туман нависает над пучиною, и сумрачные дни не разгоняют туч над ними» (пер. С.П. Кондратьева), — таков рассказ о четырехмесячном плавании Гимилькона, приводимый в поэме «Морские берега» латинским поэтом и проконсулом Африки Руфием Фестом Авиеном, жившим около 400 года нашей эры.

Подлинный отчет о плавании Гимилькона не сохранился, и мы плохо осведомлены о результатах экспедиции. Точный его

маршрут вызывает споры. Возможно, Гимилькон побывал в Саргассовом море, но не исключено даже, что он добрался до полярных областей, где так сумрачны и туманны дни. Можно лишь предполагать, что Гимилькон (или правители Карфагена) намеренно преувеличил тяготы плавания, чтобы отбить у конкурентов, если они проведают об его отчете, всякое желание плыть в этот северный край. Впрочем, грек Пифей, плававший в Британию в начале IV века до нашей эры, видимо, знал об экспедиции карфагенян.

Сами они всегда старались хранить свои открытия в тайне. Страбон рассказывает следующую историю: «Когда римляне однажды пустились преследовать какого-то финикийского капитана корабля, чтобы самим узнать местонахождение торговых портов, то капитан из алчности посадил свой корабль на мель, погубив таким же образом своих преследователей. Сам, однако, он спасся на обломках разбитого корабля и получил от государства возмещение стоимости потерянного груза».

«Эта склонность к конспирации, когда дело касалось путешествий и открытий, суливших торгово-экономические выгоды, — замечает К.-Х.Бернхардт, — могла быть причиной того, что в истории почти не осталось первоисточников о финикийских морских экспедициях». Исключение составляет еще одна экспедиция.

В то же самое время, — «в эпоху могущества Карфагена» (Плиний), — еще один финикийский мореход, Ганнон, совершил плавание вдоль берегов Западной Африки и, вероятно, достиг Камеруна.

Отчет об этом плавании («перипл») был выставлен для всеобщего обозрения в храме Верховного бога Баал-Хаммона. До нашего времени он сохранился в одной-единственной рукописи X века нашей эры — сокращенном переводе финикийского оригинала на греческий язык. Ниже приведены некоторые выдержки из этого сухого, лаконичного отчета, о котором Ш.Монтескье заметил: «Великие люди пишут всегда просто, потому что они больше гордятся своими делами, чем своими словами».

«1. И он (Ганнон. — *А.В.*) отплыл, ведя 60 пентеконтер (галер с 50 гребцами. — *А.В.*) и множество мужчин и женщин, числом в 30 тысяч (по мнению историков, это число явно преувеличено. — *А.В.*), и везя хлеб и другие припасы.

2. Когда, плывя, мы миновали Столпы и за ними проплыли двухдневный морской путь, мы основали первый город...

9. Мы прибыли в самую отдаленную часть озера, над которой поднимаются высокие горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Эти люди, швыряясь камнями, наносили нам раны, не давая сойти на берег.

10. Плывя оттуда, мы вошли в другую реку, большую и широкую, в которой было много крокодилов и гиппопотамов...

16. Проведя в пути четыре дня, ночью мы увидели землю, заполненную огнем; в середине же был некий огромный костер, дос-

Охота за гориллами в Африке. Деталь финикийской серебряной чаши, VII в. до н.э.

тигавший, казалось, звезд. Днем оказалось, что это большая гора, называемая Колесницей богов (очевидно, вулкан Камерун. — *А.В.*)...

18. В глубине залива есть остров… населенный дикими людьми. Очень много было женщин, тело которых поросло шерстью; переводчики называли их гориллами... Трех женщин мы захватили; они кусали и царапали тех, кто их вел, и не хотели идти за ними. Однако, убив, мы освежевали их и шкуры доставили в Карфаген» (пер. И.Ш. Шифмана).

Стоит отметить, что и здесь — особенно во второй части рассказа, когда Ганнон сообщает о тех областях, где еще не побывали греки, — он уделяет особое внимание опасностям, которые поджидают мореходов: дикие, воинственные люди, извержения вулканов, крокодилы. Коммерческий же успех предприятия якобы ничтожен: три шкуры горилл — вот и все богатства, привезенные из этого страшного края. Разумеется, мало кто из купцов, узнав о подобном исходе путешествия, рискнет повторить его. Пускались ли сами карфагеняне в новые плавания в Тропическую Африку? Может быть. Нам ничего не известно об этом. Если бы одна-единственная рукопись, сохранившая отчет Ганнона, погибла в Средние века, мы мало что знали бы и об этом плавании.

Путешествия финикийцев значительно расширили географические познания древних. Однако свои открытия финикийцы держали в тайне. После гибели Карфагена эти открытия были забыты. Побережье Центральной, Восточной и Южной Африки почти на полторы тысячи лет превратилось для европейских мореплавателей в одно огромное белое пятно. Вплоть до XV века никто не рисковал плавать вдоль западных берегов Африки по направлению к экватору — маршрутом, давно знакомым финикийцам.

5.7. Канарские острова финикиян

Уже в VII веке до нашей эры финикийские поселения появляются на побережье Марокко, в частности на острове Могадор — самом южном пункте, где обнаружена фактория финикийцев. Очевидно, впоследствии они не раз миновали Гибралтарский пролив и направлялись на юг, следуя вдоль берегов Африки. Однако нам известно лишь описание одного такого плавания, которое совершил карфагенянин Ганнон.

Любопытное сообщение оставил также Диодор Сицилийский. По его словам, финикийцы, обследуя побережье Африки по ту сторону Столбов Геракла, были отнесены далеко в океан. После многих дней плавания они достигли острова, лежавшего «в середине океана против Африки». Остров изобиловал лесом и судоходными реками. Почва его была тучной и «приносила сама собою плоды» — обильные урожаи пшеницы и винограда. Рядом, отделенный узким проливом, лежал еще один остров. Приятен был здешний климат. «Резкие перемены во временах года отсутствовали»: здесь не было ни сильного холода, ни ужасного зноя. Поэтому «даже среди туземцев успело распространиться занесенное извне верование, что здесь должны находиться Елисейские поля».

Судя по описанию Диодора, это мог быть остров Мадейра («Лесистый»), открытый в XV веке португальцами, унесенными ветром далеко в открытое море. Очевидно, финикийцы были знакомы и с некоторыми Канарскими островами. Ведь Гибралтарский пролив долгое время служил путем сообщения и преградил путь морякам — превратился в западный «край света», — около 530 года до нашей эры, когда карфагеняне установили здесь блокаду.

«Посещение восточных и центральных Канарских островов и группы островов Мадейра, — полагал Рихард Хенниг, — это, видимо, единственное географическое открытие, которое довольно достоверно можно приписать финикиянам (не считая плавания вокруг Африки)». Возможно, впрочем, что это открытие было сделано уже критянами. «Казавшаяся некогда столь гордой слава финикиян все больше меркнет. Похоже на то, что финикияне везде шли лишь по следам более древних мореплавателей и сами вообще не были открывателями новых стран и морей».

Если финикийцы достигли Канарских островов, то могли совершать туда плавания регулярно. Ведь острова изобиловали красителями, которые можно было подмешивать в пурпурную краску при ее приготовлении. Недаром нумидийский царь Юба II именно там основал мастерскую по окрашиванию тканей в пурпур, и сами острова тогда называли «Пурпурными».

У этого предания есть и другая — страшная — концовка. По легенде, власти Карфагена, страшась, что Канарские острова захватят их соперники, решили скрыть дорогу туда, а для этого убить всех, кто поселился там. Они послали туда отряд воинов. Те напали на ничего не подозревавших жителей и всех их перебили.

6. ВРЕМЯ ЧУЖИХ ЦАРЕЙ

6.1. Склонясь к стопам ассирийских царей

Для многих историков «золотой век» Финикии длился почти три столетия — с 1150 по 850 год до нашей эры. Даже удивительно, что целых три столетия никто не покушался на независимость финикийских городов. В сущности, своим расцветом они — эти беззащитные сокровищницы Востока — были обязаны воле случая. Почти триста лет во всем Восточном Средиземноморье не появлялось ни одной могучей державы, способной направить свои войска к финикийскому побережью и покорить его. Это было время мелких царств, ослабевших империй, обломков отживших свое держав. «Народы моря», как жернова Божьи, перемололи все царства и сами изнемогли в этом ратном труде.

Но вот на пепелищах истории выросла новая держава — Новоассирийское царство. Именно ассирийские цари положили конец свободе и процветанию финикийских городов. Отныне владыки морей — финикийские купцы, — покинув корабль, становились слугами далекого, чужого царя. Не раз восставали они против новой власти, и в этой борьбе истощили силы и утратили первенство в средиземноморской торговле. Позднее ассирийских правителей сменят вавилонские, а затем персидские цари. Когда же Финикия освободится из-под ига последних, то окажется на вторых ролях.

Ведущие позиции в мировой торговле будут занимать Греция и Карфаген. Этого краха следовало ожидать, ведь сами порядки, установленные в Ассирийской державе, мешали развитию торговли. Значительная часть товаров изымалась принудительно, в виде дани.

Период упадка Финикии продлился почти пять столетий — с середины IX по середину III века до нашей эры. Конечно, в эти столетия было всякое. Порой финикийские города вновь переживали кратковременный экономический подъем, но за ним следовал новый спад, вызванный очередным вторжением вражеской армии.

Первый тревожный звонок раздался в канун «золотого века». Ассирийский царь Тиглатпаласар I использовал «вакуум» политической власти, образовавшийся в Сирии и Ливане, и вторгся сюда, пройдя со своей армией до побережья Средиземного моря. Города Библ, Сидон и Арвад уплатили ассирийцам дань, а на Ливанских горах солдаты Тиглатпаласара заготовили вдоволь кедра для храма, возводимого в честь богов Ану и Адада, который строили в Ашшуре. Тиглатпаласар даже побывал в островном городе Арваде, предпринял морскую прогулку на корабле и поохотился на дельфина.

Впрочем, регулярная вырубка ливанских лесов ассирийцами начинается лишь в эпоху Новоассирийского царства, примерно с 900 года до нашей эры. Ассирийские цари постепенно взяли верх над своими соседями. Из года в год они совершали походы — сперва, чтобы укрепить собственные границы, позднее, чтобы захватить соседние страны. Соперничество финикийских городов лишь облегчило ассирийцам их завоевание.

Начиная с IX века до нашей эры Ассирийская держава повела планомерное наступление на Финикию. Так, Финикия вновь, в несчастливый для себя час, оказалась в центре внимания летописцев своего времени. Теперь ее история запечатлелась на страницах ассирийских хроник. Главные финикийские города вновь и вновь упоминаются в них как поставщики дани. Например, в «Анналах

Финикийская Мона Лиза найдена при раскопках дворца ассирийских царей в Калахе

Львица, напавшая на эфиопского мальчика. Деталь, украшавшая дворец ассирийского царя Ашшурнасирпала II в Калахе. Слоновая кость, VIII в. до н.э.

Синаххериба», датируемых 691 годом до нашей эры, говорится «Сидон большой, Сидон малый… ниспроверг блеск оружия бога Ашшура, моего владыки, и они склонились к стопам моим. Туба'алума (сидонца) на троне царском я посадил и дань, подать владычеству моему, наложил на него» (пер. В.А. Якобсона).

Первый поход новоассирийского царя в Финикию, — его предпринял в 877 году до нашей эры Ашшурнасирпал II, — протекал сравнительно мирно. Правители крохотных городов-государств понимали, что им не справиться с ассирийской военной машиной, и потому безропотно подчинялись ей: высылали навстречу ассирийцам депутацию, приносившую грозному царю приветствия от «покорных слуг» и вдобавок к ним золото, серебро, олово, медь, медные сосуды, роскошные льняные одежды, эбеновое дерево, слоновую кость, обезьян — все, что приносили в их города корабли, мчавшиеся по свету. Впрочем, пишет Хорст Кленгель, «это кровопускание не очень-то повредило финикийской морской торговле».

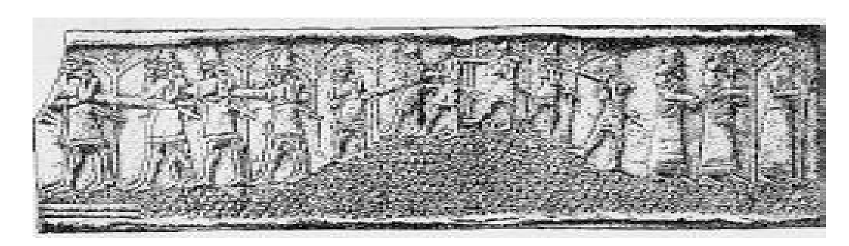
Польщенный подобной встречей, — а она закончилась целованием стоп властителя, — Ашшурнасирпал объявил новым данникам, что собирается строить огромный дворец в Кальху (Калахе) и ему потребуется немало кедров для этого. Финикийцы согласились отдать то, что взяли бы у них и так. Позже, когда дворец был построен, ассирийский царь пригласил туда финикийцев и принял их с

княжескими почестями. Как сообщает ассирийская хроника, на праздничные торжества прибыли 5000 почетных гостей из соседних стран, в том числе из Тира и Сидона. И вселились в их души «мир и радость». Но радость и мир покинули Финикию. Отныне страна жила в вечном ожидании врага.

Салманасар III — за 35 лет своего правления он совершил 31 поход — на шестом году царствования сразился на берегу Оронта с войсками коалиции, в которую входили цари сирийских городов Дамаска и Хамата, израильский царь Ахав, а также «двенадцать царей морского побережья», в том числе цари Иркаты и Арва-

Финикийская статуэтка из дворца ассирийских царей в Калахе. Слоновая кость, VIII в. до н.э.

Ассирийские солдаты доставляют стволы кедров

да. Обе стороны объявили себя победителями. В ассирийской надписи говорится даже, что Салманасар «перешел через Оронт по трупам, как по мосту». Однако финикийские противники царя после своего «разгрома» сохранили власть, хоть и стали выплачивать дань ассирийцам. Очевидно, что для последних сражение кончилось относительной неудачей.

Подобно любым воителям, бывавшим в Финикии, царь Салманасар III не оставил без внимания местные леса. Для заготовки кедровой древесины он, как и его предшественники, прибег к помощи войска. На бронзовых фризах, украсивших Балаватские ворота царя Салманасара III, изображены ассирийские солдаты, несущие бревна к месту сбора.

Впрочем, бездорожье мешало ассирийцам. Чтобы добраться из Финикии до исконных ассирийских земель, требовалось преодолеть по суше не менее 600 километров, перевозя громадные бревна волоком. Существовала, впрочем, возможность сплава леса по Евфрату до Вавилона, а оттуда, после того как бревна будут переправлены к берегу Тигра, их доставляли вверх по течению к городам Ассирии, хотя здесь течение Тигра быстрое и, чтобы доставить лес в верховья реки, нужно приложить немало сил. В Дур-Шаррукине, во дворце ассирийского царя Саргона II (721—705 гг. до н.э.), найден рельеф, подтверждающий, что бревна в Ассирию везли именно так — по реке.

Ввиду таких трудностей с древесиной кедра обращались в Ассирии очень бережно. Ее использовали в основном для строительства храмов и дворцов, в том числе для их внутренней отделки, как яв-

Доставленный из Ливана лес выгружают в сирийском порту, чтобы потом посуху перевезти его к берегам Евфрата. Рельеф из дворца ассирийского царя Саргона II (конец VIII в. до н.э.)

ствует из книги пророка Софонии: «Пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее (Ниневии. — *А.В.*); голос их будет раздаваться в окнах, разрушение обнаружится на дверных столбах, ибо не станет на них кедровой обшивки» (Соф. 2, 14). Известно, что в Новоассирийском царстве ворота дворцов и крепостей (их ширина составляла от 2 до 5 метров, а высота — от 4,5 до 7,5 метра) обшивали кедром и кипарисом высшего качества. А вот для строительства кораблей привозной финикийский лес использовали редко. Самих финикийцев новые власти всячески ограничивали в торговле лесом.

Во второй половине VIII века до нашей эры ассирийские цари переходят от грабительских походов к захвату чужих территорий. Если ранее Ассирия вела войны силами ополчения, то Тиглатпаласар III (745—727 гг. до н.э.) создал профессиональное войско — «царский полк», набиравшийся из рекрутов. Теперь он мог подолгу держать в завоеванных странах свои гарнизоны. Отныне часть Финикии включена в состав Ассирийского царства.

Тиглатпаласар III учредил в северной части Финикии наместничество. Его административным центром стал небольшой город Симир, чья история, как и история Арвада, мало изучена. В Тир и Сидон были назначены сборщики податей. Введен разорительный налог на рубку ливанского кедра. Вывоз его в Египет и даже Палестину был запрещен. Финикийские города сохранили лишь некоторую автономию. Так, они пользовались свободой торговли. Вот что сказано в донесении одного из финикийских наместников: «Его (царя Тира. — *А.В.*) слуги входят в торговые дома по своему выбору, и выходят из них, и покупают, и продают». Впрочем, ассирийцы старались всюду назначить правителями собственных ставленников.

Процветание финикийской торговли и рост благосостояния крупных торговцев не могли скрасить утрату независимости. Уже в тридцатых годах VIII века до нашей эры в Финикии начались восстания против ассирийского владычества. Наконец, Салманасар V (727—722 гг. до н.э.), придя к власти, решил покарать Тир. Все города Южной Финикии приняли сторону ассирийцев и даже

предоставили флот для нападения на Тир с моря. Однако тирийцы сумели разгромить его, хотя по числу кораблей он превышал их собственный флот. Пять лет продолжалась осада. Только в 722 году Тир был взят новым ассирийским царем — Саргоном II, свергнувшим Салманасара III.

Определенные надежды у финикийцев возбудил приход к власти в Египте эфиопской династии (715—664 гг. до н.э.). Она сразу стала проводить активную антиассирийскую политику в Азии. Все недовольные в Финикии рассчитывали на ее помощь.

После смерти Саргона II в 705 году финикийцам представился случай сбросить ассирийское иго. Ассирийцы подавляли мятеж в Вавилонии и долго не могли вмешаться в происходившее на другом конце державы. И вот, в 701 году до нашей эры восстал Тир. Его правитель, Элулай, заключив союз с иудейским царем, выступил против нового ассирийского царя — Синаххериба (705—681 гг. до н.э.), но был изгнан им, укрылся на Кипре, где и погиб. Его «ниспровергли грозные сияния моего величия, в даль посреди моря он убежал и сгинул навеки», — сказано в анналах ассирийского царя. По-видимому, усмиренные недавно киприоты снова восстали и расправились с царем. Тем временем Синаххериб захватил материковые владения Тира и провозгласил преемником Элулая некоего Туба'алума (Этбаала), царя Сидона, наложив на него дань.

Сам же Тир еще пять лет выдерживал осаду ассирийцев.

Ассирияне шли, как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд

(пр. А.К. Толстого) —

так писал о воинстве Синаххериба Джордж Гордон Байрон.

Ассирийцы пытались взять непокорный город, наслав на него флот из 60 кораблей, собранных по всей Финикии. Но 12 тирских

кораблей разбили их и взяли до 500 пленных. Все они были казнены в Тире. В конце концов, жители Тира покорились ассирийскому царю, выговорив себе достойные условия примирения.

Экспедиция Синаххериба за кедровым лесом описана в Библии, в книге пророка Исаии: «Со множеством колесниц моих я взошел на высоту гор, на ребра Ливана, и срубил рослые кедры его, отличные кипарисы его, и пришел на самую вершину его, в рощу сада его» (Ис. 27, 24). Для пророка это деяние царя было прямым богохульством, ведь кедровый лес считался священным. Рощи же, в которых ассирийский царь рубил деревья для мирских целей, пророк проклинал: «И славный лес его (царя. — *А.В.*) и сад его… (Бог) истребит; …и остаток дерев леса его так будет малочислен, что дитя в состоянии будет сделать опись» (Ис. 10, 18—19).

Впоследствии Синаххериб потребовал от финикийцев снабдить его флотом. Они выполнили и этот приказ, лишавший их морской монополии. Разобрав корабли на части, финикийцы отправили их в Ассирию, где на берегу Евфрата их вновь собрали. Оттуда, вниз по реке, флот двинулся в сторону Шатт-эль-Араба — соединенного русла Тигра и Евфрата, достигающего 150 километров в длину. Здесь, в прибрежных болотах, скрывались враги ассирийцев — сторонники вавилонского царя. На кораблях, что плыли в бой, находились «тирские, сидонские и кипрские моряки, мои пленники», — горделиво заявлял Синаххериб.

Преемник Этбаала, Абдимилькат, создал антиассирийский союз, тайно договорившись с правителями Северной Сирии. Но и этот царь был разбит, а Сидон с невиданной прежде жестокостью разрушен грозным ассирийским царем Асархаддоном (681—669 гг. до н.э.), сменившим убитого царя Синаххериба. Памятны стихи Валерия Брюсова, чеканные, как поступь ассирийских армий:

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Строптивый Абдимилькат был схвачен и казнен. «Повелением оракула Ашшура, моего владыки, выловил я из воды, как рыбу, Абдимилькката, царя его, бежавшего от моего оружия в море, и отрубил ему голову... Все, что было ценного в его дворце, в огромном количестве унес я оттуда. В Ассирию угнал я его подданных (очевидно, аристократов и ремесленников. — *А.В.*), которым не было числа, а также быков, мелкий скот и ослов». В Сидоне ассирийцы захватили огромную добычу, в том числе личную казну царя.

Два поселения, принадлежавших прежде Сидону, — Маруб и Сарепта, — были переданы царю Тира. Почему? Быть может, правитель Тира, предоставив ассирийцам свои корабли, помог схватить Абдимилькката, пытавшегося бежать морем из города?

Позднее Асархаддон велел отстроить Сидон, но вместо прежних его обитателей поселил в нем жителей окрестных деревень и горных областей, а также военнопленных. Сидонская область была превращена в ассирийскую провинцию. Сидон надолго потерял свое значение.

После этого Асархаддон заключил договор с правителем Тира — им был Баал, — по которому весь груз корабля, снаряженного тирийцами и потерпевшего крушение «у филистимского берега или возле какой-либо иной ассирийской области», становился полной собственностью Асархаддона, то есть конфисковывался им, но экипаж отпускался на свободу («Однако людей, которые на судне, никто не может тронуть»).

Кроме того, Асархаддон распорядился, чтобы правитель Тира читал все его указы и письма лишь в присутствии ассирийского наместника, а значит, не смел в случае невыполнения их отговариваться тем, что ему было что-то непонятно. Тирский царь не имел права ничего предпринимать без разрешения наместника.

Сохранилась надпись, рассказывающая, как Асархаддон заготавливал лес для строительства Ниневии. Для этого он созвал двенадцать финикийских царей и двенадцать царей городов Кипра. Всем им он «велел, несмотря на тяжкий труд, обеспечить доставку в подвластную мне Ниневию строительного материала для ее дворца — мощных бревен, длинного бруса и тонких досок из кедра и кипариса — продуктов... Ливанских гор».

В 672 году до нашей эры, добиваясь утраченных прежде материковых владений, попытался восстать и Тир, заключивший союз с Египтом. Однако вскоре тирский царь Баал «сдался на милость Ассирии», поскольку Асархаддон вместо осады города предпочел отправить войско в Египет и покорить страну фараонов, подстрекавшую смутьянов. Баалу же он предложил уплатить дань, отказаться от материковых владений, выдать заложников, а также предоставить флот для отправки огромной добычи, захваченной в Египте. На этом они и помирились. Тир играл слишком большую роль в ассирийской экономике, чтобы его можно было разрушить.

Итог восстания изображен на стеле, найденной в местечке Самааль в Северной Сирии. Здесь ассирийцы уводят в плен египетского и финикийского царей. Однако царь Баал не лишился власти. Позднее, воспользовавшись сменой правителя в Ассирии, он вновь восстал. Теперь его противником стал Ашшурбанапал (669—635/27 гг. до н.э.). Он осадил Тир, чей правитель в очередной раз покорился силе и признал над собой власть Ассирии.

В летописи ассирийского царя Ашшурбанапала говорится о походе против Баала: «Так как повеление моей царственности он не соблюдал, не слушал речь моих уст, укрепления против него я воздвиг, на море и на суше его пути я захватил. Душу их (тирийцев) я стеснил (и) укоротил, под мое ярмо я склонил их. Свою родную дочь и дочерей своих братьев в качестве наложниц он привел ко мне. Яхимильки, своего сына, который ни разу море не переходил, одновременно он прислал мне для исполнения рабской службы.

Его дочь и дочерей его братьев с многочисленными свадебными дарами я принял у него. Милость я оказал ему и его родного сына вернул и отдал ему» (пер. В. Белявского).

Ашшурбанапал, как и его предшественники, требовал от финикийцев платить дань «благородным кедром» и «благовонным кипарисом», которые приходилось с большим трудом доставлять волоком с гор Ливана. Спасаясь от непосильной дани, местные жители порой бежали в отдаленные районы страны.

Впрочем, Ашшурбанапал не имел много времени заниматься западной окраиной своего царства. Его державу лихорадило от зависти царедворцев, мятежей инородцев, вторжений киммерийцев. В 70—40 годы VII века до нашей эры последние регулярно нападают на западные рубежи Ассирийской державы. Весь Восток жил мечтой о гибели Ассирии — «логовища львов». Весь Восток мечтал сокрушить ее столицу — «город крови».

Времена расцвета Ассирии прошли. Близилось ее падение. Обстановка в Финикии стабилизировалась. В это время финикийские города фактически пользовались независимостью: осваивали новые маршруты, торговали почти со всем Средиземноморьем и все чаще поглядывали в сторону Египта, с которым их связывали многовековые узы. Пока Ассирия переживала упадок, они выбирали себе нового покровителя.

6.2. Плешивые несут корзины

Гибель Ассирийской державы вызвала у финикийцев радость и чувство облегчения. Теперь они могли не бояться нашествий захватчиков. Казалось, вечно одолевавший их страх исчез навсегда. Однако надежды на благоденствие и покой не оправдались. Начались «войны за ассирийское наследство». Две могучие армии, две великие державы делили клочок финикийской земли. С двух концов света, с мечами и копьями наперевес, к нескольким финикийским городам приближались солдаты Вавилона и Египта.

Финикийские цари, считая, что Египет является меньшим злом, пошли на союз с фараоном. Вся Передняя Азия вплоть до Евфрата оказалась под властью египтян. Фараон Нехо II восстановил азиатские владения Тутмоса III, но удержать власть над огромной территорией не мог. В 605 году до нашей эры он был разбит Навуходоносором (605—562 гг. до н.э.), тогда еще наследником престола Вавилонии.

Уже по всей Финикии в страхе ждали приближения грозного царя, уже в соседней Иудее пророк Иеремия предрекал стране гибель под ударами войска вавилонского. Однако поход Навуходоносора был отложен на семь лет. Ему срочно пришлось вернуться в Вавилон, где умер его отец.

Царь Навуходоносор II был одним из величайших завоевателей в истории человечества. Он мечтал о создании империи, которая раскинулась бы от Анатолии до Нильской долины — империи, в которой бы не было больше отдельных племен и народов, но в которой все были едиными подданными вавилонского царя. И, конечно, ради свершения своего плана он не стал бы считаться с какими-то крошечными городками и островками на финикийском берегу. Всякое сопротивление ему было бесполезно. Даже пророк Иеремия заклинал своих соплеменников не противиться неизбежному: «И Седекии, царю Иудейскому, я говорил всеми сими словами и сказал: подклоните выю свою под ярмо царя Вавилонского и служите ему и народу его — и будете живы... Служите царю Вавилонскому и живите; зачем доводить город сей до опустошения?» (Иер. 27, 12 и 17). А пророк Иезекииль сулил страшные бедствия Тиру: «И разобьют стены Тира и разрушат башни его; и вымету из него прах его и сделаю его голою скалою. Местом для расстилания сетей будет он среди моря: ибо Я сказал это, говорит Господь Бог: и будет он на расхищение народам» (Иез. 26, 4—5).

Возникла реальная угроза самому Египту. «Царь Египетский не выходил более из земли своей, потому что взял царь Вавилонский все, от потока Египетского до реки Евфрата, что принадлежало царю Египетскому» (4 Цар. 24, 7).

Лишь внук Нехо II, фараон Априй (589—570 гг. до н.э.), сумел выправить положение. Он разбил войска Навуходоносора на египетской границе и предпринял поход в Финикию, где на сторону фараона перешел Тир.

Однако Априй не мог защитить своих азиатских союзников. Вот уже неприступный Иерусалим взят был «войском Халдейским» и пленен царь Седекия (Цидкия). «И сыновей Седекии закололи пред глазами его, а самому Седекии ослепили глаза и сковали его оковами, и отвели его в Вавилон» (4 Цар. 25, 7).

Куда теперь пойдет царь Вавилонский? Где устроит осаду? Куда нашлет голод? Откуда заберет все сокровища храмов и сокровища царского дома? Какой город потеряет плотников и кузнецов, строителей и купцов, лишь «бедный народ земли» (4 Цар. 24, 14) сохранив? Тир.

Начались знаменитые осады Тира. Первый раз войска Вавилона окружили Тир в 586 году до нашей эры, и эта осада продлилась тринадцать лет, а другой раз пытались взять его в 572—570 годах. Обе осады описаны в Библии, в книге пророка Иезекииля:

«Навуходоносор, царь Вавилонский, утомил свое войско большими работами при Тире; все головы оплешивели (от ношения шлемов. — *А.В.*) и все плечи стерты (от ношения оружия и корзин с землей для возведения валов. — *А.В.*), а ни ему, ни войску его нет вознаграждения от Тира за работы» (Иез. 29, 18).

«Ибо так говорит Господь Бог: вот, Я приведу против Тира от севера Навуходоносора, царя Вавилонского, царя царей, с конями и с колесницами, и со всадниками, и с войском и с многочисленным народом. Дочерей твоих на земле (речь идет о селениях в окрестности Тира. — *А.В.*) он побьет мечем, и устроит против тебя осадные башни, и насыплет против тебя вал и поставит против тебя щиты, и стенам твоим придвинет стенобитные машины и башни твои разрушит секирами своими. От множества коней его покроет

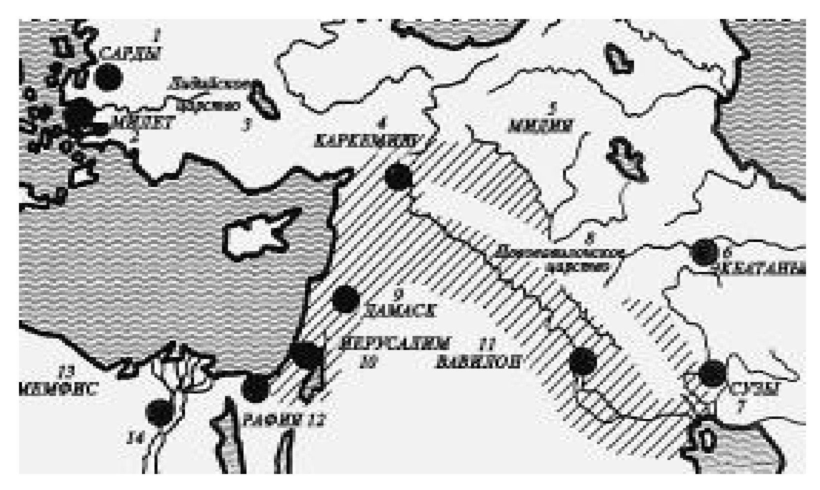
тебя пыль, от шума всадников и колес и колесниц потрясутся стены твои, когда он будет входить в ворота твои, как входят в разбитый город» (Иез. 26, 7—10).

Однако жители Тира отбили все атаки вавилонян, не дали им возвести дамбу и выдержали тяготы осады. Взять город штурмом не удалось. Это казалось чудом. Тем не менее тирийцы признали над собой власть вавилонского царя. После того как Тир покорился Навуходоносору, вавилонский царь сменил местного правителя, посадив на трон Баала II, но не стал депортировать ремесленников в Вавилон, как сделал это в Иерусалиме (помните «вавилонское пленение»?).

Зато, по примеру других властителей, Навуходоносор II вывез из Финикии лес, проявив не меньшую настойчивость, чем при осаде Тира. Лес везли через долину Бекаа к Евфрату, чтобы сплавить потом по реке. Скалы мешали транспортировке бревен, и тогда, как гласит надпись, оставленная по приказу вавилонского царя, «то, что ни один из царей, бывших до меня, не мог совершить, я свершил. Я прорубил крутые горы, разбил скалы, открыл пути и построил таким способом гладкую дорогу для кедров».

Под властью вавилонян Финикия даже экономически окрепла. В это время торговлю в Нововавилонском царстве контролировал чиновник по имени Ханнуну. Его имя весьма напоминает финикийское имя Ганнон. Очевидно, этот важный пост в стране занимал финикиец. Можно не сомневаться в том, что в Вавилоне в то время жило много финикийских купцов, торговавших продукцией ремесленников Финикии или товарами, привезенными из заморских стран.

Тир сохранил определенную независимость и собственную царскую власть, однако утратил былое первенство среди финикийских городов. Его потеснил Сидон. Утратили тирийцы, как и все жители Финикии, свою единоличную власть и в Средиземном море. По его берегам, даже африканским, теперь раскинулись колонии греков. Их корабли бороздили все море.

Нововавилонское царство: 1 — Сарды; 2 — Милет; 3 — Лидийское царство; 4 — Каркемиш; 5 — Мидия; 6 — Экбатаны; 7 — Сузы; 8 — Нововавилонское царство; 9 — Дамаск; 10 — Иерусалим; 11 — Вавилон; 12 — Рафия; 13 — Мемфис; 14 — Египетское царство

Между тем в 564 году до нашей эры, после смерти царя Баала II, к власти в Тире пришли «судьи» (суффеты). Однако их правление продолжалось немногим более семи лет (564—558 гг. до н.э.). В финикийских городах «судьи» были высшими должностными лицами. Карфагенскую республику возглавляли два суффета. Известно, что предводители израильского племенного союза до установления царской власти тоже назывались судьями.

Смена власти имела необратимые последствия для Тирской державы. Лишь царская власть скрепляла ее. Теперь держава распалась. Колонии перестали подчиняться новым правителям Тира.

Сохранился список судей, возглавлявших Тир, с указанием сроков их пребывания на этом посту. Любопытно, что один из

них — Йакинбаал — правил всего два месяца, а другой — Аббар — три месяца.

По-видимому, «судьи» приходили к власти в результате государственных переворотов, или же вавилонские правители смещали неугодных суффетов. Последние два — Меттен и Герастарт — правили совместно. Возможно, что политические партии, соперничавшие в городе, договорились между собой. Что же касается наследников царской династии, те могли укрыться в Вавилоне или были насильственно вывезены туда. Позднее ее власть была восстановлена. В 539 году до нашей эры Тир встретил персидское нашествие уже под властью царя Хирама III. На этот раз Финикия покорилась безропотно. Возникла громадная Персидская империя — самая большая из всех, что существовали прежде в Передней Азии.

6.3. Три города в одном

Итак, возникла новая мировая держава, которая сразу стала отодвигать свою западную границу в сторону Греции. Царь Кир II (558—530 гг. до н.э.) завоевал почти всю Малую Азию и часть островов Эгейского моря. Пал под натиском персов и Вавилон.

Власть персидского царя над собой финикийцы приняли довольно легко — тем более что персы помогали им в соперничестве с греками. Для дальнейшего продвижения персов на Запад финикийцы готовы были предоставить им свой флот, рассчитывая потеснить греков в торговле. Поначалу интересы финикийцев и персов, действительно, совпадали.

В 525 году до нашей эры персидский царь Камбиз (530—522 гг. до н.э.) при поддержке финикийского флота завоевал Египет, а также греческие колонии в Северной Африке. В благодарность за эту помощь Камбиз предоставил финикийцам почти полную независимость. Они превратились в союзников персов, а не их слуг. Так, при попытке напасть на Карфаген финикийцы отказались предоставить

персам флот, не желая поражения соплеменникам. Этот случай показал, что военные успехи персов во многом зависят от поддержки или нерасположения нескольких финикийских городов. Поэтому персидские цари относились с особым вниманием к нуждам финикийцев, видя в их дружбе залог собственных успехов. Камбиз же никак не наказал ослушников.

Новые правители не вмешивались во внутреннюю жизнь Финикии. Здесь сохранялась своя собственная царская власть. Цари Персии даже отдали своим финикийским собратьям несколько палестинских городов. Так, под властью Сидона теперь оказались Дор, Яффа, Орнитон, а под властью Тира — Акка, Аскалон и бывшие владения тирийцев на материке от Сарепты до горы Кармел.

«Владыка царей дал нам Дор и Яффу, богатые зерном земли, которые на поле Шарона, за великие деяния, которые я совершил, — изрек Эшмуназар. — И мы присоединили их к пределам страны, чтобы они принадлежали к сидонцам вечно». Кроме того, Сидон стал административным центром одной из сатрапий, что простиралась от египетской границы до Тигра и включала Сирию, Финикию и Палестину (многие историки считают, что и ее столицей был Дамаск).

При Pax Persica (Персидском мире) финикийские купцы могли наслаждаться миром и порядком, которых так недоставало в недавнем прошлом, когда их страна становилась желанной добычей ассирийских или вавилонских завоевателей. Преемник Камбиза, Дарий I (522—486 гг. до н.э.), проложил по всей стране сеть дорог, заметно облегчившую купцам передвижение. В Персидской державе была налажена надежная почтовая связь. Введена общая для всех денежная единица, получившая у греков название «дарик». Снижены налоги; они стали заметно меньше, чем при ассирийцах или вавилонянах.

Все эти меры привели к процветанию торговли внутри страны. Важной предпосылкой тому была специализация различных районов Персидской державы на производстве тех или иных товаров,

которая наметилась еще в эпоху Новоассирийского царства. Зачастую купцы старались торговать лишь определенным товаром, например солью, пивом, горшками, вином. В крупных городах страны появились характерные восточные базары с их сутолокой, шумом, многолюдьем.

На монете, отчеканенной в Сидоне, изображен финикийский корабль. IV в. до н.э.

Разумеется, в Персию из Финикии тоже везли кедровые бревна на сооружение дворцов царей Ахеменидской династии. В надписи, оставленной по приказу царя Дария I, говорится о том, как доставляли ливанский лес для строительства дворца в Сузах: «Дерево это, которое называется кедр, — есть такая гора по названию Ливан — оттуда его доставили. Ассирийский народ довез его до Вавилонии. Карийцы и ионяне привезли его из Вавилонии в Сузы».

Со временем персы взяли леса в Ливанских горах под охрану. Так, наместник царя Артаксеркса I (465—424 гг. до н.э.) в Иерусалиме, Неемия, в 445 году до нашей эры вынужден был просить великого царя, чтобы некий Асаф, хранитель царских лесов, дал ему «дерев для ворот крепости, которая при доме Божием, и для городской стены, и для дома, в котором бы мне жить» (Неемия 2, 8). Заповедные лесные участки появились в различных местах Финикии.

Портовые финикийские города — Библ, Тир, Сидон и Арвад — обязаны были платить подати персидским властям и снаряжать боевые суда, но при этом они сохраняли заметную автономию в составе Персидской державы. Они чеканили собственные монеты; на одной из них, выпущенной в Арваде, изображен с одной стороны персидский царь на колеснице (по иному толкованию, божество), а с другой — многовесельное боевое финикийское судно.

Финикийские корабли составляли основу персидского флота, а правитель Сидона командовал флотом. Впоследствии финикийцы принимали самое активное участие в греко-персидских войнах. Они были глубоко заинтересованы в разгроме греческих торговых городов, рассчитывая занять их место в средиземноморской торговле и прочно закрепиться в Эгеиде.

В 480 году до нашей эры, когда Ксеркс I (486—465 гг. до н.э.) предпринял свой знаменитый поход в надежде покорить европейскую часть Греции, под началом финикийских моряков находилось 1207 кораблей. Среди флотоводцев были сидонский правитель Тетрамнест, тириец Маттен и выходец из Арвада Мербаал.

Им противостояло всего 310 греческих кораблей, однако теми командовал один из величайших стратегов в истории мирового военного искусства — Фемистокл. Он посоветовал дать морской бой у острова Саламин, «утверждая, что в узком морском проливе на стороне тех, которые будут сражаться на морских судах против крупных кораблей неприятеля, даже при численном их превосходстве, будет большое преимущество» (Диодор, пер. В.С. Соколова).

Так оно и случилось. В персидском флоте началось смятение. Афиняне же «стали налетать на корабли неприятелей и одни из них пробивали носами своих судов, у других отрывали лопасти весел, и так как после этого гребля становилась для таких кораблей невозможной, много персидских триер подверглось частым ударам вражеских судов и получило тяжкие повреждения. Поэтому неприятель... пускался в бегство» (Диодор).

Итог сражения оказался трагичным для финикийцев. «Эллинских судов в этом бою погибло сорок, персидских же свыше двухсот, не считая тех, которые были захвачены вместе с людьми, — писал греческий историк Диодор. — Царь, против всех ожиданий, проигравший это сражение, казнил финикийских командиров, положивших начало бегству, остальным своим командирам он пригрозил заслуженным ими наказанием. Финикийцы, испугавшись этих угроз, прежде всего отплыли к берегам Аттики, а с наступлением ночи уехали к себе в Азию».

Поражение персов повлекло за собой крушение тех надежд, что связывали с ними финикийцы. После катастрофы при Саламине они в течение 15 лет избегали сражений с греками. Лишь в 465 году до нашей эры, когда греки вторглись на Кипр, принадлежавший тогда Персии, финикийцы сразились с ними и обратили их в бегство. Очевидно, перспектива потерять медные рудники Кипра вдохновила их на битву куда сильнее, чем авантюрный поход Ксеркса.

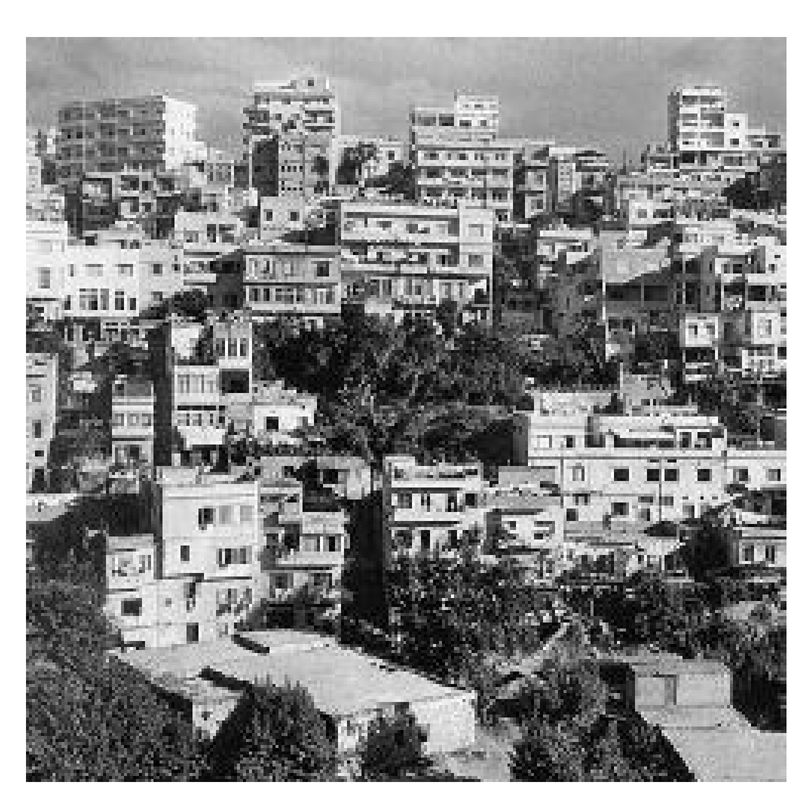
В период персидского господства в Финикии в первый раз за всю ее историю города образовали некий политический союз. Их правители решили, наконец, прекратить былое соперничество и действовать совместно, отстаивая интересы всего народа. Очевидно, их побудила к такому поступку перемена, случившаяся на «политической карте мира» того времени. Теперь в Средиземном море всецело хозяйничали карфагеняне и греки. Лишь действуя сообща, финикийцы могли успешно бороться со своими соперниками.

Власти Тира, Сидона и Арвада совместными усилиями построили новый город — Триполи, «город трех городов». Подобно другим, Триполи располагался на участке суши, вдававшемся в море. Его образовали три отдельных поселения — три квартала, в которых проживали выходцы из упомянутых городов. Каждый из кварталов был окружен собственной стеной. Все они сообща пользовались местной гаванью. Помпоний Мела так писал о происхождении этого города: «Когда-то за мысом Эвпросопон было три города, на расстоянии одного стадия друг от друга, и по числу их вся местность называется Триполи».

В Триполи собирался общефиникийский совет — своего рода парламент, в который входили представители различных городов. Для работы совета каждый город федерации делегировал по 100 человек. Совет решал важнейшие проблемы, интересовавшие весь народ.

Город Триполи стремительно развивался. В нем возвели ряд храмов. Однако не сохранилось никаких документов, сообщающих

о том, как он выполнял обязанности столицы Финикийского союза. Известно лишь, что в римское время этот город также процветал. Любопытно, что Триполи — один из крупнейших городов современного Ливана — сохранил до сих пор изначальную структуру. Он четко делится на три части: порт, верхний город и нижний город.

Так выглядит Триполи сегодня

В 350 году до нашей эры в Финикии поднялось восстание. Недовольство вызвали подати, собираемые персидскими царями. Почти полвека страной правил Артаксеркс II (404—358 гг. до н.э.). Это было время вопиющего застоя и бесхозяйственности, так облегчивших Александру Македонскому покорение Персидской державы. Финикийские города были возмущены подобными порядками.

Поводом же к восстанию послужило поражение, которое новый царь, Артаксеркс III (358—338 гг. до н.э.), потерпел от Египта. Этот неудачный поход нанес огромный урон Финикии. По пути в Египет персидская армия разорила собственную страну. Вот тогда «парламент» Финикии и объявил страну независимой. Восстание возглавил Теннес из Сидона. Жители города прогнали персидский гарнизон, разорили царский «парадис» и сожгли запасы фуража для конницы. Довольно быстро Теннес привлек на свою сторону другие финикийские города, заручившись помощью из Египта и, возможно, из Греции. Восставшие создавали запасы на складах, готовясь выдержать осаду, и рубили кедры для постройки флота. Волнения перекинулись и на Малую Азию. Однако финикийцы переоценили свои силы.

Когда же Артаксеркс III направился в Финикию, чтобы усмирить бунтовщиков, Теннес Сидонский, охваченный страхом, тайно вышел из города и предложил персидскому царю свою помощь в подавлении восстания. Вернувшись в Сидон, он убедил других руководителей восстания немедленно отправиться в Триполи на заседание «парламента». С ним отбыли сто самых знатных людей города. Все они были захвачены персами и казнены. Были убиты и 500 знатных сидонцев, сдавшихся персидскому царю.

Оставшись без руководства, жители Сидона решили сражаться до последнего и сжечь свои суда, чтобы отрезать себе путь к бегству. Когда же персы, наконец, в 343 году до нашей эры при помощи предателей, открывших ворота, взяли мятежный город, они сожгли его дотла вместе со всеми архивами и библиотеками. Уцелевшие жители Сидона были уведены в глубь Персидской державы. Жертвами этой расправы стали, по словам Диодора, 40 тысяч человек. Был казнен и изменник — Теннес Сидонский.

Впоследствии Артаксеркс III продал место пожарища за баснословную цену. Покупатели не прогадали: в руинах города было найдено много кладов — золота и серебра.

Другие финикийские города, увидев, что их ожидает, немедленно сдались. Восстание было полностью подавлено. Однако дни персидской монархии были сочтены. Сидон же через некоторое время был восстановлен и вскоре вновь превратился в крупный торговый центр.

6.4. Александр метит в Тир

В 334 году до нашей эры армия Александра Македонского двинулась в Азию. Разбив в ноябре 333 года при Иссе войска персидского царя, она повернула на юг — и направилась на Ближний Восток. Большинство финикийских городов — Арвад, Сидон, Библ — смиренно признали нового владыку.

Правда, власти финикийских городов некоторое время колебались, боясь перейти на сторону какого-то греческого правителя, который, быть может, не сегодня-завтра уйдет из Азии и оставит их один на один с персидским царем, а тот не простит измены. В их памяти еще жив был разгром Сидона. Разве защитит их молодой грек, опрометчиво вторгшийся в Азию?

Всеобщие колебания усиливало отсутствие собственных царей. Они находились в составе персидского флота в Эгейском море. И все же большинство финикийских городов решили отказаться от сопротивления грекам, чувствуя свою беззащитность перед их войском. Жители же Сидона и вовсе встретили македонскую армию с ликованием — слишком сильна была их ненависть к персам.

Казалось, и для Тира все обойдется хорошо. Делегация знатных горожан вышла навстречу Александру и объявила, что готова

выполнить все его распоряжения. Однако не подданными его хотели быть тирийцы, а союзниками. «Тир, выдающийся своими размерами и славой среди всех городов Сирии и Финикии, казалось, охотнее вступил бы с Александром в союз, чем признал бы его власть; поэтому послы города предлагали ему в подарок золотой венок, щедро и гостеприимно снабдив его перед этим продовольствием из города», — писал Квинт Курций Руф.

Однако тирийцы отказались открыть ворота Александру и допустить его за городские стены, когда он захотел принести жертву Мелькарту. Свой отказ они попытались смягчить, сказав, «что никого из персов или македонцев они в город не пустят: при данных обстоятельствах это самая благовидная отговорка, а ввиду неизвестного исхода войны и самое правильное поведение» (пер. М.Е.Сергеенко), — признавал греческий историк Арриан. Они хотели сохранить в этой войне нейтралитет.

Александр воспринял этот отказ не только как личное оскорбление, но и как попытку ограничить его власть над Тиром. В то время он стремился захватить все финикийские гавани, чтобы отрезать основные силы персидского флота от их базы, а, кроме того, надеялся использовать флотилию Тира в своих целях. Поэтому он решил осуществить свое намерение силой.

«Друзья и союзники, — с такой речью он обратился к предводителям войска, — нам опасно предпринимать поход на Египет... и преследовать Дария, оставив за собой этот город, на который нельзя положиться... Если мы сметем Тир, то вся Финикия будет нашей и к нам, разумеется, перейдет финикийский флот, а он у персов самый большой и сильный» (Арриан).

Посланцам же Тира он адресовал совсем другие слова. «Так вы, — воскликнул он, — полагаясь на то, что занимаете остров, презираете наше сухопутное войско? Но я скоро покажу вам, что вы живете на материке! Знайте же: или вы впустите меня в город, или я возьму его силой». С этими словами он отпустил послов» (Квинт Курций Руф).

Александр решил соединить насыпью материк с городом. Несколько месяцев длилась работа. Трудностей было немало. Юго-западный ветер, «вздымая волны, опрокидывал все, что свозили для постройки, да и нет ничего столь крепкого, чего не разъедали бы волны» (Квинт Курций Руф).

Но постепенно мол стал немного выступать из воды, увеличилась ширина насыпи, и она приблизилась к городу. От этого было хуже самим осаждавшим, писал Арриан, «так как их стали поражать со стен, которые были высоки». Тирийцы часто не давали солдатам продолжать работу. «Ни одна из стрел или дротиков, летевших в густую безоружную толпу, не пропадала даром, люди стояли на виду и ничем прикрыты не были», — живописал происходившее тогда Диодор Сицилийский.

И все же, как ни сопротивлялись защитники Тира, дамба лишила город его естественной защиты — перекрыла протоку шириной 900 метров, отделявшую Тир от материка. Подойдя к городу вплотную, македонцы взяли его штурмом. Решающий удар был нанесен с моря. К этому времени финикийские корабли покинули персидский флот и вернулись домой. Теперь, подчинившись Александру, они приняли участие в осаде Тира.

В какой-то момент, потеряв многих солдат, Александр уже готов был снять осаду и направиться в Египет. «Но, считая позором, как уйти, не добившись цели, — отмечал Квинт Курций Руф, — он полагал, что если он оставит Тир свидетелем своей неудачи, слух о его славе утратит свой вес, а при помощи доброй молвы он достигал большего, чем своим оружием». Тогда, «чтобы не оставить ничего не испробованным, он приказал двинуть к городу еще большее количество судов и посадить на них отборных воинов».

После нескольких дней сражения к стенам Тира подошли вражеские корабли и принялись таранить укрепления. «Когда под частыми ударами тарана каменная кладка была разбита и защитные укрепления рухнули, флот вошел в порт, и группа македонцев поднялась на покинутые неприятелем башни» (Квинт Курций Руф).

Штурм принес быструю победу армии Александра Македонского. Победитель приказал «перебить всех, кроме укрывшихся в храмах, и поджечь все постройки города» (Квинт Курций Руф). В этом сражении пало около восьми тысяч жителей Тира.

Когда город, наконец, сдался, часть его жителей — не менее двух тысяч — была казнена. Их распяли на крестах, расставив те на большом расстоянии вдоль берега моря. Другая часть — около тридцати тысяч — была обращена в рабство. Жестокость Александра была психологически объяснима. Во время осады жители Тира убили захваченных ими македонцев, принеся их в жертву своим богам, а затем сбросили их тела с городских стен в море.

Победив, Александр проследовал в храм Мелькарта, принес жертву Гераклу и устроил в его честь процессию.

Итак, «Тир, город достойный памяти у потомства как по своей древности, так и по превратности судьбы, был взят на седьмой месяц после начала осады» (Квинт Курций Руф). По мнению ряда исследователей, победа над Тиром была важна Александру Македонскому не только сама по себе. Ею он демонстрировал карфагенянам, что их город также уязвим для македонских войск. Ведь что такое Карфаген — это всего лишь «большой Тир».

Александр не стал разрушать Тир до основания, надеясь сделать его своей будущей морской базой. Он помиловал городскую знать, укрывшуюся в храме Мелькарта. Разрешил вернуться всем, кто бежал из города. Многих жителей Тира — по сообщению Квинта Курция Руфа, примерно 15 тысяч человек, — спасли сидоняне, укрывшие их от смерти или продажи в рабство на своих кораблях.

Весной 331 года до нашей эры Александр Македонский вновь побывал в Тире, возвращаясь из похода в Египет. Теперь его встретили торжественными процессиями, музыкантами и актерами. Царь проследовал в храм Мелькарта и принес «славному Гераклу» богатые жертвы.

Впоследствии возле дамбы скопились песок и донные отложения. Дамба превратилась в перешеек. Теперь Тир расположен не на острове, а на полуострове.

А вот географию другой области Азии царь Александр не сумел изменить. Незадолго до смерти он задумывал населить побережье Восточной Аравии выходцами из Финикии и с их помощью подчинить себе страны, лежавшие вдоль южных морей. Однако этот замысел пресекла его смерть.

Походы Александра Македонского открыли новую эпоху в мировой истории — эпоху эллинизма. Время финикийцев прошло. Почти тысячу лет они лавировали между великими державами своего времени, сопротивляясь завоевателям или временно покоряясь им. Отныне Финикии уготовано было медленно раствориться в чужеродных ей культурах, стать частью их.

6.5. Римский остаток веков

После смерти Александра Македонского финикийские города пережили череду междоусобных войн, длившихся почти двадцать лет, — в это время Тир и Сидон несколько раз переходили из рук в руки,— и, наконец, вошли в состав державы Селевкидов. К тому времени царская власть в них была ликвидирована. Долгие войны разорили эти города. Их жители вместо того, чтобы торговать, воевали друг с другом. Часть их была мобилизована в армию одного греческого полководца, часть — в армию другого...

Лишь одно событие могло порадовать финикийцев. На одной из их верфей был построен самый крупный корабль, который когда-либо строился в Финикии. Его киль изготовили из ствола ливанского кедра длиной свыше 40 метров. Гребцы на этом корабле рассаживались в 11 рядов. Всего же на веслах сидело 1800 рабов.

Однако это достижение едва ли скрашивало упадок Финикии. Тем временем расположенная неподалеку Александрия переживала расцвет. При египетском правителе Птолемее II Филадельфе

(285—246 гг. до н.э.) она стала центром мировой торговли. При этом же царе на побережье Красного моря был основан город Береника, игравший важную роль в торговле Египта с Индией и Эфиопией. Само Красное море отныне было связано со Средиземным морем каналом, строить который начинал еще фараон Нехо II. Судоходство в Средиземном море стало таким оживленным, что, по признанию античных авторов, всякий желающий мог в считанные дни найти в крупном порту корабль, который отвез бы его в любой порт.

Реверс и аверс серебряной монеты, имевшей хождение в вТире в эллинистическую эпоху

Былая слава Финикии меркла на фоне «достижений античного капитализма», если употребить клише, так не любимое советскими историками. Финикийские города теперь не пользовались политическим влиянием, хотя все еще оставались крупными торговыми центрами. Кто владел ими, тот держал в руках традиционные центры азиатской торговли, распоряжался верфями и гаванями, мог строить и содержать мощный флот.

Между тем сама атмосфера в финикийских городах стала иной. Царская власть в них была ликвидирована; они превратились в республики. Политика эллинизации, проводимая сирийским царем Антиохом IV (175—164 гг. до н.э.), не вызывала теперь сопротивления. Здесь греческая культура пользовалась популярностью еще с эпохи владычества персов. Финикийцы почитают богов Эллады, занимаются в гимнасиях, говорят по-гречески.

Уже в начале I века до нашей эры финикийский язык исчезает из надписей, встречаемых на территории Финикии. Лишь на монетах еще почти два столетия держатся финикийские обозначения, соседствующие с греческими. Так в наши дни издания текстов на древнерусском языке сопровождаются их переводами на современный русский язык, понятный всему населению. Вскоре Восточное Средиземноморье будет говорить на «лингва франка» — доступном всем языке, состоявшем из латинских, греческих и семитских слов. Лишь в римской провинции Африка, на бывших землях карфагенян, сохранится древний пунический язык, давно забытый на его родине.

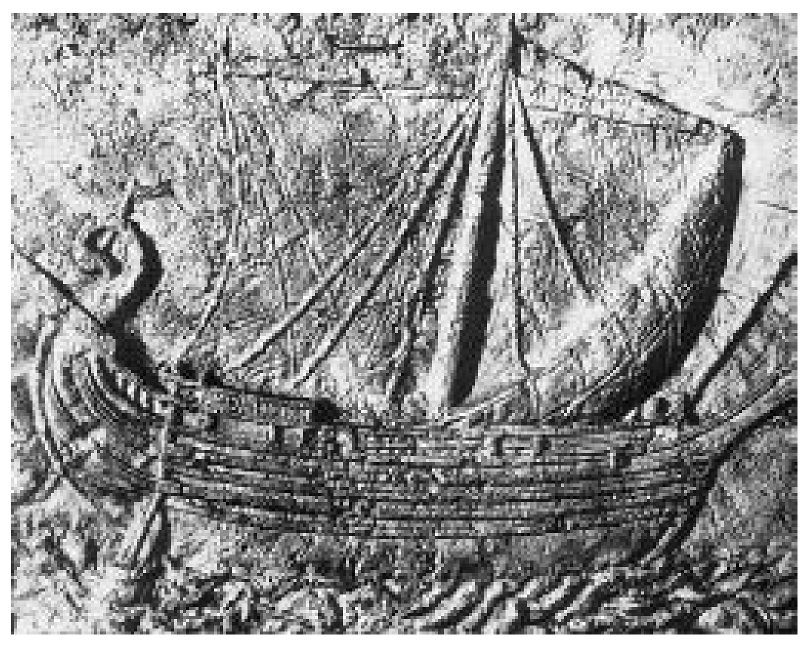
В 120 (по другим данным, в 126) году до нашей эры Тир, а в 113 (по другим данным, в 111) году до нашей эры Сидон стали ненадолго независимыми от сирийских царей — Селевкидов. Однако это время совпало с тяжелейшим хозяйственным кризисом во всей Передней Азии. Длительные войны истощили регион. Морские пути стали ненадежными; здесь хозяйничали флотилии киликийских пиратов. Лишь вмешательство Рима принесло с собой перемены.

Все предшествующее столетие римляне постепенно подчиняли своей власти страны Средиземноморья, стремясь основать державу по образцу империи Александра Македонского. В 146 году до нашей эры они захватили и разрушили Карфаген, а в 64 году до нашей эры римский полководец Помпей присоединил к Риму Сирию и Финикию. Сирия стала римской провинцией, в состав которой римляне включили прибрежные — финикийские — районы. Так Финикия окончательно исчезла с политической карты мира.

Впрочем, по традиции римляне не вмешивались во внутреннюю жизнь городов, перешедших под их управление. Они лишь навели порядок в стране. Так, отряды римлян разорили разбойничьи гнезда в Ливанских горах и положили конец набегам грабителей на приморскую долину. Финикийские города могли быть довольны новой властью, предоставившей им самоуправление и гарантировавшей неприкосновенность их территориальных владений.

Впрочем, римские наместники вели себя менее благородно, стремясь как можно сильнее обогатиться за то время, что им позволено было править здесь. По словам Цицерона, наместничество в Сирии сопровождалось чередой темных делишек, сговоров, насилий, ограблений и убийств.

На короткое время Сирия и Финикия еще раз вышли из-под римской власти. Случилось это в 40—38 годах до нашей эры, когда сюда вторглись парфянские войска, овладев почти всей провинцией. Из финикийских городов лишь Тир устоял перед их натиском.

Рельеф с изображением финикийского корабля римской эпохи. Найден при раскопках Сидона

Все то десятилетие выдалось неспокойным. Лишь после гражданской войны между сторонниками Антония и Октавиана — войны, чьи основные события разыгрались в восточной части Римской державы, — в Финикии наступило успокоение. Начался новый период ее процветания.

Во время последующих войн Римской империи с Иудеей, Парфией, Сасанидской Персией и Пальмирой финикийские города неизменно оставались в тылу. Эпоха Pax Romana (Римского мира) окончилась для Финикии только в 614 году нашей эры, когда в страну вторглась персидская армия под водительством Хосрова II, разрушая все на своем пути.

Но прежде были шесть веков благоденствия. В римскую эпоху ряд финикийских городов был освобожден от налогов, которые платило все население империи, кроме римских граждан. Сумели финикийцы добиться и других привилегий. Как отмечал Квинт Курций Руф, говоря о Тире, «под охраной римского гуманного владычества он пользуется продолжительным миром, содействующим всеобщему процветанию».

В Риме и приморских городах Италии финикийские купцы открывали свои конторы. В столице возник даже финикийский квартал. Значительные поселения финикийцев были также в Остии, Неаполе, Мизенах. Вслед за купцами и финикийские ремесленники разъехались по отдаленным уголкам империи, как когда-то устремлялись в заморские колонии Финикии.

Из римских императоров, правивших Финикией, непременно нужно упомянуть Адриана (117—138 гг. н.э.). В 134 году он объявил все высокогорные леса Ливана государственной собственностью. Границы заповедника были обозначены наскальными надписями и стелами. Эти границы примерно соответствовали региону, где вообще мог произрастать кедр. В Ливане еще и сейчас сохранились более ста римских надписей, запрещающих рубку деревьев в здешних лесах.

Через полвека после правления Адриана к власти в Риме пришла сирийско-финикийская династия Северов (193—235). Ее ос-

Ипподром в Тире

нователь, Септимий Север, был родом из древней финикийской колонии Лептис в Северной Африке. «И до и после него он оказался единственным уроженцем Африки, достигшим престола» (пер. А.И. Донченко), — писал римский историк Евтропий. А другой историк, Секст Аврелий Виктор, добавлял: «Он был достаточно обучен латинскому языку, хорошо владел греческой речью, но лучше всего усвоил пуническое красноречие» (пер. В.С. Соколова). Жена императора, Юлия Домна, происходила из города Эмесы в провинции Сирия, из жреческой семьи. С воцарением династии Северов финикийские боги получили широкое распространение в Римской империи. Поклониться им на историческую родину императоров, в Финикию, ездили многие римляне.

Воцарение Септимия Севера было, наверное, невозможно без поддержки финикийцев. Ведь имелись и другие претенденты на власть. Вспыхнула гражданская война. В то время Септимий нахо-

Этот мост построили римляне

дился в Сирии, и жители Тира особенно ревностно поддерживали его. Победив соперника, он не забыл заслуг Тира. Септимий пожаловал городу права римской колонии. В знак императорской милости в Тире возводили пышные дома и строили ипподромы для состязаний на боевых колесницах.

В Тире был возведен один из крупнейших в мире ипподромов. Он достигал 480 метров в длину и 92 метров в ширину. Позднее его сооружения стали каменоломнями для тех, кто строил по соседству небольшую христианскую капеллу. При расчистке ипподрома здесь были обнаружены остатки колоссальной статуи Геракла. Очевидно, в городе проводились праздничные игры в его честь. Этот культ пользовался особым покровительством Септимия Севера.

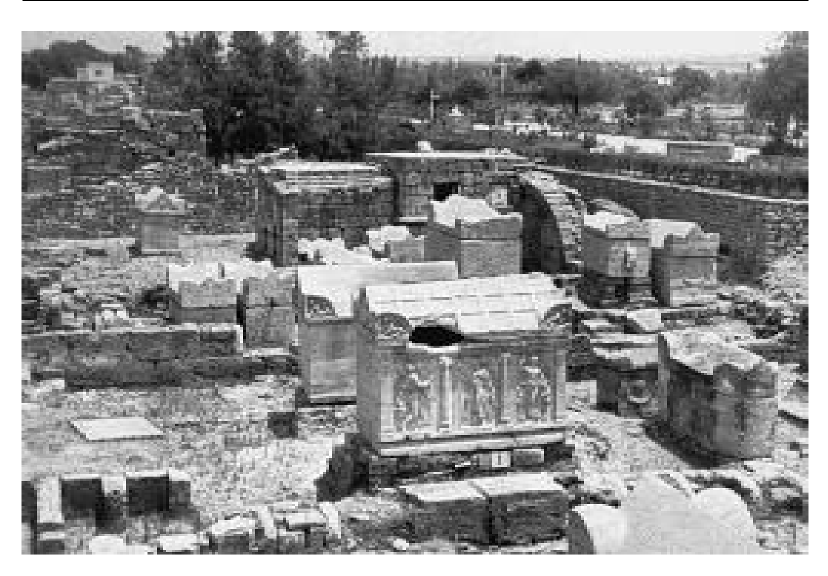
Другой император династиии Северов — Элагабал (218—222) — рьяно поддерживал культ Баала. Он был жрецом этого бога вплоть до своего провозглашения императором и носил его имя. В годы его правления бог Баал стал высшим божеством империи, что побудило Евтропия заявить: «Вопреки великим надеждам и воинов и сената опорочил он себя всяческими мерзостями».

Со временем под защитой римских войск в Финикии заметно расширились территории, занятые оседлым населением. Склоны Ливанских гор покрылись деревнями. Финикийские города разрослись. Расцвет переживает Берута, находившаяся до этого в тени соседних Библа и Сидона. Вплоть до римского завоевния Берута не играла особой роли в истории Финикии. Все изменилось, когда Марк Агриппа, зять императора Августа, поселил здесь в 15 году до нашей эры ветеранов пятого и седьмого легионов. К тому времени город уже полтора века лежал в руинах после разрушения в одной из междоусобных войн. Отныне Берута была освобождена от поземельной и подушной подати. Вскоре она стала средоточием римского влияния в Финикии. Здесь, в Беруте, начинался кратчайший путь из Финикии в Дамаск. Впрочем, раскопки города затруднены, поскольку на месте древней Беруты находится современная столица Ливана — Бейрут.

Руины римской виллы в Ливане

В облике финикийских городов появились типично европейские черты: например, стала использоваться римская арка; дома украсили рельефы и мозаики со сценами греческих мифов. За городской чертой раскинулись виллы, окруженные садами. Богатые

Тир. Кладбище римской и византийской эпохи

горожане жили там жарким летом. Особенно часто дачные поселения возникали близ святилищ, куда стекались паломники.

Сами святилища в этот период перестраивают, значительно расширяя их. Количество храмов, возведенных на территории Финикии в римскую эпоху, поразительно велико. Многие святилища располагались в горах и были связаны между собой дорогами паломников. Большинство их теперь разрушено; о них напоминают лишь обломки колонн.

В эту эпоху между финикийскими городами возникло надежное сухопутное сообщение. Римские строители пробили в скалах проходы, значительно расширив дороги. По ним могли двигаться повозки и колесницы. Любопытно, что римскими горными дорогами,

Саркофаги римской эпохи, найденные при раскопках Тира

связывавшими Ливан с Сирией, пользовались вплоть до Первой мировой войны. Вдоль дорог высились сторожевые башни и крепости, построенные для борьбы с разбойниками.

6.6. Финикия Христа

В римскую эпоху разительно изменился сам образ мыслей финикийцев. На родине Баала теперь все больше людей молились другому богу — христианскому. Финикийская, или, как говорят сейчас, ливанская, земля хранит немало памятников раннего христианства. Так, в нескольких километрах к югу от Сайды в скальной пещере есть небольшая часовня. Она посвящена Деве Марии. По легенде, Мария ждала Иисуса в одной из пещер, пока он проповедовал в Сидоне, а потом переночевала там с сыном перед возвращением в Галилею. Возможно, легенда связана именно с этой пещерой, где теперь расположилась часовня.

Евангелие говорит, что учение Христа еще при его жизни стало очень популярно в Финикии. «И живущие в окрестностях Тира и Сидона, услышавши, что Он делал, шли к Нему в великом множестве» (Марк 3, 8). Они «пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих» (Лук. 6, 18). Сам Иисус во время своих странствий также побывал в Финикии.

Он «пришел в пределы Тирские и Сидонские; и вошед в дом, не хотел, чтобы кто узнал; но не мог утаиться. Ибо услышала о нем женщина, у которой дочь одержима была нечистым духом, и пришедши припала к ногам Его; а женщина та была язычница, родом Сирофиникиянка; и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери» (Марк 7, 24—26). «Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час» (Матф. 15, 28). «Вышед из пределов Тирских и Сидонских, Иисус опять пошел к морю Галилейскому» (Марк 7, 31). Согласно более поздней традиции, исцеление бесноватой случилось в Сарепте.

В Тире же и Сидоне возникли христианские общины. Вот как описывал апостол Павел путешествие к своим единомышленникам в Финикию. «Мы... пристали в Тире… и, нашедши учеников, пробыли там семь дней... проведши эти дни, мы вышли и пошли, и нас провожали все с женами и детьми даже за город; а на берегу, преклонивши колена, помолились. И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились домой» (Деян. 21, 3—6).

В конце II века Тир стал резиденцией епископа. Долгое время город играл ведущую роль среди христианских общин Финикии. Как полагают, в местной базилике погребен знаменитый богослов Ориген (185—254 гг.), теолог и философ, умерший в тюрьме как еретик.

Распространению христианства в Финикии, как и вообще в Римской империи, способствовали сами императоры династии Северов. Так, Юлия Маммея, мать Александра Севера — последнего императора этой династии, переписывалась с Оригеном и приглашала его для публичных выступлений. Ее сын, по преданию, даже намеревался построить в Риме христианский храм. У себя в домашней молельне он установил бюсты Авраама, Орфея, чудотворца Аполонния Тианского и Христа. При нем между христианами и язычниками установился «климат терпимости и мирного сосуществования», — писал итальянский историк Амброджо Донини.

Среди ведущих богословов древности был и финикиец Памфил (240—309 гг.), ученик Оригена и учитель Евсевия, выходец из богатой берутской семьи. Позднее он стал жертвой последних гонений на христиан, начавшихся в 303 году. Пресвитер Памфил, бывавший часто в Александрии, собирал памятники христианской литературы, особенно же сочинения Оригена, а также переписывал и комментировал их. В годы гонений на христиан погибли многие ученики и друзья Памфила.

Спасаясь от властей, финикийские христиане бежали в горы и прятались в уединенных долинах и многочисленных пещерах. Именно тогда появилось немало пещерных церквей. В пещерах или ке-

льях, вырубленных в скалах, селились отшельники. В горах, неподалеку от селения Фурзоль, почти в ста километрах от Беруты, возник скальный монастырь, в котором кельи были обустроены наподобие сот. Здесь находилась и одна из древнейших резиденций ливанского епископа.

Финикийцы поневоле стали миссонерами, распространив христианское учение туда, где его придерживаются поныне. По преданию, основателями эфиопской церкви стали два молодых жителя Тира, Фрументий и Эдесий, совершавшие в 330 году путешествие по Красному морю. Их корабль потерпел крушение у африканского берега, и экипаж судна был перебит местными жителя-

Церковь, сооруженная на месте античного храма

ми. Лишь Фрументий и Эдесий были доставлены в Аксум, ко двору эфиопского царя. Вскоре они стали его советниками и приобщили эфиопов к христианской вере. Впоследствии Эдесий сумел вернуться в Тир.

К этому времени христианство являлось уже государственной религией Римской империи. Многие античные храмы были превращены в церкви. Лишь вместо старых богов теперь поклонялись новому Богу, а также святым и мученикам.

Так, Смар Джебель, находившийся близ Батруны, был посвящен мученику Мар Нохра, персу по происхождению, который проповедовал христианское учение в Батруне и его окрестностях. При императоре Диоклетиане он был казнен, причем перед смертью его ослепили. Вскоре это место стало привлекать к себе паломников, которые считали, что здесь можно исцелиться от глазных болезней.

Самым популярным святым Финикии стал святой Георгий — офицер римской армии, казненный за христианскую веру в 303 году. После победы христианства он «воцарился» в храме Адониса в Януа — местечке, лежащем у склона Ливанских гор. С именем Георгия связано одно из самых знаменитых христианских преданий — о чудесной победе над драконом. Особой известностью эта легенда пользовалась в Беруте и его окрестностях.

Иногда под новыми именами скрывались свои собственные древние боги. Некоторые старые божества проникли в саму суть новой веры, став святыми или же бесами. Например, место богини Астарты заняла Дева Мария. Отныне ее почитали как хозяйку кедрового леса.

В Финикии жили, впрочем, и противники христианства: философы Порфирий (233—305 гг.), Ямвлих (250—325 гг.) и упоминаемый ранее Филон Библский. Порфирий принадлежал к самым резким критикам христианства. Филон же пытался как-то примирить веру отцов и веру детей, язычество и христианство, древних богов и Иисуса.

При Юлиане Отступнике (361—363 гг.) традиционные финикийские культы были на какое-то время восстановлены. Некий Кирилл, удаливший из храма языческие изображения богов, был предан мучительной смерти. Однако триумф старой веры оказался недолгим. При императоре Феодосии I (379—395 гг.) христианская община вновь взяла верх.

6.7. Финикия памяти нашей

После распада Римской империи в IV веке нашей эры Финикия вошла в состав ее восточной половины — Византии. К этому времени название Финикия, прежде относившееся к прибрежной полоске Ливана, распространилось и на внутренние районы страны. Оно превратилось в название произвольно созданной провинции на территории Римской Сирии. Провинция эта уже не имела ничего общего с исторической Финикией. Постепенно и местные жители забыли о своем происхождении.

Лишь на окраине финикийского мира — в Северной Африке, на Сардинии и Мальте — еще сохранялись древние язык и традиции. Так, Августин Блаженный, один из отцов церкви, писал в начале V века: «Наши крестьяне, говорящие по-пунийски, будучи спрошены, кто они есть», отвечают: «Ханааны». В другом письме он уведомлял, что нужен священник, который был бы сведущ в пуническом языке. Сам он тоже владел им.

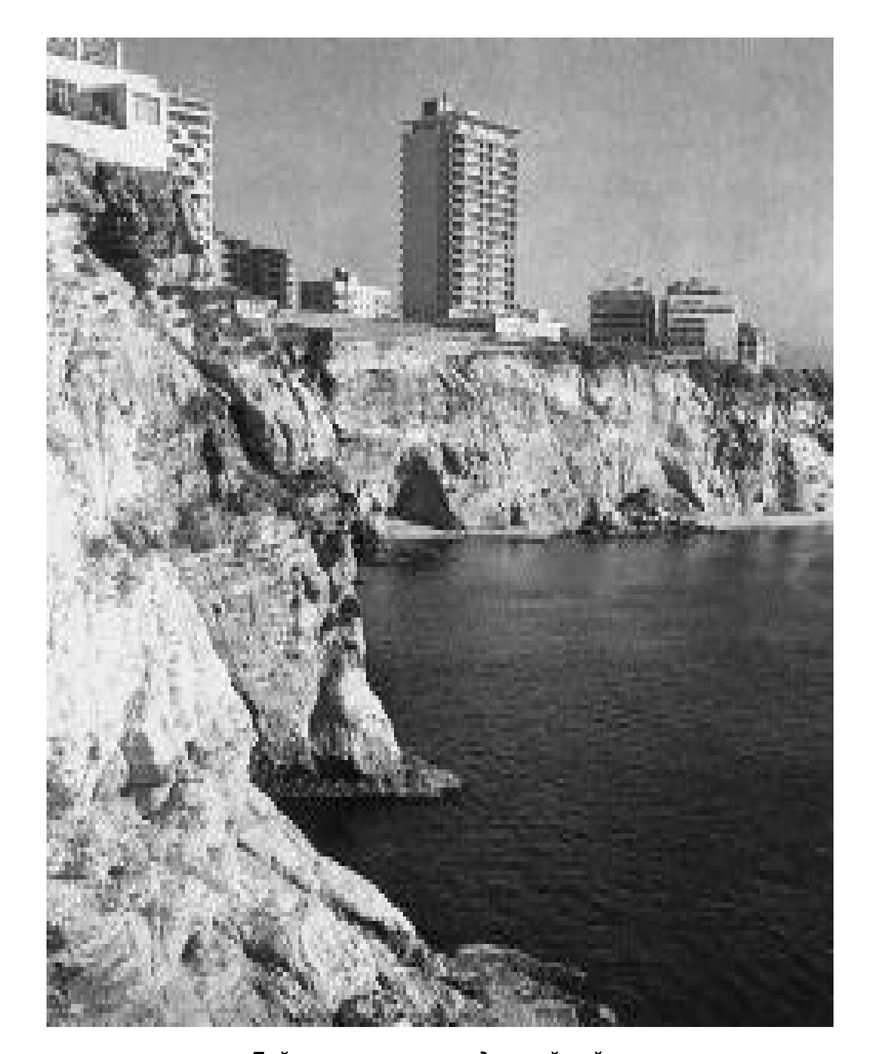
Как отмечал И.Ш. Шифман, «финикийская культура и финикийский язык сохранялись и на западе, и на востоке вплоть до арабского завоевания и распространения поглотивших их арабского языка и арабской культуры».

Земли древней Финикии были захвачены арабами в VII веке. Названия «Финикия» и «финикийцы» оказались забыты. Большинство жителей современного Ливана теперь считает себя арабами. Однако древние культы не погибли совсем. Финикийская религия веками жила в народе в виде отдельных суеверий и пережитков.

Так, еще в XII веке нашей эры еврейский путешественник Вениамин Тудельский видел в одном из здешних городов, — а он посетил Бейрут, Тир, Сидон, Акку, — статую финикийского божества и финикийское капище, которое пережило и христианских, и мусульманских фанатиков.

Ливанский пейзаж

Бейрут в канун гражданской войны

Во время крестовых походов древние города Финикии перешли к христианам. Триполи пал в 1099 году — в том же году, что и Иерусалим. Зато Тир, как и в прошлые века, стойко сопротивлялся захватчикам. Взять эту крепость на полуострове удалось лишь в 1124 году, когда на помощь крестоносцам пришли венецианские суда.

В свою очередь, Тир, как и Сидон и Бейрут, крестоносцы удерживали дольше всего. Эти города были оставлены ими лишь в 1291 году.

В христианских традициях Ливана еще и сегодня многое связано с древнейшими финикийскими культами. Так, в литургии христиан-маронитов Дева Мария именуется «Кедром Ливана». Древние рощи кедра и поныне бережно охраняет местная церковь. В роще Бшерри еще в первой половине XX века устраивался «Праздник кедров Господних». Поныне туристы могут полюбоваться здесь «кедрами Соломона» (конечно, они выросли не в библейские времена, а гораздо позже). Как риторически замечает К.-Х. Бернхардт, «эти кедры больше, чем памятник природы, — они символ Ливана, символ его бурной истории и вместе с тем олицетворение его неизбывной силы, пережившей все превратности судьбы».

Подводя итог, хочется процитировать слова известного российского исследователя Ю.Б. Циркина: «За последние три десятилетия изучение финикийского мира сделало резкий скачок. Работы итальянских, немецких, испанских и других археологов практически заново открыли... своеобразные области финикийского мира, существовавшие в Северной Африке и Испании, на Сицилии, Сардинии, Мальте... И в Финикии, и в ее колониях было открыто много новых надписей... Количество археологических находок и на этой основе исторических интерпретаций перешло в совершенно новое качество науки». Мы постепенно разгадываем тайны Финикии. Но сколько еще древних загадок нам предстоит решить!

А пока прикоснуться к этим тайнам может любой, кто приедет в Ливан, хотя сложная политическая обстановка сдерживает разви-

тие туризма. Пятнадцать лет, с 1975 по 1989 год, в стране шла ожесточенная гражданская война. Ее последствия до сих пор не преодолены. Сколько же войн пережила земля Финикии! Сколько сражений перевидали ее памятники!

В местечке Джубейль, где правил царь Ахирам, сохранились остатки вала, защищавшего город, и руины древних храмов. В Сайде можно увидеть холм высотой 40 метров, расположенный там, где находились красильни. В Тире легче найти памятники римской эпохи, чем финикийской. Последние встречаются лишь в окрестностях города. Что ж, возможно, в XXI веке археологи откроют древности Ливана, решат загадки Финикии. И тогда ее города превратятся в памятники под открытым небом, а туристы, приезжающие сюда, будут удивляться так же, как полторы тысячи лет назад удив-

Ливанская земля еще хранит тайны древней Финикии

лялся византийский «турист» и поэт Нонн, оставивший описание путешествия по Финикии:

«Он возликовал, увидев город... Тир лежал в воде, причастный земле, но охваченный морем... Непоколебимый, он был подобен плавающей деве. Он отдал морю голову, грудь и шею, распростер руки среди двойного моря, белея наподобие соседки — морской пены» (пер. Б.А. Тураева и Г.Ф. Церетели).

ХРОНОЛОГИЯ

4000—3100 гг. до н.э. — медный век.

3100—1200 гг. до н.э. — бронзовый век.

После 2723 г. до н.э. — по приказу фараона Снофру египетские корабли прибывают в Библ. Начало торговых отношений между Египтом и Ливаном.

XXIV в. до н.э. — Саргон Аккадский совершает поход в Сирию и достигает побережья Средиземного моря.

2300—2100 гг. до н.э. — ханаанеи завоевывают Палестину и Ливан.

Конец XXII — XXI вв. до н.э. — правление III династии Ура. Возможно, Библ находится под контролем царей Ура.

Около 2000—1787 гг. до н.э. — правление XII династии в Египте. Укрепление торговых и культурных связей между Египтом и Финикией.

1503—1491 гг. до н.э. — правление фараона Тутмоса III (XVIII в. до н.э.). Тутмос III завоевывает Ливан и Сирию до Евфрата.

1377—1354 гг. до н.э. — правление фараона Аменхотепа IV (Эхнатона). Нападение хапиру на Библ.

После 1200 г. до н.э. — нашествие «народов моря».

Около 1080 (1066) г. до н.э. — египтянин Ун-Амон едет в Библ, чтобы заготовить лес для ладьи Амона-Ра.

1114—1076 гг. до н.э. — правление ассирийского царя Тиглатпаласара I. В годы своего правления он совершает поход к Средиземному морю и собирает дань с городов Финикии.

Около 1100 г. до н.э. — появление финикийцев на Кипре. Укрепление финикийских городов.

После 1100 г. до н.э. — саркофаг библского царя Ахирама с раннеалфавитной надписью.

969—936 гг. до н.э. — правление Хирама I Тирского. Строительство островной части Тира. Поставка древесины в Иерусалим для возведения храма. Плавания в страну Офир.

950—850 гг. до н.э. — расцвет Тира.

887—856 гг. до н.э. — правление Итобаала I Тирского.

883—859 гг. до н.э. — правление ассирийского царя Ашшурнасирпала II. Новый поход ассирийской армии к Средиземному морю. Он и его преемники включают государства, лежавшие на территории Сирии и Ливана в состав Ассирийского царства.

871—852 гг. до н.э. — правление «нечестивого Ахава» в Израиле; сотни «пророков Вааловых» «прельщают» израильтян.

814 (825 или 823) г. до н.э. — основание Карфагена.

После 742 г. до н.э. — Ассирия начинает угрожать независимости финикийских городов.

701 г. до н.э. — ассирийский царь Синаххериб (705—681 гг. до н.э.) безуспешно осаждает Тир.

681—669 гг. до н.э. — правление ассирийского царя Асархаддона; разоруние Сидона. Финикийские города платят дань Ассирии.

605—562 гг. до н.э. — правление нововавилонского царя Навуходоносора II. Он отвоевывает у египетского фараона Нехо (610—595 гг. до н.э.) Финикию, включенную последним в состав Египта после распада Ассирийского царства. Теперь финикийские города становятся частью Нововавилонского царства.

586—573 гг. до н.э. — Навуходоносор II безуспешно осаждает Тир.

564—558 гг. до н.э. — правление «судей» (суффетов) в Тире.

539 г. до н.э. — Кир II (558—530 гг. до н.э.), царь Персии, завоевывает Вавилон. При его преемнике, Камбизе II (530—522 гг. до н.э.), Финикия входит в состав Персидского царства.

343 г. до н.э. — персидский царь Артаксеркс III (358—338 гг. до н.э.) сжигает Сидон.

332 г. до н.э. — Александр Македонский после долгой осады берет штурмом город Тир и жестоко расправляется с его жителями. Начало эллинизации Финикии.

64 г. до н.э. — римский полководец Помпей присоединил Сирию и Финикию к Риму.

614 г. н.э. — в Финикию вторгается персидская армия.

Содержание

Волков А.В.

В 67 Загадки Финикии. — М.: Вече, 2004. — 320 с. («Таинственные места Земли»)

ISBN 5-9533-0271-1

Там, где сейчас находится государство Ливан, — на восточном побережье Средиземного моря, — в древности располагались земли одной из самых богатых стран Древнего мира — Финикии. Финикия славилась своими бесстрашными мореплавателями, основавшими множество торговых городов-государств. Эти города вели активную морскую и сухопутную торговлю и основали ряд колоний в Средиземноморье, в том числе Карфаген. В VI в. до н.э. Финикия была завоевана персами, а в 332 г. до н.э. — Александром Македонским. Современная историческая наука сделала большой шаг вперед в изучении финикийского мира. Количество археологических находок, и на этой основе исторических интерпретаций, перешло в совершенно иное качество. Ученые постепенно разгадывают тайны Финикии и открывают неизвестные страницы древней истории.

Написанная живым языком и основанная на богатом научном материале, книга А. Волкова «Загадки Финикии» послужит читателям увлекательным путеводителем по Восточному Средиземноморью и в то же время введением в историю, культуру и религию Древней Финикии.

ВОЛКОВ Александр Викторович

ЗАГАДКИ ФИНИКИИ

Генеральный директор *Л. Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. П. Еленский*
Главный редактор *С. Н. Дмитриев*
Редактор *М.В. Давыдова*
Корректор *Б.И. Тумян*
Верстка *И.В. Хренов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — *Д.В. Грушин, Г.Н. Фадеев*

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.П.002268.12.02 от 09.12.2002 г

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.
ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ЗАО «Издательский дом «Вече»

e-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru
http://www.100top.ru

Подписано в печать 16.03.2004. Формат 70×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Helvetica». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 5000 экз. Заказ .